

РОСТИСЛАВ ТУНКИН

АТЛАС ЗАКРЫТЫХ ДОРОГ

Ростислав Тункин

Атлас закрытых дорог

<https://litres.ru/74667969>

SelfPub; 2026

Аннотация

Проводник Терен Вей привык проверять, выдержит ли дорога груз. Но даже он не знает, на чём держится его мир.

После обрушения моста Терен попадает в Межу — землю под чужими небесами. Здесь парусники скользят по сухому камню, а в огромных световых окнах над головой видны другие миры. На борту «Недоимки» он ищет путь домой, к сыну. Только у капитана на пассажира свои планы.

За закрытыми дорогами Терен находит людей, которых вычеркнули из официальных бумаг. Их земля принимает тяжесть верхнего мира. За чужую безопасность они платят своими домами и жизнями.

Когда-то Терен поставил ложную подпись ради спасения сына. Теперь ему предстоит увидеть цену собственного решения. Приближается новая катастрофа, и каждый удобный выход снова перекладывает беду на других.

Он умеет находить дорогу. Но имеет ли право выбирать, кто заплатит за неё?

Содержание

Часть первая. Падение	4
Глава первая. Вес сходится	4
Глава вторая. Мост ломается навстречу	27
Глава третья. Горячая вставка	42
Глава четвёртая. Не подписать мёртвого	71
Глава пятая. Осыпь и капитан	100
Глава шестая. Город под своим шумом	130
Глава седьмая. Кран и проба	154
Глава восьмая. Чужая цена	174
Глава девятая. Уйти от города	201
Часть вторая. Ветер под мирами	225
Глава десятая. Ветер по ведомству	225
Конец ознакомительного фрагмента.	229

Ростислав Тункин

Атлас закрытых дорог

Часть первая. Падение

Глава первая. Вес сходится

Стрелка больших весов качнулась, прошла семь тонн и остановилась на двухстах. Она подрагивала, как палец над строкой.

— Стой, — сказал Терен.

Ерс натянул вожжи так старательно, будто кобыла могла испортить взвешивание одним выдохом.

Весовой двор на Третьей террасе Свода открывали затемно. К рассвету здесь пахло мокрым железом, навозом и чаем из жестяного котла, который весовщица держала под конторкой и никому не предлагала. Над двором поднимались семь ярусов галерей. На верхних уже гремели первые подъёмники. Кто-то хлопнул ставней, и звук долго падал по каменному колодцу улиц, отскакивал от карнизов и наконец рассыпался о брусчатку у самых колёс.

Терен сверил стрелку с листом. По листу телега Ерса тянула на семь тонн сто восемьдесят: бочки с маслом, гвозди

в рогожных кулях, шесть ящиков Долы с сушёной грушей и перцем, сам Ерс и кобыла Галка. Галка стояла на платформе всеми четырьмя ногами и задумчиво жевала узду.

— Двадцать лишних.

— Двадцать — это не вес, — обиделся Ерс. Он был широкий, седоусый, в кожаном фартуке поверх тулупа и пах тем же маслом, что его бочки. — Двадцать — это овёс.

— Овёс тоже давит на мост.

— Овёс давит на Галку. Изнутри. К вечеру его не будет.

Весовщица хмыкнула в кружку. Терен вписал «овёс — 20» отдельной строкой и поставил рядом свой знак: короткий крюк, которым двадцать лет отмечал каждую цифру, проверенную своими глазами. Ерс посмотрел на крюк так, словно Терен нарисовал на его овсе пошлину.

— Бесплатно. Пока.

Вторыми на платформу въехали братья-бондари из Нижней Лестницы, Тарм и Олек, с обручами и клёпкой для низовых бочарен. Оба рыжие, оба с утра вполголоса спорили друг с другом и, судя по лицам, продолжали спор, начатый ещё в детстве. Их телега сошлась с листом до десятка килограммов. Третьей встала ремонтная: инструмент, тросы, запасные блоки и сундук Бранна. На сундуке углём было написано «НЕ САДИТЬСЯ», а чуть ниже, другой рукой, — «ОСОБЕННО ТЕБЕ, ТЕРЕН».

Терен сел бы, но сундук был занят. На нём сидела Тиса и, высунув кончик языка, переписывала в книжку вес каждой

бухты троса.

Терен ещё раз сложил столбец: двадцать две тонны шестьсот на весь караван, с людьми. Мост над Вздохом брал по восемнадцать на пролёт; телеги шли по одной, с разрывом в пролёт. Запас выходил больше чем вдвое. Числа сошлись, и это доставило ему маленькое удовольствие, похожее на звук хорошо закрытой двери.

— Сходится, — сказал он весовщице.

— У вас всегда сходится, — ответила она, не поднимая головы. — Вы же сами и считаете.

Бранна он нашёл у окошка складской конторы. Тот держал на ладони стальную серьгу для тормоза противовеса, новенькую, синеватую, с клеймом литейной на щёчке. Смотрел он на неё так, как смотрят на родственника, пришедшего просить в долг.

— Не возьму.

— Клеймо есть, — сказал кладовщик через решётку. — Партия принята.

— Клеймо у неё есть. Тела нет. — Бранн достал из кармана молоток величиной с кулак и легонько тукнул по серьге. Та отозвалась коротким глухим «тук», будто внутри была глина. Потом он тукнул по старой, сточенной, лежавшей тут же на прилавке, и она запела высоко и долго. — Слышишь? Эта мне врёт. Где-то в щеке раковина, с ноготь. Под нагрузкой разойдётся.

— Мастер, у меня приёмка...

— Приёмку я тебе не порчу. Дай мне из старого запаса две кованые, а эту отправь литейщикам с моим поклоном.

— Старые по три марки.

— А новые?

— По одной.

— Вот и видно, — сказал Бранн. — Две по три. И чай.

— Чай не продаётся.

— Я не покупаю. Я прошу. — Он обернулся к Терену.
— Он мне должен чай. Я ему в прошлом месяце складской подъёмник перебрал, считай, бесплатно.

— Ты его перебрал за две марки и обед, — сказал Терен.

— Обед был плохой. Значит, бесплатно.

Кладовщик принёс две кованые серьги, но насчёт чая не сдался. Бранн расплатился, простучал обе серьги молотком, сунул в карман и вышел во двор, напевая. Пел он плохо и с удовольствием, всегда один и тот же припев: «На дворе ведро, на пороге глина». На слове «ведро» он каждый раз пытался вытянуть ноту, которая ему не давалась, и она обрывалась, как гнилая верёвка.

— Бранн, — сказала Тиса с сундука, не отрываясь от книжки. — Пожалуйста.

— Это рабочая песня. Под неё работают.

— Под неё хочется уволиться.

Сайра пришла, когда солнце уже легло на верхние галереи и сползло по ним до четвёртого яруса. Она шла через двор, обходя лужи и не глядя под ноги. На ней был тёмно-серый

дорожный плащ такого хорошего сукна, что Терен, которому вечно было жаль денег на собственную одежду, неодобрительно им залюбовался. Следом носильщик нёс деревянный ящик с латунными углами.

Рядом с ней шёл начальник участка Кадор и что-то объяснял. Папку он держал на отлёте, двумя пальцами, будто она была горячей, и Терен понял, что разговор не задался.

— Господин Вей. — Кадор протянул ему лист. — Разрешённый режим служебной линии на Вздохе. Подписан, заверен, Орден меры видел. До пересадки Свода на новую опору тридцать пять дней, до тех пор режим не меняется. Утро с шести до девяти — пониженная нагрузка, днём штатная. Ваш проход записан на вечернее окно, с шести. Если сдвинетесь, утреннее на семь свободно, подтверждаю.

Терен прочёл режим: допуски, часы, номер линии, подпись. Утренняя пониженная нагрузка ему понравилась. Он сложил лист вчетверо и убрал во внутренний карман, к письму Левена.

— Госпожа Сайра желает, — сказал Кадор тоном человека, который ставит на стол чужую грязную тарелку, — поставить на служебную опору свою кассету.

— Не желаю, — сказала Сайра. — Ставлю. Пункт девятый договора: независимая запись за счёт заказчика. Мой дом страхует перевозчиков на Вздохе. После пересадки ему пересчитывать тарифы. Я хочу свою запись.

— На опоре стоит ведомственный самописец. Его ленту

опечатывает Орден.

— Вот пусть Орден и печатает свою ленту. Свою кассету опечатаю я. При свидетеле.

Глаза, которые она перевела на Терена, были светлые, спокойные и очень внимательные, как у человека, который пересчитывает сдачу, не опуская взгляда на ладонь.

— Засвидетельствую, что поставили и что пломба целая, — сказал Терен. — Что она пишет, не моё дело. Я в этом разбираюсь хуже вас.

— Этого достаточно. — Сайра раскрыла папку. — И раз уж вы здесь: режим вы прочли. Поставьте, пожалуйста, вот тут, что ознакомлены и замечаний нет.

Он взял её карандаш и повертел в пальцах.

— «Ознакомлен» поставлю. «Замечаний нет» — не поставлю.

— У вас есть замечания?

— Нет. Но я его не считал. Его считал тот, кто подписал. — Он кивнул на Кадора. — Я подписываю мост, вес и противовес. То, что сам потрогаю.

Кадор выглядел одновременно облегчённым и задетым. Сайра посмотрела на Терена внимательнее, будто только что выяснила его цену.

— Осторожно, — сказала она.

— Дорого, — поправил Терен. — Осторожность входит в цену.

Он расписался в одной графе и оставил другую пустой.

Сайра, ничего больше не сказав, перечеркнула её косою чертой, чтобы никто потом не дописал за него.

* * *

К дороге на Вздох караван спускали Большим грузовым. Телеги по одной закатывали на дощатую платформу размером с хороший двор. Ерс держал Галку под уздцы и что-то ей нашёптывал. Платформа вздрагивала, и где-то наверху, в каменной шахте, начинал опускаться противовес. Терен слышал его по тросу: ровный низкий гул, от которого чуть щекотало в зубах. На галерее над шахтой сидели трое мальчишек и тоже слушали, с серьёзностью, приличной органистам.

— Левый поёт выше правого, — сказал Бранн, задрав голову.

— На полтона, — крикнул сверху старший из мальчишек.

— На четверть, — сказал Бранн. — К зиме менять.

— Я им скажу!

Мальчишка унёсся по галерее, наверное, к механику. Бранн проводил его довольным взглядом.

— Твоя Соль тоже так слушает? — спросил Терен.

— Моя Соль собирает жетоны с подъёмников. У неё их сорок. Раскладывает по высоте, на какую поднимали. Эна говорит, дочь растёт с инженерным складом ума. Я говорю — с жадным. — Бранн довольно хмыкнул. — Лите обещал сапоги с этой поездки. С пряжкой. Знаешь, сколько стоят сапоги с пряжкой для четырнадцатилетней девицы, которая растёт, как подъёмник?

— Сколько?

— Половину инспекции. — Он прищурился на Терена. — Поэтому я рассчитываю и на твою долю.

От нижних ворот дорога полтора часа шла вдоль ущелья. Свод остался за спиной — ярус над ярусом, бельё на верёвках, вспышки окон. Впереди открылась каменная пустота Вздоха, широкая, как долина, и такая глубокая, что дна не было видно. Внизу стояла голубоватая дымка, и где-то в ней медленно поворачивалась птица. Через пустоту в три пролёта тянулся мост: серый, тяжёлый, с ажурной железной галереей вдоль нижней кромки настила, похожей на подшитое кружево. Посередине из дымки поднималась служебная опора. Толстый полый столб с окнами-бойницами уходил вниз, в туман, и казалось, что он не стоит, а подвешен к мосту.

Станция у моста называлась так же, как ущелье, и была старше моста. Строили её для пассажиров. Высокий зал с колоннами, лепные венки, медная доска с расписанием, на которой когда-то было восемь строк, а теперь шесть: две аккуратно покрасили той же краской, что и стену, только поновее. В дальнем конце зала стояла створка, две бронзовые половины в два человеческих роста, перехваченные по шву свинцовой лентой с печатью. Над печатью ласточки вылепили гнездо. Судя по белым потёкам, жили они там давно.

Терен прошёл через зал быстро, как проходят мимо знакомого, с которым не хочется здороваться. Что было написано на закрашенных строках, он знал и так.

В соседнем, низком зале работала служебная линия: тёплые чугунные плиты над каменным жёлобом, медные стрелки и техник, который раз в четверть часа записывал показания. Тиса присела и положила ладонь на плиту, тут же отдёргнула.

— Оно гудит.

— Работает, — сказал техник, не поднимая головы. — Служебная нагрузка. По режиму.

— Пассажиров туда не пускают, а тянуть тянут, — сказал Ерс, заглядывая ей через плечо. Сказал без задней мысли, как говорят о погоде.

— Не туда, а оттуда, — поправил молодой голос от дверей.

— Чего «оттуда»?

— Нагрузку. Её не тянут, её отводят. Это ж не телега. — В зал вошёл парень лет двадцати пяти в станционной куртке, с мотком троса через плечо и хлебной коркой за щекой. — Кин, ремонт моста, меня к вам приставили. Вы Вей?

— Я Вей.

— А я думал, вы старше, — сказал Кин с искренним разочарованием. — У нас про вас рассказывают, как про старика.

— Это потому, что я дорогой, — сказал Терен. — Пошли на мост.

* * *

Мост был в порядке, и Терен потратил три часа, чтобы в этом убедиться.

Он прошёл настил и нижние галереи, проверил гипсовые

маяки поперёк старых швов. Ни один не лопнул; весенняя трещина в береговом устое за лето не выросла.

Где маяков не было, Терен доставал щуп — две каменные пластинки на медной проволоке. Одну вкладывал в шов, другую держал в кулаке и нажимал рычажком. Камень отвечал, словно человек из соседней комнаты: слов не разобрать, но слышно, спокойно он говорит или кричит. Сегодня мост говорил спокойно и глуховато.

— Чего он? — спросил Кин.

— Ничего. Держит.

— А что вы слушаете?

— Как держит. Если с натугой, будет слышно.

Кин подумал и сказал «а-а» тем вежливым тоном, каким говорят люди, решившие, что их разыгрывают.

На втором пролёте, у самой нижней балки, Бранн поставил Тису на анкеры галереи: двести болтов, которыми железное кружево крепилось к камню. Работа скучная и честная. Каждый болт простучать, проверить ключом и пометить мелом: крест, если хорош, круг, если сомнителен. Тиса пошла по ряду быстро и аккуратно, кресты ложились один за другим, как стежки. Через полчаса она догнала Терена у опоры, сияя тем неосторожным сиянием, какое бывает у людей, закончивших раньше срока.

— Первый ряд. Сто четыре. Все хорошие.

Бранн перестал напевать про ведро и глину.

— Все?

— Все. Я каждую гайку.

— Гайку.

Бранн взял ключ и вернулся к ряду. На одном из крестов наложил ключ: гайка сидела крепко. Тогда он повернул торчащий хвост болта вместе с гайкой. Болт провернулся в камне легко, как ложка в каше.

Тиса покраснела вся, от ворота до бровей.

— Гайка затянута, — сказал Бранн. — А болт не держит. Видишь разницу? Тянешь гайку, она говорит, что хорошая. Она и правда хорошая. Только держит она сама себя.

— Я поняла.

— Ты не поняла, ты обиделась. Поймёшь, когда пройдёшь ещё раз. Весь ряд.

— Весь?

— А ты знаешь, какой ещё так же?

Она не знала. Взяла ключ и пошла назад с прямой спиной, ни на кого не глядя. На этот раз каждый болт она брала двумя руками, за гайку и за хвостовик. Через час на ряду было три круга вместо одного. Бранн обошёл все три, кивнул и ничего не сказал, только, проходя мимо, легонько толкнул её плечом. Тиса толкнула в ответ, сильнее, и он сделал вид, что едва устоял.

Терен смотрел на них сверху, с лестницы, и думал, что из Бранна, когда тот получит мастерскую, выйдет хозяин невыносимый и очень хороший.

Галерея среднего пролёта оказалась забита.

Вместо прохода — штабели сухих ящиков с чужими торговыми знаками. Они закрывали четыре из шести люков, ведущих с настила в галерею. Между ящиками приходилось протискиваться боком.

— Это чьё?

— Смотрительницы, — сказал Кин с неловкостью человека, который отвечает за то, за что не отвечает. — Она галерею сдаёт. Стекольщикам. Тут сухо, и никто не ходит, кроме нас, раз в месяц.

— Ремонтную галерею — под склад?

— Ну... доход. Станция-то не пассажирская.

Терен постоял ещё немного. Снизу ровно тянуло тёплым, как из приоткрытой печной дверцы, и пахло нагретым железом.

— Пошли к противовесу, — сказал он. — Со смотрительницей потом.

В служебной опоре висел противовес: две тонны чугуна на цепи через шкив, с ленточным тормозом и стопорным пальцем. Им поднимали ремонтные люльки. Бранн заменил старую серьгу на кованую, проверил ход тормоза и снова зажал стопор.

— Ходит.

— Ставь вставку.

Бранн не сразу потянулся к сумке.

Ремонтная вставка состояла из двух керамических шашек, связанных калёной нитью. Одну ставили в ухо проти-

вовеса, вторую — на анкер ремонтной площадки. При падении тяжёлого блока пара уводила часть нагрузки в противовес и тормоз. Шашки от этого быстро изнашивались.

— Пусть стоит до утра, — сказал Терен. — Пока не пройдём.

— Поставлю, — сказал Бранн. — Только потом не говори, что это я предложил. К утру она на треть сядет. Три марки пара.

— Новую купим.

— Ты купишь.

— Я куплю.

Кадор спустился по лестнице и поморщился, будто заболел зуб.

— Господин Вей, вы ставите аварийную пару на мост, по которому пройдут три телеги. В штатном режиме.

— Я ставлю пару на противовес, который висит у вас без дела. Его повесили, чтобы работал.

— Его повесили люльки поднимать.

— Пусть сегодня поднимает моё спокойствие.

Кадор вздохнул. Он был начальником участка, у которого каждая сработанная шашка шла отдельной строкой, и Терен его понимал.

— Счёт за пару на вас.

— На мне, — согласился Терен.

Кассету Сайры поставили на ту же опору двумя ярусами выше, на кронштейн возле ведомственного самописца. Де-

ревянный ящик рядом с латунным выглядел как деревенская родственница рядом с городской. Сайра сама вложила ленту, сама закрыла крышку и сама вдавила в воск печать своего дома, птицу с весами в лапах. Потом повернулась к Терену.

— Время?

— Без двадцати два.

Сайра внесла время установки в свой акт и попросила Кадора подтвердить на том же листе утренний переход. Он написал: «7.00, пониженная, подтверждаю», — и поставил подпись. Терен расписался только под словами «поставлена при мне, пломба целая», после чего вернул ей карандаш.

* * *

Смотрительница Вельма разговаривала с Тереном, не вставая из-за счётов. Костяшки щёлкали, пока он объяснял, что ремонтную галерею нельзя превращать в склад.

— Галерея сдана по договору. До конца месяца. Стекольщики заплатили вперёд.

— Галерея ремонтная. В неё уходят, когда надо уйти с настила. Сейчас туда можно уйти через два люка из шести.

— Вы собираетесь уходить с настила?

— Я собираюсь не застрять на нём, если понадобится.

— Если понадобится, — повторила Вельма и щёлкнула костяшкой. — Господин Вей, сколько я здесь сижу, на этом мосту ничего не случилось. Стекольщиков я держу не от жадности. Из их денег я плачу своим техникам. Станция давно не пассажирская, ремонт идёт из моей аренды.

— Сколько стоит вынести ящики?

— Две марки на носильщиков. И стекольщики потребуют за бой. А во дворе к ночи сыро.

— Носильщиков оплачу я, — сказала Сайра. Она стояла в дверях и до этого молчала. — Бой по описи, если будет. Сырость ваша. По уставу ремонтные галереи на дорогах Короны под склад не сдаются, госпожа смотрительница, так что о вашей аренде я бы на вашем месте спорить не стала.

Вельма впервые за весь разговор оставила счёты в покое.

— А вы, значит, страховщица.

— А я, значит, страховщица.

— Тогда вечерний проход пропадает, — сказала Вельма уже Терену, без злости, просто сообщая. — Окно у вас сегодня с шести до девяти. До темноты не освободите. Утреннее — второй сбор.

— Значит, утром.

— Значит, ночуете у меня. Три с половиной марки на всех, с конюшней.

— Ночуем у вас.

Услышав это во дворе, взвыла Дола. Она торговала сушёными фруктами и перцем, была полная, громкая и носила три платка один поверх другого. За этот день Терен успел узнать, что рынок в Перевальном у неё по средам, что место она держит девятый год и что соседка по месту, если Дола не будет к утру, разложит свою курагу на её краю. Ещё он узнал, что соседка — тварь.

— Это рыночный день, господин Вей! Вы знаете, что такое рыночный день?

— Знаю. Это день, когда на рынке есть люди.

— Вот! А меня там не будет!

— Будете. Утром пройдём, к обеду будете.

— К обеду мне уже не надо, мне к утру надо! Курагу с утра берут!

— Вы торгуете грушей.

— Груша идёт после кураги! — Дола всплеснула руками так, что платки съехали. — Вы что, не знаете, как торгуют?

Терен признался, что торговать не умеет, и спросил почём груша. Купил мешочек на суп по рыночной цене. Дола огорчилась ещё больше: ругаться стало неловко.

Обедали поздно, у очага во дворе. Носильщики таскали ящики из галереи, отдыхали и снова таскали. Кин брался помогать за отдельную плату. Терен варил похлёбку.

В дороге он варил всегда. Это было единственное дело, где не приходилось отвечать ни за что, кроме соли. В котёл пошли грудинка, лук, Долова груша и жгучий перец. В самом конце Терен добавил полбанки квашеной репы. Запах заставлял носильщиков задерживаться у навеса без дела.

— Груша и репа, — сказал Бранн, заглядывая в котёл. — Ты это в каком сне видел?

— Ешь и молчи.

Бранн ел и не молчал. Молча он есть не умел: ел, как работал, обстоятельно, со вкусом и с комментариями. Ему бы-

ло сорок семь, он был широк и в плечах, и в поясе. Борода начинала сидеть от углов рта, будто он слишком много раз в жизни улыбался одними и теми же мышцами. Говорил он про мастерскую.

— На Седьмой террасе, в бывшей лудильне. Два горна, свой малый подъёмник. Аренда восемь в месяц, взнос в цеховую кассу — сорок. Ещё три поездки, и на взнос хватит, Терен.

— А потом?

— А потом я буду мастер с мастерской, а не мастер с сундуком. Тиса будет у меня старшей. — Он показал ложкой на Тису. Та сидела на бревне с миской и делала вид, что не слушает. — Честные доли, без цеховых штук, когда ученик полгода метёт пол, потому что его мастер тоже мёл. Ты пол мести будешь?

— Нет, — сказала Тиса.

— Видишь? Уже характер. Эна говорит: сначала купи дочерям сапоги, потом мастерскую. — Он помолчал, жуя. — Эна, между прочим, права. Только сапоги через год малы, а мастерская остаётся.

— Ты ей это сказал?

— Сказал. Она сказала, что я дурак. Тоже права. — Бранн довольно облизал ложку. — Слушай, а ничего твоя груша. Я сперва думал, издевательство. А она кислоту держит. Ещё есть?

Сайра сидела чуть поодаль, на складном стуле, который ей

принёс носильщик. Ела она аккуратно, как человек, привыкший к хорошей посуде, но не боящийся плохой. Похлёбку она попробовала с осторожностью, потом с интересом, потом попросила добавки, не меняя лица.

— Где вы научились так варить?

— В дороге. Там все учатся. Или не все, — добавил он, вспомнив кое-кого. — Кто не научился, ест то, что варю я.

— Значит, вам приходилось кормить много людей.

— Приходилось кормить много голодных. Это проще, им всё вкусно.

Она чуть улыбнулась, не губами, а тем, как наклонила голову. Терен почувствовал к ней ту лёгкую, приятную и совершенно бесперспективную симпатию, которую испытывал к умным, хорошо одетым женщинам, говорящим с ним по делу. Знал он за собой и другое: обычно он уходил раньше, чем разговор переставал быть деловым. Сегодня утром он ушёл из комнаты на Пятой террасе, пока хозяйка ещё спала, оставив на столе плату за неделю вперёд и ни одного слова. Это до сих пор слегка свербело, как плохо пришитая пуговица. Он перевёл взгляд на Доловы ящики, которые носильщики, проходя, составили у навеса.

На каждом была нарисована карта. Красивая: синяя река в три извива, лодочка, домик с красной крышей, лиловые горы по краю. Под горами — название сада, где сушат груши.

— Река не туда течёт, — сказал он.

— Чего? — Дола подняла голову от миски.

— На ящике. Если это Пестрянка, то у сада она поворачивает влево. А тут вправо.

— Это для красоты, — сказала Дола с презрением к человеку, не понимающему красоты. — Упаковщик рисует. У него сын художник.

— Красиво, — согласился Терен.

Он вспомнил Остена, торговавшего солью в Низине. На серых мешках у того крупно стояло: «ПОЛПУДА», «ПУД». Однажды печатник предложил добавить речную карту с рыбками, для красоты. Остен отказался: «Купят мешок, поедут по карте, заблудятся и придут ругаться, почему соль врёт. А вес не врёт». Терен тогда смеялся. Теперь ещё раз посмотрел на синий изгиб реки, доел и отправился проверить, освободили ли галерею.

* * *

К закату вынесли последние ящики. В галерее остались чистые прямоугольники от штабелей. Кин пообещал утром подмести, а Тиса снова проверила анкеры: на месте двух отмеченных ею кругов Бранн уже поставил новые.

Вздых в сумерках дышал.

К вечеру камень ущелья отдавал дневное тепло, и воздух поднимался из дымки. Отсюда и название Вздых. Сегодня, однако, вместе с теплом пришло что-то ещё. Терен задержался у поручня: железо было тёплым, хотя солнце давно ушло.

Пахло илом. Не камнем и не нагретым металлом, а илом, мокрым, речным, с привкусом жести, как у лодочных при-

станей в межень. И звук. Когда на станции ударили в вечерний колокол, удар ушёл в ущелье, в дымку, и вернулся. Потом вернулся ещё раз, позже, чем следовало, и глуше, словно кто-то далеко внизу подержал его в руках, прежде чем отпустить.

Терен дождался ещё одного отзвука, но ущелье молчало. Он пошёл спросить у Вельмы, часто ли так бывает.

— Бывает. Перед переменной погоды он тёплый. Илом бывает, весной особенно: там внизу ручьи. А колокол всегда так. Вы просто раньше не слушали.

Наверное, она была права: у каждой дороги своя придурь. Где-то в определённый час ветер бил сбоку, где-то тоннель отвечал двойным эхом. Терен ещё раз оглянулся на мост и пошёл во двор.

Ерс сидел на крыльце конюшни и чистил Галкину сбрую. Когда Терен проходил мимо, он его окликнул.

— Господин Вей. Может, по-тёмному пройдем? Галерею освободили, окно ещё не закрылось, к полуночи будем на той стороне. Дола меня съест, если утром не попадёт на рынок.

На опорах моста уже зажгли огни; внизу ничего не было видно, только тепло поднималось из дымки.

Было бы удобно. Он сам любил удобные решения и знал, как быстро принимает их, когда никто не смотрит.

— Утром, — сказал он. — В семь, как подтвердили. Люди выспятся, лошади выспятся, я ещё раз посмотрю мост при свете. Утром на линии пониженная нагрузка. По утрам всем

спокойнее.

— Дола меня съест.

— Не съест. Я ей сказал, что вы против.

— Я за!

— Тогда скажу, что за. Пусть ест меня.

Ерс засмеялся, закашлялся, махнул рукой и вернулся к сбруе.

* * *

На ночь Терену досталась каморка над конторой Вельмы, с одним окном на ущелье и топчаном на ладонь короче него. Он поставил фонарь на подоконник, вынул из кармана режим, положил на стол, придавил кружкой и только тогда достал то, что лежало под ним.

Письмо Левена пришло неделю назад, и Терен всё не мог ответить. Не от занятости, а потому, что не мог отгадать. Это была их старая игра, ещё с тех пор, когда Левен был мальчишкой и не умел писать длинно: «угадай дорогу». Один описывает путь в три строки, другой должен назвать, где это. Теперь Левен работал в Своде, при больнице, на какой-то сложной установке, о которой писал так подробно и так непонятно, что Терен перечитывал по два раза и всё равно понимал только одно: сын его гордится. Почерк у него стал мелкий и ровный, инженерский. Загадки — злые.

«Угадай дорогу, — писал Левен. — Начинается под водой. На полпути пахнет хлебом. Кончается выше колокола, но колокола ты не услышишь. Подсказка: ты по ней ходил и

ругался».

Под водой — нижний водозабор. Хлеб — пекарня, но их в Своде тридцать. А ругался Терен на всех дорогах.

Он смотрел в окно на огни моста, пока не вспомнил застрявший много лет назад подъёмник.

Он засмеялся вслух, так что в соседней камерке кто-то заворочался.

Мельничный подъёмник. Начинается в нижнем водосборе, у колёс, проходит мимо печей пекарни Ортов на шестом ярусе и выходит на крышу над колокольной Седьмой террасы, а колокола оттуда не слышно, потому что грохочут колёса. Он ездил на нём один раз, с маленьким Левеном, лет пятнадцать назад. Подъёмник застрял на полпути на сорок минут, у самой пекарни, оба чуть не сошли с ума от запаха хлеба, и он, Терен, действительно ругался. Так, что Левен потом неделю повторял одно слово в самых неподходящих местах.

Он написал на обороте: «Мельничный. Орты должны нам две булки за сорок минут». И ответную загадку: «Вход дешевле выхода. Внизу кормят, наверху платят. Лошадь знает её лучше возчика». Перечитал. Левен отгадает за минуту. Ну и пусть: это тоже было бы приятно. Он сложил письмо и отнёс станционному вестовому, который утром уходил в Свод.

Вестовой сунул письмо в сумку, не глядя.

— К обеду будет. Если наверху нет очереди.

Терен постоял на крыльце. Из ущелья тянуло илом. На мо-

сту ровно горели огни, в конюшне фыркнула Галка. Под чугунными плитами низкого зала гудела служебная линия, и дежурный техник, наверное, записывал показания, четверть часа за четвертью.

Терен вернулся в каморку, лёг на короткий топчан, упёрся ногами в стену и заснул сразу, как засыпают люди, у которых на сегодня всё сошлось.

Глава вторая. Мост ломается навстречу

Утром Вздох молчал.

Терен вышел на мост в половине седьмого, когда над ущельем только начинало сереть, и первым делом понюхал воздух. Пахло камнем, холодной росой на железе и навозом со двора. Илом не пахло. Снизу больше не тянуло: за ночь ущелье выдохнуло всё, что накопило, и теперь лежало тихо, затянутое дымкой, как молоком.

Кин уже ждал у первой опоры, с метлой на плече.

— Подмёл, — сказал он гордо. — Всю среднюю. Теперь там даже красиво.

Они прошли настил вдвоём. Маяки на всех трёх опорах были целы. Терен приложил щуп к шву над служебной опорой. Камень отвечал тем же спокойным стариковским голосом, разве что чуть звонче с утреннего холода. Под настилом, на ремонтной площадке, сидела Тиса с книжкой на коленях и смотрела на керамическую шашку в бронзовом гнезде анкера так, будто та могла убежать.

— Села на шестую часть, — доложила она снизу. — Не на треть. Бранн проспорил.

— Я не спорил, я предупреждал, — донеслось из двери опоры. — Это разные вещи.

Люльку Бранн ещё вечером поднял из тумана и поставил

на площадку, на упоры, чтобы не болталась ночью на цепи. Сам устроился внутри опоры у тормоза, на перевёрнутом ведре, с кружкой. Сказал: раз уж ставил пару, посижу, пока пройдёте. Терен его не просил. Бранн и не спрашивал.

В семь на станции ударили в колокол. Эхо вернулось один раз, как положено.

Первой пошла телега Еrsa. Галка ступала по настилу брезгливо, высоко поднимая ноги, как кошка по мокрому. Ерс вёл её под уздцы, рядом шла Дола и, судя по рукам, всё ещё доказывала ему что-то про вчерашнюю грушу. Кин с красным флажком ушёл далеко вперёд, почти к дальней опоре, чтобы подать знак на тот берег, когда телега сойдёт с моста. За телегой, держась колеи, шагали Олек, которому надоело слушать брата, и старуха Ифа с корзиной яиц. Вчера её никто не слышал, потому что рядом была Дола. Терен шёл последним. Тарм с бондарской телегой ждал на берегу, держа лошадей: по одной на пролёт, с разрывом. За ним стояла ремонтная, и возле неё — Сайра в своём хорошем плаще, с папкой у груди.

Телега Еrsa миновала служебную опору и вкатилась передними колёсами на дальнюю половину среднего пролёта.

Терен почувствовал это ногами раньше, чем услышал. Настил под подошвами загудел, так же низко и ровно, как вчера чугунные плиты в низком зале станции, только теперь гудел весь мост. Потом у дальней опоры раздался звук, будто кто-то разом разорвал мокрую парусину длиной в сто шагов.

Плиты впереди стали подниматься одна за другой, как клавиши под невидимой рукой, и этот подъём шёл не от них, а к ним. Навстречу.

Кин обернулся с флажком в руке. Лицо у него было удивлённое, немного обиженное, как вчера, когда Терен оказался моложе, чем о нём рассказывали.

Перегруз ломает там, где тяжело, успел подумать Терен. А там было пусто.

Дальняя половина пролёта ушла вниз и вбок, сначала медленно, почти вежливо, потом сразу. Флажок мелькнул над краем и пропал. Галка закричала по-человечески и встала на дыбы над пустотой. Ерс не отпустил узду. Дола держала его за рукав. Они ушли вместе с лошадьёу в молоко, и звука падения Терен не услышал: дымка проглотила всё.

Телега осталась. Передней осью она висела над провалом, задними колёсами ещё стояла на ближней половине, и её вес тянул край настила вниз. Плита под Тереном накренилась. Олек и Ифа поехали по ней к обрыву, хватаясь друг за друга.

Терен упал на колени у люка над площадкой и сунул руку вниз, к анкеру. Снизу на него смотрела Тиса, белая, с открытым ртом. Пара была готова: шашка в гнезде, калёная нить, противовес на другом конце. Оставалось немного. Свести то, что уже падало, с тем, что было для этого приготовлено. Это он умел. Он вогнал пластинку щупа в щель между балкой настила и щекой анкера, сжал в кулаке вторую и подвёл.

Плита пошла в пару. Глубоко в опоре дёрнулись две тон-

ны чугуна, и Терен ощутил их через кулак, как чувствуешь на другом конце верёвки тяжёлого человека. Взыла цепь. Завизжал тормоз, Бранн выругался так, что было слышно сквозь камень. Настил больше не падал. Он опускался.

— Олек! В люк! Второй, к берегу!

Олек понял сразу. Он сгрёб старуху вместе с корзиной, дотащил до второго люка, вчера ещё заставленного ящиками, а сегодня чистого, подметённого Кином, и спихнул её вниз, на галерею. Прыгнул следом. Ифа, падая, так и не выпустила корзину.

Телега дёрнулась, задние колёса оторвались от плиты, и она пошла за лошадьёю. Бочки с маслом, кули с гвоздями, ящики Долы с синими нарисованными реками перевернулись в воздухе и ушли в дымку один за другим. Плиту без телеги рвануло вверх, потом она медленно, с хрустом, осела и замерла под углом.

В кулаке у Терена щуп стал горячим, потом треснул. Пара кончилась.

Он спрыгнул в люк на площадку. Тиса держалась за поручень обеими руками. Шашка в анкере шипела, как вода на сковороде. В двери опоры стоял Бранн. В клещах у него была вторая шашка, вынутая из уха противовеса, дымящаяся. Он сунул её в карман фартука, обмотав тряпкой.

— А то тормоз мне подпалит, — объяснил он. — Он и так подгорел. Держит на честном слове.

По галерее под ближней половиной пролёта, пригибаясь,

бежали к берегу Олек и Ифа. Галерея была цела.

— Уходим, — сказал Терен. — Туда же.

Тиса шагнула к галерее, и тут снизу дохнуло.

Это был вчерашний вечерний выдох, только в десять раз сильнее и горячий, как из открытой печи. Пахло илом, мокрой жостью и чем-то сладким, незнакомым. Гул, который был в настиле, ушёл вниз, в опору, и опора под ними двинулась. Не качнулась, а именно двинулась, как двигается под ногой лёд на реке, когда ещё не треснул. Галерея между площадкой и ближней опорой лопнула в стыке, с пушечным звуком, и повисла вниз, как уроненная лестница. Дороги к берегу больше не было.

Площадка дрогнула. Один её анкер выскочил из камня, второй. Площадка просела на ладонь и повисла, вместе с люлькой, на цепи противовеса.

Бранн посмотрел вниз, в молоко, потом наверх, на шкив, где в бронзовом кольце дрожала цепь, потом на опору, которая кренилась, медленно и упрямо, к тому месту, где пять минут назад была дальняя половина пролёта.

— Слезать некуда, — сказал он. — Поедем.

Он ударил молотком по стопорному пальцу. Палец не вышел. Бранн ударил ещё раз, плечом навалился на рычаг, палец выскочил, и Бранн прыгнул из двери на уже уходящую площадку. Поймал поручень одной рукой и повис на ней всем весом. Терен услышал, как у него в плече что-то хрустнуло.

Площадка поехала вниз по направляющим, вдоль кренящейся опоры. Цепь уходила вверх, через шкив, к противовесу, а тормоз, грузовой, ленточный, каких ставят на все подъёмники Свода как раз на такой случай, сам лёг на барабан и был, и наверху из окон-бойниц повалил синий дым. Они не падали. Они спускались, рывками, как в плохом подъёмнике, в тёплое белое молоко.

Дымка становилась гуще и горячее. Внизу она светилась, сначала чуть-чуть, будто там жгли фонари, потом сильнее, золотисто и бело, и свет шёл не сверху, где должно было быть утро, а снизу, где должно было быть дно. Мимо проплыла нижняя площадка опоры с натянутой под ней страховочной сеткой. Под площадкой опора кончалась трещиной, широкой, рваной, и в трещине был не камень.

Направляющие оборвались.

Наверху противовес ударил в верхний упор, и цепь встала. Площадку рвануло, перекосило, люлька сорвалась с упоров. Терен успел увидеть, как Тиса летит вбок, к сетке, и сам полетел следом. Сетка приняла их, натянулась, затрещала узел за узлом и разошлась. Каркас люльки ударил его в лицо. Потом был склон, камень, щебень, который ехал вместе с ним, чей-то крик, его или Тисин, и темнота, тёплая и плотная, как одеяло.

* * *

Сайра видела, как мост ломается не в ту сторону.

Она стояла у ремонтной телеги с папкой и смотрела, как

Ерс ведёт лошадь, и думала о том, что надо будет вписать в акт инспекции пункт о сдаче ремонтных галерей. Потом дальний пролёт поднялся, будто его вздёрнули снизу за нитку, и пошёл трещинами. Трещины бежали по настилу от дальнего берега к ближнему, от пустого конца к тяжёлому, туда, где стояли люди. Это было неправильно. Она не знала, почему, но знала, что неправильно, так же, как знают, что неправильна цифра в чужом отчёте, ещё прежде чем найти ошибку.

Она видела, как упали лошадь и двое. Как сорвалась телега. Как опора накренилась и по её боку в дымку поехало что-то железное, с людьми. Как дымка внизу на миг вспыхнула изнутри тёплым светом, как молоко, в которое уронили фонарь, и погасла.

На часах было семь часов шесть минут. Пока пальцы ещё слушались, она отметила время и короткую вспышку на свободном поле акта установки кассеты. Карандаш скользнул вбок; на бумаге осталась чёрная черта. Она закрыла папку.

По лестнице галереи у ближнего устоя поднялся Олек, волоча за собой старуху. Тарм бросил лошадей и побежал к брату, обнял его и начал ругать за то, что тот ушёл от телеги. Ругал, не разжимая рук. Старуха Ифа стояла, прижав к животу корзину, из которой текло жёлтое, и смотрела на мост.

Сайра подошла к ним, назвалась и спросила, кто где стоял. Олек отвечал сбивчиво, но в одном был уверен:

— Ломаться начало впереди. Там, где никого не было.

Только парень с флажком.

— Кин?

Олек вытер лицо рукавом, и на щеке осталась грязная полоса. Сайра не стала заставлять его повторять.

Ерс и Дола упали у неё на глазах. Кина с флажком в последний раз видел Олек. А железная площадка увезла Терена, Бранна и Тису в дымку, откуда на мгновение пробился незнакомый свет. Назвать этих троих погибшими она пока не могла.

От станции бежал Кадор с двумя людьми. Он был без шапки, с лицом серым и мокрым.

— Мост закрыт! Никого на мост! Прен, самописец с опоры, быстро, по настилу, с верёвкой!

— И мою кассету, — сказала Сайра.

— Пролёт висит на двух балках.

— Значит, быстро. Я пойду с вашим человеком.

Кадор открыл рот. Она уже стягивала плащ, хороший, серый, купленный этой весной на деньги, которые жалко было тратить, и отдавала его Тарму поддержать. Тарм обвязал её верёвкой поверх платья и закрепил конец за поручень. Первый пролёт был цел. Ближняя половина среднего висела под углом, и по ней пришлось ползти на коленях, держась за поручень, рядом с Преном, который всё время шептал что-то, то ли молитву хранителям мер, то ли ругательство. Люк в верх служебной опоры был открыт. Изнутри тянуло жаром и горелым маслом. Внизу, в колодце, уходила в туман цепь и

покачивалась. Пустая или нет, разглядеть было нельзя.

Её ящик висел на кронштейне криво, но печать с птицей была цела. Сайра отвинтила его онемевшими пальцами, обняла обеими руками и поползла назад спиной вперёд. Прен полз следом с латунным самописцем.

На берегу у неё дрожали колени. Она дала им подрожать, пока снимала верёвку, потом перестала разрешать.

В низком зале станции дежурный техник сидел за столом и не писал. Книга была открыта. Последняя запись стояла на семи ровно: «пониженная, по режиму». Строки на семь пятнадцать не было. Стрелки в стене стояли спокойно, будто ничего не случилось.

— Что было в семь ноль пять? — спросила Сайра.

— Я не успел записать.

— Что показывала стрелка?

Взгляд техника ушёл мимо неё, к двери, где стоял Кадор.

— Как вас зовут? — спросила Сайра.

— Норм.

Вельма стояла у стены, прижимая к себе метлу Кина.

— Вы слышали мой вопрос и его ответ? — спросила Сайра у неё.

— Слышала вопрос, — сказала Вельма. — Ответа не было.

Норм уставился на свою открытую книгу. Кадор молчал у двери.

Кадор нашёл её через час, в конторе Вельмы. Он успел

умыться, причесаться и стать спокойнее, и от этого было хуже.

— Госпожа Сайра. — Он положил на стол лист. — Проект акта. Для комиссии. Перегруз ведущей телеги, превышение по весовому листу, сход с колеи на среднем пролёте. Погибший проводник, к сожалению, не обеспечил интервал. Это общая практика. Вы понимаете, что это значит для вашего дома. Перегруз по вине перевозчика — не страховой случай. Вы не платите за Ерса, не платите за эту торговку, не платите за груз. Не платите за мост.

— По весовому листу превышения нет, — сказала Сайра. Она достала из папки свою копию, ту, что ей выдали утром на весовом дворе. — Двадцать килограммов, овёс, вписан отдельной строкой. Вот отметка проводника. Интервал соблюден: вторая телега стояла на берегу, это видели трое. Разрушение началось у дальней опоры, где не было веса.

— Это вы так видели.

— Это я так видела, и так видел Олек, и так увидит лента.

Взгляд Кадора опустился на ящик с латунными углами у её ноги.

— Кассета — вещественное доказательство. Её передают комиссии опечатанной. Целиком.

— Комиссия получит копию, снятую при Ордене меры. Образец один. Он останется у меня до второго измерения.

— Вы не понимаете, во что лезете.

Она понимала. Глава её дома скажет то же самое, только

вежливее и за хорошим чаем. Если подписать, дом сохранит деньги, а она, скорее всего, сохранит свою долю. Если не подписать, доля будет стоить ровно столько, сколько стоит её правота, а правоты у неё пока было — ящик, листок с овсом и три имени.

— Понимаю, — сказала Сайра. — Подписывать не буду. И ещё: утреннее окно подтвердили вы сами.

Она развернула акт установки кассеты. Под строкой о пломбе рукой Кадора стояло: «7.00, пониженная, подтверждаю».

— Подлинник останется у меня. Копию получите при смотрительнице.

Кадор дождался копии, взял её и ушёл, не прощаясь.

Олека, Тарма и Ифу она в тот же час посадила в свою наёмную карету и отправила наверх, в Свод, в контору дома, к нотариусу, с запиской: опросить сегодня, пока помнят, оплатить потерянный день и ночлег. Кадор сказал вслед, что свидетелей опросит комиссия. «Опросит, — ответила Сайра. — После нотариуса».

Сама она уехала последней, на ремонтной телеге, рядом с возчиком Вельмы. Ящик лежал у неё на коленях, завернутый в серый плащ. Весовой лист она достала ещё раз и долго разглядывала строку «овёс — 20» и короткий кривой крюк рядом. Терен Вей ставил его под каждой цифрой, которую проверил своими глазами.

Она сложила лист по старым сгибам и убрала глубже.

Темнота была тёплая и пахла илом.

Потом в ней появилась Тиса. Она говорила его имя, поразному: сначала тихо, потом громко, потом зло. Терен открыл один глаз, второй не открывался: его залило. Он провёл рукой по лицу. Ладонь стала тёмной и липкой. Над бровью саднило так, что зубы сводило.

— Живой, — сказала Тиса. — Бранн! Он живой!

— Слышу, — отозвался Бранн откуда-то справа. — Я тоже живой, если кому интересно. Только плечо не моё.

Терен сел. Всё тело болело одинаково, что было даже хорошо: значит, ничего не сломалось сильнее остального. Они лежали на склоне из щебня в неглубокой впадине, похожей на чашу, выскобленную в камне. По краю чаши торчали ржавые кольца, вбитые когда-то в породу, и обломок старого деревянного настила. Кругом валялась их оснастка: смятый каркас люльки, клочья сетки, цепь, змеёй ушедшая в щебень, и бронзовая щека анкера с шашкой, которая всё ещё шипела. Бранн сидел, привалившись к камню, и держал правую руку левой, бережно, как чужую. Тиса стояла на одном колене. Штанина у неё на голени была разрезана и тёмная.

— Каркасом, — сказала она, увидев, куда он смотрит. — Не сломано. Я наступала.

— Зачем ты наступала?

— Проверить.

— А. Ну, раз проверила.

Над ними, низко, в пяти или шести человеческих ростах, висел свет.

Он не был небом. Он был похож на прореху в потолке, широкую, неровную, полную той же голубоватой дымки, что и Вздых, только освещённой с другой стороны, сверху. Из неё всё ещё сыпалось. Мелкие камни выпадали из светящегося края по одному, падали обычно, как падают камни, и щёлкали по щебню. Медленно опустился, кружась, клочок промасленной рогожи. Наверху, в дымке, Терену почудились тень опоры и обрывок цепи. Он смотрел, пока не заслезился здоровый глаз, и больше ничего не увидел.

— Надо выбраться из ямы, — сказал он. — Посмотреть, где мы.

Он полез вверх по склону, на четвереньках, потому что так было меньше видно, насколько дрожат ноги. Тиса лезла рядом, подволакивая ногу. Бранн ругался внизу, потом тоже полез, одной рукой. На краю чаши Терен лёг на живот, как ложился когда-то в юности на краю незнакомого обрыва, подтянулся, выглянул.

И забыл про бровь.

Неба не было. Вместо него было много небес.

Над ними простиралась огромная серо-лиловая высота, низкая там, где шли облака, и бездонная в разрывах, и по ней, далеко друг от друга, как фонари на очень большой ярмарке, висели окна. Одно, далеко впереди, было белое, мутное, шумное на вид, словно сквозь него просвечивал целый

город. Другое, слева, — зелёное, с влажным, тёплым отливом, и облака под ним были зелёными с исподу. Справа, низко над горизонтом, горело жёлтое, резкое, как полуденный блик на соли. Ещё одно было тёмно-синим, и в нём были звёзды. Здесь утро, а там звёзды. Ещё одно, крошечное, у самого края, горело закатным красным. Между ними стоял сумрак, не чёрный, а густой, живой, как вечер в долине, когда солнце уже ушло, а свет ещё нет. Окна отражались в далёкой мороси, и в каждой полосе дождя под ними было своё время суток.

Под всем этим лежала земля. Настоящая, тяжёлая, бесконечная. Серые плиты, гряды, тёмные полосы, похожие на старые русла, пятна чего-то растущего там, куда падал свет окон. Горизонт был так далеко, что глаз отказывался его мерить. Там, на самом краю, под белым окном, мерцали огоньки. Мелкие, тёплые, неровные, какие бывают только там, где живут люди.

Тёплый ветер тянул с той стороны и нёс запах мокрой травы, дыма и чего-то солёного.

Терен Вей прошёл больше дорог, чем любой проводник Свода его лет. Сейчас он лежал на краю ямы с залитым кровью глазом и не мог назвать ни одной из них.

Рядом тяжело перевалился через край Бранн, посмотрел вверх и долго молчал. Для Бранна это было очень долго.

— Это что? — спросил он наконец.

— Не знаю.

Тиса лежала между ними и не дышала. Потом выдохнула, медленно, всем телом, как выдыхал по вечерам Вздох.

— Терен, — сказала она шёпотом, как в храме или в мастерской, где спит мастер. — Их много.

Глава третья. Горячая вставка

Сначала Терен смотрел на небо, потом пришлось смотреть на руки.

Руки дрожали. Мелко и часто, как стрелка весов, которая никак не может выбрать деление. Он прижал ладони к камню, и дрожь ушла в камень. Камень был тёплым, хотя утро — если здесь было утро — только начиналось. Над бровью дёргалось в такт сердцу. Залитый глаз слипся, и, когда Терен попробовал его открыть, засохшая кровь потянула за ресницы.

— Не трогай, — сказала Тиса. — Опять пойдёт.

Он не тронул. Он лежал на краю ямы, смотрел здоровым глазом на огоньки под белым окном, и где-то под ушибами и тошнотой у него поднималось чувство, которого он сейчас совсем не хотел. Жадное, мальчишеское, профессиональное. Ни в одной конторе Свода не висело такой карты. Ни один проводник его лет такого не видел. А он лежит здесь, на краю, и видит.

Потом он вспомнил, как Галка встала на дыбы над молоком, и чувство ушло.

— Сколько времени? — спросил Бранн.

Терен вынул часы. Стекло треснуло звездой, но стрелки шли. Без двадцати девять.

— Полтора часа. Мы тут полтора часа.

— А будто минуто. — Бранн задрал голову к светлой прорехе. — Почему никто не спускается?

Из светящегося края выпал камень величиной с кулак, пролетел вниз, ударился о щебень на дне ямы и подпрыгнул. Звук вышел короткий и плоский.

— По верёвке спустятся, — сказал Бранн, будто кто-то с ним спорил. — Кадор пошлёт людей по верёвке. Опора-то стоит. Ты видел.

— Видел, что кренилась.

— Кренилась — не упала. — Бранн сел, прижимая правую руку к животу. — Подождём. Они там не дураки.

Терен не ответил. Он видел в дымке тень опоры и обрывок цепи. Больше он не видел ничего, а додумывать за Кадора, сколько у того верёвки и смелости, не хотел.

Тиса поднялась. Постояла, качнулась, перенесла вес на здоровую ногу и пошла по краю ямы туда, где край был выше и откуда, наверное, было дальше видно. Терен хотел её окликнуть и не окликнул. Она дошла, встала, сложила ладони у рта.

— Кин! — крикнула она. — Ки-ин!

Голос ушёл в равнину и не вернулся. Терен ждал эха: на Вздохе любой крик возвращался, иногда дважды. Здесь не вернулось ничего. Звук просто кончился, как кончается нитка на катушке.

— Ерс! Дола!

Бранн отвернулся и стал внимательно разглядывать свои

сапоги.

Тиса прокричала все имена по очереди, потом просто «эй!». Подождала. Опустила руки, постояла ещё и пошла назад той же хромой ровной походкой, глядя под ноги.

— Они раньше упали, — сказал Бранн, когда она подошла. — Раньше и дальше. Не здесь.

— Я знаю.

— Ну вот.

— Я знаю, — повторила Тиса и села рядом, обхватив здоровое колено.

Терен не знал, раньше или дальше. Он не знал, куда девается то, что падает в дымку Вздоха, и есть ли у этого молока дно где-нибудь ещё. Ничего хорошего из такого незнания не выходило, и он промолчал.

— Ладно. Вниз. Собираем всё, что упало. Только считать будем не под дыркой. Носим туда.

Он показал на восточный край ямы, пологий, с мелким щебнем, который лежал тихо и плотно. От места, куда сыпалось, до него было шагов тридцать.

Терен встал, и земля сделала шаг в сторону. Его вырвало, коротко, одной желчью, на чужой тёплый камень. Он вытер рот рукавом и подождал, пока горизонт перестанет качаться.

— Голова, — сказал Бранн. Не спросил, сказал.

— Голова.

— Значит, считать буду я.

— Ты левой рукой до трёх не досчитаешь.

— Я левой рукой у мастера гвозди из-под носа таскал, когда ты ещё в учениках бегал. — Бранн поднялся, опираясь на здоровую руку. — Досчитаю.

* * *

Собирать пришлось долго.

Вещи пришлось выкапывать из ползущего щебня. Тиса ходила, приволакивая ногу, Бранн носил по одной вещи левой рукой, а Терен копал. Когда сверху падал камешек, все трое одинаково втягивали головы.

Каркас люльки смяло, страховочную сетку разорвало. Цепь почти целиком ушла в щебень; торчали только последние звенья. Ремонтную сумку Бранна нашли наполовину засыпанной, сумку Терена — с распоротым боком. Из разрыва торчал угол банки с репой.

— Цела, — сказал Терен, вытащив банку.

— Я так рад, — сказал Бранн. — Я просто не знаю, как бы я дальше жил.

Бронзовая щека анкера с шашкой лежала на склоне, в десятке шагов от дна, там же, где они её видели. Шашка всё ещё шипела, тихо и ровно, как чайник, который забыли снять. Мокрый щебень вокруг неё подсох светлым пятном. Терен постоял над ней и оставил: брать горячее голой рукой он не собирался, а щипцы лежали у Бранна в сумке.

На восточном краю нашёлся плоский камень, почти стол. На него сносили всё.

Потом Терен занялся людьми.

Бранна он осмотрел первым, потому что Бранн громче всех говорил, что ему ничего не надо. Плечо было круглое, на месте, не вывихнутое. Но под ключицей, ближе к шее, сидела шишка, и когда Терен тронул её двумя пальцами, Бранн посерел и сказал слово, которого Тиса от него, видимо, раньше не слышала: она подняла голову.

— Ключица. Треснула или сломана. Я не лекарь.

— Это я и без тебя знаю, что ты не лекарь. Ты бы ещё молотком постучал.

— Руку не поднимай.

— Я её и так не подниму.

Из самого большого куска сетки Терен скрутил перевязь и повесил Бранну руку к шее, согнутую, прижатую к груди. Бранн смотрел, как он вяжет, с недоверием мастера, у которого чужой человек взял инструмент.

— Это сетка за четыре марки, — сказал он. — Страховая. С клеймом.

— Была.

— Я к тому, что перевязь у меня теперь дороже, чем у Кадора парадный китель.

С Тисиной ногой было хуже, чем она говорила. Каркас рассёк голень наискось, длинно, на ладонь; края разошлись, в разрезе сидели грязь и мелкий щебень. Кость, похоже, и правда была цела: Тиса шевелила пальцами, наступала, морщилась. Но рану надо было промыть.

Бранн левой рукой, помогая себе зубами, отщёлкнул кла-

пан своей сумки и вытащил плоскую жестяную фляжку.

— Вот. Чистый.

— Это что?

— Для контактов. Шашки протирать перед посадкой, чтоб жир не лёг.

— А что в нём, кроме чистого?

Бранн подумал.

— Что в лавке налили, то и есть.

Терен убрал фляжку обратно в сумку, открутил собственную флягу и налил полную кружку. Бранн промолчал: спорить о воде было не время.

Терен лил понемногу, тонкой струйкой, смывая грязь, и краем чистой тряпки снимал то, что держалось у краёв. Что ушло глубже, он не трогал: так только загонишь дальше, а достать без лекаря нечем. Тиса вцепилась обеими руками в камень, на котором сидела, и проговорила сквозь зубы длинную фразу, в которой Терен разобрал своё имя, имя Бранна и почему-то слово «ведро». Бранн одобрительно кивнул. Последний глоток из кружки ушёл на уже отмытую рану. Её прикрыли сложенной чистой тряпкой и стянули полосой от Бранновой запасной рубахи. Рубаху Бранн отдал без спора, только сказал, что Эна купила её на прошлой Зимней ярмарке, и пусть Тиса об этом помнит, когда будет хромать.

Потом Тиса взялась за Терена. Она вылила последнее из своей мятой фляги на угол тряпки и стёрла засохшую кровь с его глаза, а потом свела пальцами края рассечения над бро-

вью и держала, пока Бранн неловко, одной рукой, протягивал ей полосу ткани.

— Зашить бы, — сказала Тиса.

— Чем?

— Нитки есть. Иголки нет.

— Значит, держи. Потом завяжешь.

Она держала долго, минуты три, и он смотрел на её подбородок, потому что больше смотреть было некуда. Подбородок был упрямый и в саже. Потом она обмотала ему голову наискось, через бровь и затылок, и затянула узел так, что в ушах зазвенело.

Бранн оглядел работу.

— Ну, — сказал он. — Теперь можно и в разбойники.

Потом считали.

Терен раскладывал найденное на камне. Бранн загибал пальцы на подвешенной руке и удивлялся, что они слушаются.

Воды набралось чуть больше двух литров: во фляге Терена полтора с лишним, у Бранна меньше половины. Тисина фляга треснула и опустела.

— Два литра. Чуть больше.

— На троих.

— На сутки. Если сидеть в тени.

— А тень у нас тут какая-нибудь есть? — Бранн огляделся.

Тени были. Их было много, все слабые, и все лежали в

разные стороны.

Еды было на три дня, если беречь: хлеб, грудинка, сыр, немного репы, лук и сухари Эны, которыми, по словам Бранна, можно забивать гвозди.

И мешочек груши.

Терен вытащил его из распоротого бока сумки и подержал на ладони. Лёгкий, шуршащий, с завязкой из бечёвки. Он купил его вчера у навеса, по рыночной цене, не торгуясь, чтобы Дола перестала кричать, а Дола от этого огорчилась ещё сильнее. Тиса не сводила с мешочка глаз, и Терен положил его к хлебу.

— Три дня. Если не жадничать, четыре.

— Я буду жадничать, — сказал Бранн. — Предупреждаю честно.

У Бранна уцелели молоток, зубило, клещи, кусачки, ключи, проволока и спирт для контактов; у Терена — нож, огниво, кружка, часы, щуп и старая детская книжка в зелёном переплёте, которую он с юности возил с собой на все инспекции. От люльки осталось около двадцати пяти метров верёвки и короткий стальной трос.

У щупа треснула одна из двух пластинок. Половинки держались на медной проволоке; запасная пара осталась дома.

У Тисы нашлись свой мел, ключ, которым она вчера проверяла анкеры, и книжка, разбухшая от сырости. Книжку она молча сунула за пазуху.

Последним Терен проверил внутренний карман куртки.

Там лежал режим, сложенный вчетверо, влажный по сгибу. Больше там ничего не было. Вчера поверх режима лежало письмо Левена, а сегодня утром оно ушло наверх, со станционным вестовым.

«К обеду будет. Если наверху нет очереди».

Левен получит письмо к обеду. Может, успеет засмеяться над ответом про две булки. А потом ему скажут о мосте.

Терен застегнул карман.

— Дальше. Что ещё.

— Ещё, — сказал Бранн странным голосом, — я горю.

Из кармана его кожаного фартука шёл тонкий серый дым. Пахло палёной тряпкой и палёной кожей.

Бранн сунул в карман левую руку, зашипел, выдернул её, потом обмотал ладонь краем фартука, вытащил свёрток и сразу положил подальше от себя, на голый щебень. Тряпка, в которую он на мосту завернул вторую шашку, почернела и тлела по краю. Бранн придавил её каблуком. Сквозь прогар виднелась керамика, на одном углу тёмно-вишнёвая.

— Она ж остыла, — сказал Бранн. — Она ж час назад была как тёплый хлеб.

От свёртка до бронзовой щеки анкера по склону тянулась калёная нить — та самая, что связывала две ремонтные шашки. Бранн вынул свою из противовеса, но нить не перебил. После падения между шашками осталось шагов двенадцать.

Шашка в анкере зашипела громче.

— Её зажало, — сказала Тиса. Она уже стояла над щекой, наклонившись. — Смотрите, щёку повело. Пока она зажата, не остынет. Если её вынуть...

Бронзовую щёку погнуло так, что уши зажали шашку. Керамика пошла мелкими трещинами. После утренней работы обе шашки оставались раскалёнными внутри; нить продолжала передавать жар от одной к другой. Анкерная отдавала его мокрому щебню, а Браннова, в тряпке и фартуке, остыть не могла.

Терен открыл рот, чтобы сказать «подожди», но Тиса уже схватила кусачки со стола-камня, обмотала руку остатком тряпки и вогнала концы кусачек между ухом щеки и керамикой.

— Погоди, — сказал Бранн.

Тиса упёрлась в бронзу здоровой ногой и навалилась.

Шашка не вышла. Она подалась на волос, керамика громко хрустнула и раскололась по боку, и из трещины ударило паром и жаром, будто открыли печную дверцу: горячая сердцевина вышла наружу разом, прямо Тисе в обмотанную руку. Тиса вскрикнула и отдёрнула руку. Кусачки остались торчать в щеке.

Рядом с Тереном на щебне снова занялась тряпка Браннова свёртка — коротким жёлтым язычком.

— Нить! — сказал Бранн. Он отползал от свёртка, загребая сапогами щебень: фартук на нём был промасленный. — Терен, нить! Пока она целая, эта из той тянет!

Терен уже стоял на коленях. Он подхватил нить через рукав и потянулся за кусачками, но кусачки торчали из щеки. Тогда он выдернул из сумки Бранна зубило. Нить была твёрдая и тугая, и, когда он попробовал перерубить её о край бронзы, зубило соскользнуло.

— Не режь! Перебей! — крикнул Бранн. — На камне! Её не режут, её бьют!

Терен положил нить на плоский выступ породы, приставил зубило и ударил по нему Бранновым молотком. Нить спружинила. Он ударил второй раз, со злостью, и третий. На третьем под зубилом коротко щёлкнуло.

Терен засыпал тлеющую тряпку щебнем.

Стало тихо. В стороне из светлого края выпал камешек и щёлкнул о дно.

Бранн разжал левую ладонь, которой лез в карман.

Хватило и одного раза, голой рукой. Ладонь покраснела вся, на подушке большого пальца и у основания мизинца вздувались белые пузыри. У Тисы было хуже. Тряпка на её правой руке прогорела в двух местах, пальцы и ладонь стали красные, глянцевые, и она держала руку перед собой растопыренной, как чужую вещь, с которой теперь непонятно что делать.

— Кто тебе сказал её трогать? — Терен сказал это громче, чем хотел, и сам это услышал.

Тиса подняла на него глаза. Губы у неё были белые.

— Я сказал, — ответил за неё Бранн. — То есть не сказал.

Не успел сказать «не трогай». Это одно и то же.

Он сел на камень, положив обожжённую руку на колено ладонью вверх, и некоторое время молча дышал. Потом повернулся к Тисе.

— Щёку повело — это ты верно увидела. Только жарит не щека. Жар в ней с утра, а нить его на двоих делила. Сначала нить, потом щёку.

Тиса кивнула, потом ещё раз, отвернувшись и уставилась на дальние окна, держа руку на весу.

Терен налил в кружку воды, на палец, и подал ей.

— Пей. На руку не лей. На руку воды нет. Пить — есть.

* * *

К полудню — по часам Терена, потому что здешний свет полудня не знал — сверху перестало сыпаться совсем.

Прореха висела над ямой ровная и тихая. В свету по-прежнему темнел обрывок цепи. Бранн сидел на краю, не сводя с него глаз: правая рука на перевязи, левая — в тряпке.

— Пять ростов, — сказал он. — Ты сам говорил. Пять-шесть. Каркас — это полтора. Если его поставить на попа и подпереть... Сетку на ступени... Тиса лёгкая.

— Тиса с одной ногой и одной рукой.

— Тиса с одной ногой и одной рукой лазает лучше, чем ты с двумя. Видел я, как ты лазаешь.

— А когда долезет, — сказал Терен, — что она там делает? За цепь ухватится? Цепь на чём держится, ты знаешь?

— Не знаю. Узнаем.

— Под дыркой всё, что сверху, падает на голову.

— Уже не падает.

Это была правда, и Терен это признал. Не вслух, а тем, что взял щуп и пошёл вниз.

Терен спустился под прореху, нашёл шов в породе и приложил щуп. Если ставить каркас, сперва надо знать, удержит ли его дно.

Камень закричал.

Терен чуть не выронил щуп. Не голос из соседней комнаты, как обычно, а крик прямо в ухо. В кулаке мелко и часто дрожало.

Он перешёл к другому шву. То же самое.

— Чего он? — крикнул сверху Бранн, совсем как вчера Кин.

— Кричит.

— Кто кричит?

— Всё.

На восточном краю щуп тоже кричал. Терен осмотрел треснувшую пластинку: возможно, она врала. Или врала его ушибленная голова.

Под ногой оказался обломок моста — серый, со старым известковым раствором на боку.

Он вложил пластинку в шов между камнем и коркой и нажал, держа обломок на колене.

На весу обломок отозвался спокойно, знакомо, как вчера на мосту.

Терен положил обломок на щебень и нажал снова. Обломок закричал. Поднял — спокойно. Положил — крик.

Тиса спустилась к нему и смотрела, как он поднимает и кладёт камень.

— Что? — спросила она наконец.

— Щуп целый. Это тут так. В этой яме.

— Почему?

— Не знаю.

Под прорехой щебень кричал громче и дребезжал: он ещё садился. На восточном краю звук был ровнее.

Терен оставил обломок на дне и вылез наверх.

— Под дыркой ставить нельзя, — сказал он Бранну. — Там всё ещё едет.

— Ты ж сам сказал, щуп у тебя тут кричит на всё подряд.

— Кричит. Там — громче остальных.

Терен видел, что Бранну хочется спорить, и понимал почему. Но Бранн был ремонтник, а у ремонтника есть свой способ проверять чужие слова: делать так, чтобы ошибка стоила подешевле.

— Сбоку можно? — спросил он. — Не под. Сбоку закинуть.

Терен подумал.

— Сбоку можно.

* * *

Крюк Бранн сделать не мог: у него не осталось ни одной руки, которая годилась бы держать молоток. Поэтому крюк

делала Тиса — левой рукой, правую она держала на отлёте, — а Бранн сидел рядом и говорил, куда бить.

Пруток выломали из погнутого каркаса. Тиса, работая левой рукой, загнула его о камень. Бранн велел поправить одну лапу, потом вернуть как было. Тиса пообещала этим крюком кое-кого зацепить, Бранн засмеялся, и она ударила мимо, рассадив костяшку. Крюк получился кривой, но цепкий. Бранн проверил узел на верёвке зубами.

Бросал Терен. Он встал на восточном склоне, в стороне от дна, сложил верёвку кольцами у ног и прикинул. Пять ростов до края света. Цепь в свету, на шаг в сторону. Он раскрутил крюк и бросил.

Крюк вошёл в светлый край — и не достал. Упал обратно на дно, с отскоком.

Терен смотал верёвку и бросил сильнее. Крюк опять вошёл в край и опять не дошёл до цепи. Терен стоял, задрал голову, и пересчитывал. Край прорехи был там, где он и сказал, — в пяти ростах, в шести. Но цепь висела глубже, в самом свету, и светлая дымка придвигала её к глазу. До цепи было все восемь.

Он ошибся на треть. Он не помнил, когда в последний раз ошибался на треть.

— Ну? — спросил Бранн.

— Высоко.

— Ты же говорил, пять.

— До края пять. Цепь дальше. Я ошибся.

Бранн хмыкнул. Без злорадства, а так, будто отметил у себя в голове и подчеркнул.

С пятого раза крюк дошёл до цепи. Верёвка дёрнулась и стала тяжёлой. Наверху в дымке качнулась чёрточка.

— Взял, — сказал Терен.

— Потяни. Тихо. Попробуй, держит или нет.

Терен потянул тихо. Цепь ответила тугим весом. Он потянул сильнее, повис на миг всем телом — верёвка держала. Бранн встал.

Наверху что-то глухо стукнуло. Цепь дёрнулась и поехала. Терен отпустил верёвку, но она всё равно успела пройти через ладони, сдирая кожу.

Цепь сорвалась из света вся, звено за звеном, с грохотом, а за ней щебень и кусок ремонтной площадки: доски, бронзовая скоба, обломок поручня. Всё это рухнуло ровно на дно ямы, под прореху, туда, где по Бранновому плану сейчас должен был стоять на попа каркас люльки и лезть по нему Тиса.

Пыль поднялась и долго не оседала. Тиса стояла рядом с Тереном, прижав обожжённую руку к груди, и не шевелилась. Бранн сел обратно на камень.

Когда пыль осела, на дне лежала куча: цепь, доски, бронза, и между ними торчал хвост их верёвки.

Бранн долго молчал. Потом сказал:

— Ладно.

Позже, пока Терен обматывал ободранные ладони остатками рубахи, Бранн поднялся, подошёл к краю, глянул на

кучу, на пустую теперь прореху без чёрточки и плюнул вниз. Ни в кого. Просто вниз.

Верёвку откопали наполовину. Хвост с крюком ушёл под доски, и Терен отрубил его ножом. Осталось метров пятнадцать.

* * *

К середине дня первая шашка остыла, а анкерная ещё тикала в зажатой бронзе. Тиса ждала рядом, держа обожжённую руку ладонью вверх.

Когда тиканье кончилось, она обернулась к Бранну.

— Не тяни, — сказал Бранн. — Раскрой.

— Как?

— Ухо внутрь повело. Бей снаружи, по загибу. Не по шашке. Тихо.

Тиса взяла молоток левой рукой. На четвёртом ударе ухо подалось; зубило раздвинуло бронзу, и шашка вышла. Тиса поймала её здоровой ладонью.

Шашка была лёгкая, белая, расколота по боку и вся в мелких трещинах, как старая чашка. Тиса повертела её, обернула чистой тряпкой и сунула в карман.

— В цветочный горшок, — сказал Бранн.

— Пусть будет.

— Она же мёртвая.

— Я за ней всю ночь смотрела, — сказала Тиса и больше ничего не объяснила.

— Три марки пара, — сказал Бранн Терену.

— Куплю.

* * *

Свет здесь не стоял на месте. Тень от руки на камне лежала сразу в три стороны — бледно-жёлтая, зеленоватая и совсем слабая белёсая, — и Тиса долго водила над камнем пальцами, пока Бранн не сказал, что у него от неё рябит в глазах.

У каждого окна был свой свет: жёлтое слепило, звёздное оставалось ночным, а одно закатное уже погасло.

Терен попробовал прикинуть, далеко ли до огней под белым окном, вытянул руку, закрыл их большим пальцем и опустил руку. Глазу не за что было зацепиться: ни столба, ни дерева, ни дома знакомого роста. Гряды на равнине могли быть холмами в час ходу, а могли быть горами в неделю.

Терен подумал о детской книжке у себя в сумке: художник изобразил там небо в заплатках. В юности это казалось выдумкой. Художник, выходит, ещё и поскромничал.

— Там кто-то есть, — сказала Тиса.

Она показывала под зелёное окно. Там, где его свет ложился на равнину, лежало светлое пятно, а по пятну двигалась тень. Не облако. Тень текла, разворачивалась, сжималась и снова растекалась. Кто это, разглядеть было нельзя. Только что их много и что они идут все вместе за светом.

— Овцы? — спросил Бранн.

— Тогда кто их пасёт.

— Неважно, кто пасёт. — Бранн прищурился. — Раз они

там ходят, значит, едят. Раз едят, значит, растёт. Раз растёт, значит, вода.

Терен ему так и сказал, что это самое полезное, что прозвучало за день. Бранн принял это как должное.

В трещине у края ямы Тиса нашла пучок жёсткой травы, вроде осоки, только почти белой. Сорвала стебель, понюхала, растёрла в пальцах здоровой руки.

— Ничем не пахнет, — сказала она с обидой.

— Не ешь, — сказал Бранн.

— Я не собиралась.

— Знаю я, как ты не собиралась.

Тиса подумала и заложила стебель за ухо.

Бранн смотрел на равнину с тех пор, как перестал смотреть на кучу на дне ямы. Не так, как Тиса, которая вертела головой и то и дело хватала Терена за рукав здоровой рукой. Он смотрел тяжело, исподлобья, как смотрят на подряд, который навязали, а цену не сказали.

— Красиво, — сказал он наконец с отвращением. — Ненавижу.

— А я нет.

— Ты молодая. Тебе можно.

Около шести по часам прореха над ямой начала темнеть. Остальные окна горели как горели, жёлтое по-прежнему слепило. Темнела только прореха: голубоватый свет в ней стал серым, потом пепельным. Терен сверился с часами.

— Там вечер.

Бранн поднял голову.

— Где — там?

— Наверху. На Вздохе. Шесть часов. Солнце ушло с этой стороны ущелья.

Бранн не отрывал глаз от темнеющей прорехи.

— В Своде сейчас на галереях фонари зажигают. Эна девчонок домой зовёт. Соль, значит, сидит жетоны раскладывает. По высоте. — Он помолчал. — Им ведь скажут, что я...

Он не договорил.

— Скажут, что пропал, — сказал Терен.

— Пропал — хуже. Пропал — это ждать.

Тиса отвернулась. Ответить было нечего, и некоторое время все трое молча смотрели, как над ямой гаснет чужой вечер.

— Эна меня убьёт, — сказал вдруг Бранн уже другим голосом. — Скажет: я тебе говорила — сначала сапоги, потом мастерская. И опять будет права. Это у неё талант такой. Двадцать два года подряд права.

* * *

По краю ямы торчали из породы ржавые кольца, а возле них лежали обломки старого настила. Утром на них никто не смотрел. Вечером, когда стало ясно, что ночевать придётся здесь, Бранн подошёл к одному кольцу, постучал по нему ногтем и долго разглядывал ушко.

— Кованые, — сказал он. — Ушко вручную завито, внахлест. Так лет сто уже не делают. Может, больше.

— Значит, тут работали.

— Давно.

Бранн потрогал кольцо ещё раз, как трогают чужой инструмент, который хорошо сделан. Куда отсюда уходили те, кто работал, по кольцам было не понять. Тропы от ямы не вело: по краю лежал всё тот же щебень, а дальше равнина. Терен постоял и пошёл ломать доски.

Доски были чёрные, просмолённые, сухие снаружи и трухлявые внутри, и горели хорошо, с треском и запахом старой смолы, от которого Терену вдруг захотелось на пристань. Бранн, глядя, как он ломает их о колено, сказал, что жечь чужую работу нехорошо.

— Им уже не надо.

— Это ты так думаешь.

Огниво высекло искру с четвёртого раза. Тиса держала лучину здоровой рукой и дула, и, когда занялось, у неё было такое лицо, будто это она сделала огонь из ничего.

Потом Терен делил воду. Делил открыто, на камне, так, чтобы видели оба. Вылил всё в свою флягу и сказал:

— Вечером по кружке. Утром по полкружки. Остальное — на дорогу. Фляга у меня, и фляга у всех на виду.

— Тисе дай мою, — сказал Бранн. — Мне хватит.

— Нет. Каждый пьёт своё. Ты мне нужен на ногах. Она тоже.

— Ты меня ещё строить начни.

— Начну.

Бранн хмыкнул и отстал.

Терен поставил кружку на угли. Свою вечернюю долю он вылил туда первым. Когда вода закипела, он бросил в неё накрошенной грудинки, полкольца лука, ложку репы прямо из банки, вместе с рассолом, и подумал над мешочком груши. Потом развязал бечёвку и бросил горсть.

Бранн наблюдал за этим, поджав губы. И вдруг сказал тонким высоким голосом, прижав здоровую руку к груди:

— Груша идёт после кураги!

И сразу замолчал.

Тиса засмеялась. Засмеялась громко, коротко, потом ещё раз, и на третьем разе смех у неё сломался, и она закрыла лицо здоровой ладонью и некоторое время сидела так, вздрагивая. Бранн уставился в огонь. Терен помешивал в кружке ножом.

Варево вышло жидким, кислым, сладким и острым сразу, и на три кружки его хватило потому, что Терен варил три раза: каждый раз из той воды, которую потом всё равно пил тот, кому он варил. Тиса ела первой. Бранн вторым, обстоятельно, дуя, и сказал, что это издевательство, но уже привычное. Терен последним. От горячего у него наконец перестали дрожать руки.

Потом Тиса спросила, куда они пойдут.

Терен стряхнул пыль с камня, начертил круг, поставил над ним точку с крестом и провёл короткую линию к огням под белым окном. Дальше нож не пошёл.

— Здесь мы. Наверх не достать. Там огни. Сколько идти, есть ли вода и кто там живёт — не знаю.

— Лучшая твоя карта, — сказал Бранн. — Ни одного вра-
нья.

Тиса фыркнула. Терен вытер нож о штанину.

* * *

Первой караулила Тиса. Она сказала, что всё равно не за-
снёт: рука. Терен лёг у огня, на щебень, положив под голову
сумку, и уснул сразу. Когда Тиса тронула его за плечо, угли
едва тлели, а небо было другим.

Ночь пришла не сверху, а по частям. Жёлтое окно спра-
ва погасло. Прореха над ямой стала смутным пятном. Зелё-
ное ещё держалось, но тускло. Белое впереди помутнело, и
огни под ним стали острее. Звёздное окно было таким же,
как утром.

Тиса легла у огня и почти сразу заснула, свернувшись,
прижав обожжённую руку к груди. Бранн храпел. Храпел он
так же, как пел, — с удовольствием и мимо нот.

Терен сидел на краю ямы.

Левен уже знает, думал Терен. Или сперва получил пись-
мо, а потом узнал. Отгадка на обороте была написана вчера
крупно и весело. Терен перестал гадать о порядке: так мож-
но было просидеть всю ночь.

Ветер переменился.

Весь день воздух в яме стоял тёплый и неподвижный, а те-
перь потянуло — слабо, сбоку, со стороны белого окна. Че-

рез минуту по лицу Терена прошло что-то мелкое и мокрое. Морось. Она шла полосой: он видел, как темнеет перед ним щебень.

Он вскочил раньше, чем подумал.

Терен снял с Бранна промасленный фартук, расстелил кожей вверх, придавил края камнями. Прожжённую дыру загнул в складку. Под провисший край подставил кружку.

Через четверть часа в кружке набралось почти до краёв, ещё немного осталось в складке. Вода пахла кожей и машинным маслом. Кипячение масла не убрало бы; пить её можно было лишь от отчаяния. Терен перелил её в треснувшую флягу Тисы и поставил её трещиной вверх.

Вода пахла не только кожей. Она пахла илом.

Тёплым, речным, мокрым илом, с привкусом жести, как у лодочных пристаней в межень, когда вода уходит и сваи стоят по колено в жиже. Терен стоял и нюхал свои мокрые руки. Вчера вечером на мосту, у поручня средней галереи, пахло точно так же. Он тогда подумал про пристани и не подумал, про какие.

Он поднял голову.

Морось прошла, и воздух после неё стал прозрачней. Белое окно впереди потускнело к ночи ещё сильнее, и теперь рядом с ним, ниже и чуть левее, проступило другое. Днём Терен принимал его за край белого сияния. Сейчас оно было отдельным: маленькое, тёплое, буровато-золотистое, как лампа за промасленной бумагой.

В нём тянулась линия.

Тонкая, светлая, блестящая, как вода, когда на неё смотришь против огня. Линия шла длинной дугой, потом загибалась обратно короткой, как крюк. Вдоль крюка, по внутренней стороне, мерцали точки. Мелкие, красноватые, неровные. Одна погасла, пока он смотрел, и рядом зажглась другая.

Линия была ему знакома, и он не мог её узнать. Дуга загибалась не в ту сторону. Крюк смотрел не туда.

Он вспомнил, как в конторе держал против окна старые карты, чтобы прочесть затёртые надписи с обратной стороны. Карта на просвет с изнанки: все реки текут в другую сторону, все повороты зеркальные, и сначала не узнаёшь даже тех дорог, по которым ходил.

Терен мысленно перевернул лист.

Длинная дуга — плёс под Торговой горкой. Короткий крюк — Колено, где река поворачивает назад, прежде чем уйти к порогам. По внутреннему берегу Колена — пристани на сваях, а на пристанях — рынок. Ночной рынок, который в Низине жгли, сколько он себя помнил, потому что днём все на воде, и торговать удобнее после темноты: лодки подходят к сваям, у каждой — свой огонь в железной корзине, и с реки весь рынок похож на рассыпанные угли.

Он знал этот изгиб. Он ходил по нему тысячу раз — на лодке, по сваям, вброд в межень, когда пристани стояли по колено в иле. Он не видел его только с изнанки.

Низину закрыли одиннадцать лет назад. На станционной доске её строку закрасили той же краской, что стену. По всем бумагам Свода жить там с тех пор было некому, и Терен никогда эти бумаги не проверял. Когда закрыли дорогу, Ирса была по ту сторону. Он — по эту, с Левеном, в больничном коридоре. Что с ней стало, он не знал. Узнавать не пытался. Про Низину он умел не думать. Одиннадцать лет учился.

А на Колене горел рынок.

Точек было не много и не мало. Дюжина, может быть, две. Какие-то из них, наверное, были не рынком, а чем-то другим — костром, окном, отражением. Сколько там людей, кто они, те ли, кого он знал, или пришлые, он не мог сказать. Одиннадцать лет — долгий срок для реки. Он не мог даже сказать, сколько до этого окна.

— Что там?

Тиса не спала. Она сидела у тлеющих углей, прижав руку, и смотрела туда же, куда он.

— Низина, — сказал Терен.

— Её ж закрыли. На доске на станции закрашено.

— Закрашено.

— А там горит.

— Горит.

Потом она спросила:

— Откуда вы знаете, что это она?

— Я эту реку знаю. Только с этой стороны не видел.

Тиса подумала над этим и, кажется, решила не переспра-

шивать.

— Мы туда пойдём?

Терен посмотрел на тёмное пятно прорехи над ямой, на белое окно с огнями под ним и на маленькое тёплое рядом.

— Туда. Огни под белым — по дороге. Если там есть люди и путь наверх — хорошо. Если нет — дальше, к реке.

— А если и там нет?

— Там вода. И там жгут огонь. Значит, кто-то живёт. Остальное посмотрим.

Тиса кивнула и легла. Терен подложил в угли обломок доски, послушал, как тот затрещал, и сел обратно на край. Будить Бранна в его черёд он не стал.

* * *

Бранн проснулся сам, когда прореха над ямой снова начала голубеть, и первым делом сообщил, что его не разбудили.

— Не разбудил, — согласился Терен.

— Это была моя стража.

— Ты храпел так, что я решил: кто к нам подойдёт под такой храп. Пусть лучше спит, чем караулит.

Бранн сел, охнул, подхватил перевязанную руку и устался на свой фартук, расстеленный на камнях кожей вверх.

— А это что?

— Это я воду собирал.

— В мой фартук?

— Он у тебя теперь с дыркой. Дырку я в складку убрал.

Бранн понюхал фартук и сморщился.

— Илом воняет.

— Морось шла оттуда. — Терен показал рукой. Утренний свет уже снова разгорался в белом окне и забивал соседнее, тёплое; его почти не было видно, только если знать, куда смотреть. — Там река. Ночью видно, днём нет. Это Низина.

Бранн долго шурился туда, куда он показывал, и, наверное, ничего не увидел.

— Низина.

— Да.

— Ирса там?

— Не знаю.

Бранн смотрел на него ещё немного — так, как смотрел на серьгу, прежде чем тукнуть по ней молотком. И не тукнул.

— Ну и ладно, — сказал он. — Мне всё равно, в какую сторону хромать. Там хоть вода.

Утренние полкружки Терен налил из своей фляги. После них во фляге осталось меньше литра. Дождевую воду Бранн понюхал ещё раз, сказал, что на совсем плохой день он её, так и быть, выпьет первым, и сам завинтил Тисину флягу. Еду поделили на три кучки и каждую завернули отдельно: если кто-то отстанет или потеряется, у каждого будет своё. Бранн сказал, что ни на что не намекает, но свою кучку взвесил на ладони и сообщил, что у Тисы больше. Тиса сказала, что у неё сухари Эны, а они тяжёлые, потому что ими можно забивать гвозди.

Груз разложили по силам. Терен взял флягу, сумку с едой,

инструмент Бранна и кусок троса. Тиса — свою сумку, треснувшую флягу с дождевой водой, мел, книжку за пазухой и мёртвую шашку в кармане. Бранну досталась верёвка, смотанная кольцом через здоровое плечо. Он сказал, что это унижительно, и понёс.

Цепь оставили. Каркас люльки оставили. Вторую шашку, серую, в подпалинах, оставили на плоском камне, рядом с процарапанным кругом, точкой и крестом.

Они вылезли из ямы на восточный край и пошли.

Терен шёл первым и считал. Не вслух — губами, по старой привычке, парами шагов, как считал на любой незнакомой дороге, где нет ни столбов, ни вёрст: левая, правая — раз. Сто пар — камешек из левого кармана в правый. Под ногами был мелкий серый щебень, потом плита, гладкая, тёплая, потом снова щебень. Тиса шла за ним, прихрамывая, с белым стеблем за ухом. Бранн — последним, с мотком верёвки на плече и с таким лицом, будто каждый шаг был ему кем-то должен.

На второй сотне Тиса спросила, сколько уже.

— Мало, — сказал Терен и переложил камешек.

Глава четвёртая. Не подписать мёртвого

Тавин играл гаммы с шести утра, потому что с восьми соседи снизу уходили на смену, а до восьми стучали в пол шваброй уже не со зла, а по привычке. Сайра слышала его сквозь сон, который так и не стал сном: гамма вверх, гамма вниз, и на верхнем «ре» смычок у брата каждый раз чуть проскальзывал, будто под ним была пыль.

Она лежала и смотрела на ящик.

Ящик стоял на стуле у кровати, завёрнутый в серый плащ. Плащ погиб вчера на мосту: ржавчина на спине, протёртый локоть, смола на подоле. Он стоил половину весенней премии. Сайра купила его, чтобы хоть одна вещь у неё была такой, какую носят жёны советников.

Она встала, отнесла плащ в угол, к двери, чтобы не видеть, и пошла умываться.

Она снимала две комнаты и кухню возле шахты подъёмника на Четвёртой террасе. Здесь гудело и дребезжали окна, зато контора дома была в десяти минутах ходьбы, а квартплата — на треть ниже. Тавин говорил, что из-за шахты у него абсолютный слух только на ля малой октавы.

Когда она вышла на кухню, он сидел на подоконнике со скрипкой — с альтом, он всегда её поправлял — на коленях и читал утренний листок, который мальчишка с галереи под-

совывал под дверь.

— Ты была там, — сказал он. Не спросил.

— Была.

— Тут написано... — Он нашёл строку пальцем. — «Обрушение среднего пролёта моста над Вздохом. Погибли: возчик Ерс Тамош, торговка Дола Перх, ремонтник участка Кин Ловец. Пропали без вести и считаются погибшими: проводник Т. Вей, мастер-подъёмщик Бранн Корх, ученица Тиса Квельд. По предварительному заключению участка — превышение нагрузки на пролёт при нарушении интервала». — Он поднял глаза. — Это твой проводник? Которого ты нанимала?

— Мой.

— Он нарушил интервал?

Сайра взяла листок у него из рук. Прочла сама, медленно, от первой строки до подписи, будто там могло быть написано что-нибудь ещё. Ничего другого там написано не было. «Считаются погибшими». Кто их считал и когда — тоже не было.

— Нет, — сказала она.

Она положила листок на стол буквами вниз и поставила на него чайник.

Тавин заметил её руки. Руки были в ссадинах, на правой ладони длинная красная полоса от верёвки, которой Тарм её обвязал. Она их не прятала: прятать было бы глупо, а обсуждать — некогда.

— Тебе бы к лекарю.

— Мне бы к портному. Плащ видел?

— Видел. Купишь новый.

— На что? — сказала Сайра и тут же пожалела, потому что он сразу понял и слез с подоконника.

— Третья доля за полугодие до пятницы. Я помню. Я могу у Хенрика попросить отсрочку. Он даёт, если сыграть ему что-нибудь грустное.

— Я заплачу до пятницы.

— Сайра.

— Я сказала, заплачу. Играй своё «ре». У тебя опять смычок съезжает.

Он постоял ещё немного и ушёл в комнату. Через минуту оттуда снова пошла гамма, вверх и вниз, и на верхнем «ре» смычок снова съехал.

Сайра пила чай стоя, у окна, глядя, как в колодце шахты медленно поднимается платформа с молочными бидонами. Ей нужно было три вещи до вечера, и она перебирала их в том порядке, в каком они могли сорваться. Первой могла сорваться та, что зависела от чужого страха. Её надо было делать первой.

* * *

В Палате Ордена меры пахло маслом, сургучом и мокрыми шляпами. Под стеклом лежали образцовые гири; перед окошком регистратора тянулась очередь. Сайра встала в неё. Ей нужен был инспектор Эрвин, а он не любил тех, кто про-

ходил без очереди.

Через сорок минут Эрвин принял её в кабинете с ящиками до потолка. Ему было около пятидесяти. Плоский перстень Ордена он всё время поворачивал на пальце.

— Я знаю, зачем вы пришли, — сказал он, прежде чем она села. — Сядьте всё-таки.

Она села. Ящик в плаще она держала на коленях: другой ткани, в которую его можно было завернуть, у неё дома не нашлось.

— Начальник участка Кадор, — сказал Эрвин, — прислал мне на рассвете письмо. Он просит Орден принять вашу каску на хранение до решения комиссии. В опечатанном виде. Не вскрывать, не снимать.

— Он не может просить вас хранить чужую вещь.

— Просить он может. Решает Орден.

— И что решает Орден?

Эрвин повернул перстень.

— Орден ещё ничего не решил. Орден в моём лице сидит и думает.

Сайра готовилась к разговору полночи, но начала не с того, с чего собиралась.

— Я оплачу срочное снятие. Двойной тариф. Сегодня. При двух ваших свидетелях.

Эрвин перестал вертеть перстень.

Взгляд, которым он её смерил, был взглядом хозяина на гостя, полезшего за столом руками в общее блюдо, и Сайра

поняла свою ошибку раньше, чем он открыл рот.

— Орден не продаёт очередь, госпожа. Ни по двойному тарифу, ни по десятерному. Если бы продавал, вы бы сейчас покупали у меня не снятие ленты, а то, что я на ней прочту.

— Я не это имела в виду.

— Я знаю, что вы имели в виду. Я говорю, как это выглядит.

Сайра помолчала. Заставила себя помолчать, хотя хотелось извиниться, а извиняться было ещё хуже.

— Тогда так, — сказала она ровно. — Устав Ордена, раздел о частных записях. Владелец записи вправе требовать снятия её в присутствии Ордена. Отказать вы можете, если запись под арестом суда. Ареста нет. Письмо начальника участка — не арест.

— Сегодня ареста нет, — согласился Эрвин.

— Сегодня.

— Завтра, госпожа, к полудню здесь будет требование комиссии. Не просьба Кадора, а требование, с печатью ведомства дорог. Я это знаю, и вы это знаете, иначе вы бы не пришли ко мне первой, раньше, чем в контору своего дома.

Это было правдой, и она не стала спорить.

Эрвин подошёл к окну, выходявшему на весовой двор.

— У моего отделения, — сказал он, не оборачиваясь, — договор с ведомством на поверку самописцев. Всех самописцев на линиях от Свода до Перевального. Это половина того, что мы здесь получаем. Если я сегодня сниму вашу ленту,

а завтра придёт требование, Кадор этот договор не отнимет. Он не может. Но через полгода, когда договор будут продлевать, кто-нибудь в ведомстве вспомнит, что Палата в Своде была очень расторопна для частного лица. Я говорю это не для того, чтобы вы мне посочувствовали.

— А для чего?

— Чтобы вы знали, что я это знаю. И что я это посчитал.

Он вернулся к столу и сел.

— Сниму. Сегодня, по уставу, без всякого тарифа сверх обычного. При двух свидетелях от Палаты. Копия снятия остаётся в архиве Ордена — это не обсуждается. Вторую получаете вы. И я подписываю отсчёты. Только отсчёты. Что они значат, я не пишу и вслух не говорю. Ни вам, ни Кадору, ни комиссии.

— Согласна.

— Вы не спросили, что будет, если на ленте окажется то, что вам не понравится.

— Тогда у меня будет лента, которая мне не нравится. Это лучше, чем ничего.

Ленту снимали два часа. Двое клерков сломали печать Сайры при свидетелях и пустили ленту между валиками. Эрвин называл цифры; один клерк повторял, другой заносил их в книгу. Сайра думала, сколько времени у неё осталось до вечера, и один раз — о том, что давно не ела.

Когда Эрвин наконец выпрямился и снял нарукавники, он не сказал ничего. Он вымыл руки в тазу, вытер, сел напро-

тив неё и положил перед собой два листа, исписанных цифрами. На каждом рядом с основными отсчётами теснился узкий столбец с пометкой «Побочный. Движение».

— Отсчёты, — сказал он.

— Прочтите мне их. Словами.

Он поморщился, но прочёл.

— Семейство — целостность. До семи ноль пяти — фон, утренний, ровный. Семь ноль пять, сорок секунд — приход. Не от настила. По служебной линии, снизу, в опору. Дальше нарастание, без перерыва, около двадцати секунд. Потом рывок у дальней опоры. — Он провёл пальцем по строке. — Нагрузка от телеги на ленте есть. Она после. Маленькая.

— Сколько пришло по линии?

Он назвал число, с допуском в обе стороны. Сайра попросила повторить, и он повторил тем же голосом.

— Это много? — спросила она.

— Для утреннего пониженного режима? — Эрвин поднял глаза от листа. — Это не утренний пониженный режим.

— Значит, мост сломал не перегруз.

— Значит, на ленте вот это. Остальное — не ко мне. Я вас предупредил.

Он подписал оба листа, приложил печать Палаты, один убрал в папку с ярлыком архива, второй придвинул к ней. Потом смотрел, как она заново пломбирует ящик своей печатью при двух клерках, и, когда она уже стояла у двери, сказал:

— Госпожа. В уставе есть ещё раздел — о хранении. Орден вправе принять частную запись на хранение по просьбе владельца. Тогда требование комиссии придёт ко мне, а не к вам.

— А вы её отдадите?

— Если будет суд — отдам. Если будет только требование — нет.

Сайра подумала. Это было разумно, и это было безопасно, и ящик весил на руках больше, чем ей хотелось бы весь день носить.

— Спасибо. Я оставлю её у себя.

Эрвин кивнул так, будто другого и не ждал, и повернул перстень.

* * *

Отчёт пришёл в Палату дорог в Короне с утренним курьером, в начале восьмого, вместе с остальной почтой. Ровена Даль прочитала его третьим: первым было письмо подрядчика о задержке стальных балок, вторым — сводка паводкового поста с верховьев. Вода в верховьях шла на две ладони выше прошлогодней.

Отчёт был короткий, как все отчёты Кадора, и, как все его отчёты, хорошо написан. Обрушение дальней половины среднего пролёта в семь часов шесть минут, при проходе ведущей телеги каравана. Трое погибших. Трое пропавших без вести, считаются погибшими. Предварительно — превышение нагрузки на пролёт при нарушении интервала. Служеб-

ная линия работала в утреннем пониженном режиме. Резерв в норме. Ведомственный самописец изъят и опечатан. Частная кассета страхового дома Аска удерживается агентом дома, госпожой Сайрой, передать отказалась, обещает копию при Ордене. Мост закрыт до решения комиссии, ремонтная оценка — не ранее чем через десять дней.

Ровена прочла отчёт дважды. Во второй раз она прочла только одну строку и подчеркнула ногтем два слова: «в норме».

Потом она открыла дверь в приёмную и сказала секретарю, чтобы к ней прислали Гарта.

Гарт пришёл через десять минут, с папкой и с лицом человека, который знает, зачем его зовут, и уже устал от этого разговора, хотя он ещё не начался. Он был её заместителем по линиям восемь лет, хорошим инженером и плохим лжецом. Последнее Ровена ценила больше.

— Резерв на Вздохе, — сказала она. — «В норме». По чему?

— По квартальному паспорту.

— Когда последний раз проверяли не паспорт, а плиты?

— Весной. Орден, выборочно. Плюс участок отчитался о закладке новой партии в апреле.

— Выборочно — это сколько из скольких?

Гарт открыл папку.

— Одна из шести секций.

— Одна из шести. — Ровена откинулась на стуле. — Гарт,

у меня через тридцать три дня пересадка Свода на новую опору. На время пересадки этот резерв держит всё, что не держит старая опора. Я хочу знать, что лежит в земле под Вздохом. Не что вписано в книгу. Что лежит.

— Я пошлю Кадору...

— Не Кадору. Возьмите бригаду с Нижнереченского участка. Тихо. Без объявления в Своде. Пусть вскроют все шесть секций и пересчитают плиты по одной. И пусть взвешают.

Гарт записал. Потом поднял голову.

— Вы думаете, резерв меньше?

— Я думаю, мост сломался там, где на нём никого не было, — сказала Ровена. — Это написано в этом же отчёте, если читать не только выводы. И ещё я думаю, что, если резерв в норме, перегруз на средний пролёт он бы взял и не заметил. Одно из двух неправда. Я хочу знать, какое.

— А если окажется, что в книге больше, чем в земле?

— Тогда найдите, кто вписал. И ко мне.

Гарт не стал спрашивать, что будет с тем, кто вписал. Он спросил другое:

— А утром на Вздохе по линии что-нибудь шло? Проверочное?

— Это я у вас хотела спросить.

— По плану — нет. По книге участка — пониженная.

— По плану я знаю. Мне нужно, что было. Затребуйте книгу линии с подлинниками, не выписку.

Ровена не перенесла назначенное на девять совещание о пересадке. Пришли Гарт, мастер монтажной артели Сольд, советник казны Иммер и доктор Эст из большой больницы.

Иммер начал первым, как всегда, когда хотел что-нибудь получить. Он был моложе Ровены лет на десять, вежлив, хорошо одет и говорил тем мягким голосом, которым при дворе сообщают, что кошелёк будет закрыт.

— Двор, разумеется, скорбит, — сказал он. — Двор также спрашивает, не разумно ли в свете случившегося отложить пересадку Свода. До выяснения причин. На сезон, скажем.

— Нет, — сказала Ровена.

— Хранительница, позвольте мне хотя бы...

— Позволю. Только я вам сразу скажу, почему нет, чтобы вы не тратили своё красноречие. — Она положила ладонь на сводку паводкового поста. — Старая опора Свода держит сейчас на пределе износа. Через пять недель в верховьях придёт большая вода, она уже идёт на две ладони выше прошлогодней. Если мы отложим пересадку на сезон, мы будем делать её в паводок, на опоре, которая проживёт этот сезон хуже, чем прожила прошлый. Балки заказаны. Сольдова артель нанята до конца месяца, следующая свободная артель такого класса — через полгода. Отложить — не значит обезопасить. Отложить — значит сделать то же самое позже, дороже и в худших условиях.

— Но если причина аварии — в самом режиме...

— Тогда я её найду и исправлю до пересадки. На это у

меня тридцать три дня. Это мало. Но это больше, чем будет у меня в паводок.

Иммер улыбнулся, как улыбаются люди, которые проиграли спор и уже прикидывают, где выиграют следующий.

— Тогда двор хотел бы хотя бы определённости в сообщении. В Своде уже напечатали «перегруз». Если ведомство подтвердит...

— Ведомство не подтвердит.

Гарт поднял голову. Иммер тоже.

— В официальном сообщении, — сказала Ровена, — будет написано: «причины устанавливаются». Слово «перегруз» из него убрать. И передайте в Свод, чтобы участок больше этого слова в печать не давал.

— Хранительница, позвольте спросить, вы считаете, что проводник не виноват?

— Я считаю, что не знаю. Если через неделю выяснится, что не перегруз, я не хочу забирать слова обратно на глазах у всего Свода. Забрать слова обратно стоит дороже, чем их не сказать.

Доктор Эст до этого молчала. Она была седая, коротко стриженная, с руками, которые не знали, куда себя деть, когда в них не было инструмента, и говорила как хирург: сразу о том месте, где болит.

— Мне всё равно, что напишут, — сказала она. — Мне не всё равно, что будет с моими контурами во время пересадки. Если на Вздохе резерв был не тот, что в паспорте, — каким

будет резерв, на котором мои люди будут лежать в день пересадки?

— Тем, который я пересчитаю, — сказала Ровена. — Через три дня у меня будут настоящие числа. Тогда скажу.

— Через три дня.

— Раньше не будет.

Эст кивнула, будто приняла срок на операционном столе: не нравится, но другого нет.

Мастер Сольд, широкий, молчаливый, всё совещание рисовавший на краю своей бумаги балку в разрезе, вдруг поднял руку.

— Есть местные банки, — сказал он. — В каменном дворе. Шесть штук. Если резерва на Вздохе не хватит, подключить их раньше. На время.

— Нет, — сказала Ровена.

— Они почти готовы.

— Они готовы на после пересадки. Стоят у источников, входы у них узкие, а развязки к ним до конца монтажа закрыты — потому что за развязками ваши люди, Сольд. Подключу их сейчас — придётся открыть развязки посреди монтажа. Тогда я сорву вам график, а вам — сорву, может быть, руки. Банки — на после. На то, чтобы город жил, когда старое снимут. Не на то, чтобы залатать дыру, которой я ещё не измерила.

Сольд не стал спорить и вернулся к своей балке.

Когда все поднялись, Иммер задержался у двери.

— Ещё одно, хранительница. Частная кассета у этой страховщицы. Её не разумнее ли изъять? Пока она не начала про-
давать её кому попало.

— Нет.

— Почему?

— Потому что изыдем — и завтра весь Свод будет знать, что ведомство дорог прячет ленту. — Ровена собирала бумаги. — Она обещала снятие при Ордене. Если снятие будет, в архиве Ордена ляжет копия. Гарт, запросите в Своде всё, что Орден снял с частных записей по Вздоху. Официально, через Палату Ордена, по нашему договору о проверке. Пусть лента остаётся у неё. Мне нужна не лента. Мне нужно, что на ней.

Иммер поклонился и вышел. Доктор Эст осталась.

— У меня в Своде на интерфейсе техник, — сказала она.
— Вей. Левен Вей.

Ровена подняла глаза.

— Это его отец, — сказала Эст. — В вашем отчёте. Проводник.

— Отпустите его на три дня, — сказала Ровена. — Кто встанет вместо него?

— Дина. Она справится. Он лучше, но она справится.

— Тогда пусть справится. И, доктор... — Ровена подумала. — Скажите ему, что «считается погибшим» — это не заключение. Это так пишут, когда никто не знает.

Эст посмотрела на неё внимательно, как хирург смотрит

на рану, в которой нашлось что-то неожиданное.

— Вы сами ему это скажете? Он ведь ваш, по линии.

— Нет. Он меня не знает. Ему будет приятнее от вас.

* * *

Вирен Аск принимал в своём кабинете на Шестой террасе, где окна выходили на юг, и в ясный день с них было видно не только Свод, но и первый перевал на дороге к Стеклянному морю. Сегодня было ясно. Чай, как всегда, был хорош: тёмный, горький, из Лесных дворов, в чашках тонких, как бумага. Сайра пила его, держа чашку обеими руками, потому что на правой ладони была красная полоса и стенка жгла.

Аску было шестьдесят три. Дом достался ему от отца, но вырос при нём втрое, и он никогда не напоминал об этом вслух. Он выслушал её не перебивая. Просмотрел отчёты Эрвина, повертел лист, положил на стол, накрыл ладонью.

— Вы хорошо поработали. Быстро. Я не думал, что Эрвин сделает это сегодня.

— Я тоже не думала.

— И вы, я так понимаю, рассчитывали, что этот лист всё решит.

Сайра поставила чашку.

— Этот лист показывает, что утром, в режиме, который ведомство само подтвердило, по служебной линии в опору пришёл поток, которого там быть не могло. Мост сломал не перегруз. Если не перегруз — это страховой случай. Мы платим за Ерса, за Долу, за груз. Это неприятно, но это не разо-

рит дом. А главное...

— А главное, — сказал Аск, — вы мне сейчас принесли доказательство, что ведомство дорог тайно гоняло что-то по линии в разрешённом окне, а потом написало, что виноват проводник. Это вы мне принесли. Я правильно понял?

— Да.

— Сайра. — Он убрал руку с листа. — Если бы вы мне принесли, что виноват гнилой камень, я бы заплатил за Ерса и за эту торговку и пошёл обедать. Гнилой камень — страховый случай, его можно посчитать. Вы мне принесли другое. Вы принесли спор с ведомством дорог о том, что оно делает на своих собственных линиях. Знаете, сколько у меня полисов на дорогах Свода, расписанных по опубликованному режиму?

— Двести сорок с чем-то.

— Двести сорок семь. Если ваша лента права, все они посчитаны неверно. Это первое. Второе: перестраховка дома — в Короне, у Дельтенов. Дельтены сидят в казне с Иммером за одним столом. Третье: через тридцать три дня пересадка Свода, и я, дом Аска, — один из трёх домов, которых ведомство позвало считать тарифы на после пересадки. Вы знаете, что это значит для дома. Вы сами просили, чтобы эту работу дали вам.

Она знала. Работа по тарифам после пересадки была тем, ради чего она весной и пошла к Аску с предложением независимой инспекции. Если бы всё прошло, как она рассчиты-

вала, к зиме её звали бы в долевы́е партнёры. Это не обсуждалось вслух, но обсуждалось взглядами за этим самым столом.

— Значит, нам выгоднее, чтобы был перегруз, — сказала она.

— Нам выгоднее, чтобы не было войны с ведомством, у которого сорок самописцев против вашей одной кассеты. Перегруз — это просто то, во что эта выгода сегодня одета. — Он долил ей чаю. — Я не прошу вас лгать. Я прошу вас понять, что дом не может себе позволить быть правым первым.

— А семьи?

— Семьям дом заплатит по милости. Двадцать марок каждой. Без признания случая.

— Двадцать марок, — сказала Сайра, — и запись в акте, что их отец и муж погиб из-за проводника, который не обеспечил интервал. А проводник мёртвый, ему всё равно. Удобно.

— Проводник, если я правильно читаю листок, — пропавший.

— Тем более.

— Вы его защищаете?

— Я защищаю тариф на следующие тридцать три дня. Если мы примем перегруз, мы будем страховать каждую следующую телегу на этом мосту по бумаге ведомства, про которую я теперь знаю, что она не держит. Я не хочу считать по

бумаге, которая не держит. Это моя работа.

Это было правдой. Почти. Терен Вей тоже был в этом, где-то с краю: его пустая графа, которую она перечеркнула сама, чтобы никто не дописал за него «замечаний нет». Но об этом она говорить не собиралась, и в первую очередь самой себе.

— Хорошо, — сказал Аск. — Тогда слушайте, что будет.

Он сказал это без всякой перемены в голосе, тем же тоном, каким предлагал чай.

— Поручительство дома по этому делу я с вас снимаю. С сегодняшнего дня. Всё, что вы делаете по Вздоху, вы делаете от себя, не от дома. Ваша доля в доме замораживается до решения комиссии — не отнимается, замораживается. Нотариуса для ваших свидетелей дом не оплачивает, носильщиков смотрительницы — тоже. Если ведомство подаст на вас за удержание вещественного доказательства, дом будет говорить, что ничего не знал.

Сайра сидела очень прямо.

— А кассета? Она куплена домом. По девятому пункту.

— Оставьте её у себя.

— Что?

— Оставьте у себя. Как частное лицо. Дом её не видел. —

Аск чуть пожал плечами. — Если окажется, что вы правы, дом придёт и скажет, что кассета его, и заберёт прибыль, и вы будете долевым партнёром ещё до зимы. Если окажется, что неправы, — вы будете не наша. Мне жаль, что я говорю это так. Но вы бы сами мне не простили, если бы я сказал

это как-нибудь иначе.

Она могла бы встать и уйти. Она могла бы сказать то, что крутилось на языке с самого начала: что с этой лентой и этими отсчётами её с удовольствием возьмёт любой из двух других домов, позванных считать тарифы, и что Аску это известно. Она это и сказала. Не удержалась.

Аск выслушал спокойно.

— Попробуйте. Только учтите: у Хольмов и у Певерил это будет уже не лента, а товар. И цену ей будут назначать они, а не вы. И первым делом они спросят, почему дом Аска от неё отказался. Что вы им ответите?

Сайра не ответила. Она понимала, что он прав, и понимала, что сказала это зря: не для дела, а чтобы ему стало хоть немного неприятно. Ему не стало.

— Акт комиссии, — сказала она. — Вы его подпишете?

— Когда комиссия закончит. Как дом. — Он помолчал. — Вашей подписи там не будет. Она нам не нужна.

* * *

Вельма сидела на скамье во дворе конторы, под каштаном, и ела пирожок из бумаги. Увидев Сайру, она доела, бумагу сложила вчетверо и сунула в карман.

— Две марки, — сказала она. — Носильщикам. И бой: три стакана из-под ламп и угол у одного ящика. Опись у меня. Вы обещали.

Сайра остановилась.

Она забыла. Она, которая помнила, сколько стоил каж-

дый плащ в своей жизни и каждый полис в книге дома, забыла про две марки носильщикам, которые сама же пообещала вчера в конторе на станции, перед тем как всё случилось. Это было так глупо, что она на миг рассердилась не на себя, а на Вельму — за то, что та приехала из-за двух марок в тот день, когда у Сайры сняли поручительство и заморозили долю.

Потом прошло.

— Простите. — Она полезла за кошельком. — Забыла.

— Бывает, — сказала Вельма, без снисхождения и без упрёка. Пересчитала монеты на ладони, сверила с описью, кивнула. — Это с боем. Хорошо.

— Вы ради этого приехали?

— Ради этого тоже. Станцию закрыли. Мост закрыли. Дорога на Свод открыта, а кому мне на станции продавать чай? Ещё Кадор велел завтра к девяти быть в участке, объяснения писать. Вот я сразу и в участок, и к вам. Один извозчик.

Сайра села рядом с ней на скамью. Сидеть было приятно. Она поняла, что не сидела с утра нигде, кроме жёсткого стула у Эрвина и кресла у Аска, а ни там, ни там не сиделось.

— Что Кадор от вас хочет?

— Чтобы я написала, что у меня вечером ремонтная галерея была завалена ящиками и что люк загородили. Я это и напишу, это правда. Он хочет, чтобы выходило, что на мосту был беспорядок. А раз беспорядок — то и интервал, может, держали не так. Я не дура, я понимаю, куда он ведёт.

— И что вы напишете?

— То, что было. Ящики были. Вы их вынесли. Утром галерея была пустая, Кин её подмёл. Пусть разбирает как хочет. — Она помолчала. — А вот про Норма вы зря.

— Про техника?

— Вы его вчера при мне спросили, что показывала стрелка, а он молчал. Вы думаете, он подлец.

— Я ничего не думаю. Я спросила, он не ответил.

— Он не ответил, потому что у него мать на ведомственной пенсии, а сестра в ведомственной школе. И он считать умеет не хуже вас. — Вельма сказала это без злости, как сообщают цену. — Я его не защищаю. Я говорю, чтобы вы на него не тратились. Он вам ничего не скажет, пока ему не скажут, что можно.

Сайра кивнула. Она действительно считала Норма трусом, со вчерашнего вечера, и было неприятно, что смотрительница это увидела.

— Теперь вот что, — сказала Вельма. — Мне ещё Кинова мать. Она у меня полы на станции моет третий год. — Она повернулась к Сайре всем корпусом. — Если в акте будет «нарушение интервала», то интервал на мосту держал Кин. Флажком. Это его флажок был. Ведомство ей за него платить не станет, раз он сам виноват. А если не перегруз — станет. Вот я и хочу знать, что вы со своим ящиком будете делать. Отдадите им, как все отдают, или нет.

Сайра посмотрела на ящик у себя на коленях, завёрнутый в испорченный плащ.

— Не отдам.

— Это вы так сейчас говорите.

— Да. Это я так сейчас говорю.

Вельма подумала, кивнула, будто приняла сдачу.

— Ну, тогда вот ещё. Раз уж вы считаете. — Она понизила голос, хотя во дворе, кроме них и каштана, никого не было. — У меня весной на станции ведомство закладывало резерв. Под низкий зал, под плиты. Ящики привезли с Большого грузового, мои носильщики их таскали вниз. Я плачу носильщикам с веса, у меня своя весовая, маленькая, ещё от пассажирских времён. Так вот: по накладной ящиков было шестьдесят. Я их и считала, шестьдесят. А по весу вышло — как будто сорок. Ящики полные, заколоченные. Только лёгкие.

— Вы сказали кому-нибудь?

— Кому? Ведомству — про ведомство? Ихний человек расписался в приёмке, я получила за носильщиков с веса, а не с накладной, меня это устраивало. Не моё было дело.

— А теперь ваше?

— А теперь у меня Кинова мать, — сказала Вельма. — И станция закрыта.

Сайра молчала. Она подумала о бумаге, которую Аск накрыл ладонью, о слове «резерв» в отчёте, который она не видела, но могла представить, о Кадоровом «7.00, пониженная, подтверждаю». Это ничего не доказывало. Это было словом смотрительницы, у которой свои причины. Может быть, ве-

совая на станции врал на треть. Может быть, ящики были с прокладкой. Может быть, Вельма придумала это сейчас, сидя на скамье, потому что ей нужно было, чтобы у Сайры нашлось основание не отдавать ящик.

— Что было на ящиках? — спросила Сайра. — Клеймо?

— Три печи на волне. Синим. Это стеклоплавильный союз, с Моря. Они у нас и раньше через станцию шли, когда ещё пассажирская была.

— Чего вы хотите за это?

Вельма посмотрела на неё с удивлением, потом с обидой, потом, кажется, с жалостью.

— Я вам не продаю. Вы мне две марки отдали, я вам сказала. Вы, госпожа, видно, совсем замотались, если думаете, что все кругом торгуют.

Она встала, отряхнула юбку.

— Мне двоих техников на неделю закрытия чем-то кормить, — сказала она уже от каштана, через плечо. — Ведомство не заплатит до комиссии. Это я не вам говорю. Это я так.

Сайра посидела ещё немного одна. Потом встала, догнала её у ворот и отсчитала в ладонь недельную плату двум техникам по ставке станции. Вельма пересчитала, сверила со своей описью, хотя никакой описи на это у неё не было, и кивнула.

— Это вы не мне, — сказала она. — Это Норму с напарником. Норму скажу, что от вас. Пусть знает.

* * *

Вечером Ровена сидела у сестры.

Ада жила в старом доме у реки, внизу, у лодочного рынка, где Ровена выросла и откуда так и не уговорила её переехать. Две комнаты, сиделка, окно на воду, по которой в сумерках шли последние лодки с фонарями на носу. Ада не вставала уже второй год. Лёгкие. Лекари говорили разное, Ада не слушала никого.

На стене тикали часы, старые, с медным маятником, которые Ровена сама разобрала и собрала, когда ей было пятнадцать, и с тех пор заводила каждый раз, как приходила. Пришла — завела. Ключ на цепочке, восемь оборотов, не девять: на девятом пружина начинала жаловаться.

— Опять считаешь, — сказала Ада с подушек.

— Обороты.

— Не обороты. У тебя лицо такое, будто ты в голове шьёшь.

— Шью, — согласилась Ровена.

Она закрыла дверцу часов и села у кровати. Сиделка принесла чай и ушла.

— Мост твой? — спросила Ада. — Тот, что в листке?

— Мой.

— Люди?

— Шестеро.

Ада помолчала, потом сказала, что у Ортегов на той неделе опять утопили лодку на гонках, и что старший Ортег бегал по берегу в одном исподнем, и что сиделка видела. Ровена

слушала вполуха, кивала. Ада это знала и всё равно рассказывала, потому что это было лучше, чем молчать, и потому что так было всегда, с тех пор как Ровене было пятнадцать, а Аде двадцать, и Ада рассказывала ей про лодки, а Ровена разбирала часы.

Через тридцать три дня пересадка. Через три дня — настоящие числа с Вздоха. Если в земле меньше, чем в книге, — значит, кто-то вписал. Если кто-то вписал на Вздохе, значит, кто-то мог вписать и в других местах, и тогда её пересадка стоит на числах, которым нельзя верить. Значит, считать надо всё. За тридцать три дня. С Сольдом, у которого балки опаздывают. С Иммером, у которого двор хочет виноградного к концу недели. С Эст, у которой люди лежат на контурах и не могут встать.

И где-то в Своде — страховщица с ящиком, которая не захотела отдать ленту. Ровена не знала её. Знала только, что это неудобно и, вероятно, правильно, и что одно другому не мешает.

— Ты не слушаешь, — сказала Ада.

— Слушаю. Ортег в исподнем.

— Это было пять минут назад.

Ровена вдруг улыбнулась — коротко, по-настоящему, впервые за день.

— Расскажи ещё раз. Я теперь послушаю.

Ада рассказала ещё раз. Ровена слушала, пока сестра не уснула на середине второго рассказа про гонки. Тогда она

встала, поправила подушку, глянула на часы — шли — и ушла, не прощаясь с сиделкой, чтобы не разбудить.

* * *

Курьерская контора коронной линии на Второй террасе закрывалась в восемь. Сайра пришла без четверти.

Пакет она собрала в конторе дома, пока ещё могла сидеть за своим столом: копия отсчётов Эрвина с печатью Палаты, копия акта установки с приписанной рукой Кадора строкой, копии нотариальных показаний Олека, Тарма и Ифы. Нотариус ещё вчера вечером снял для неё копии за двойную плату, за срочность. Счёт нотариуса лежал теперь у неё в сумке, и платить по нему было ей, а не дому.

Клерк за окошком взвесил пакет на маленьких весах, записал вес.

— Куда?

— Независимый страховой депозитарий в Короне. На хранение. На моё имя.

— Объявленная ценность?

Сайра помедлила. Объявленная ценность стоила процент сверху и строчку в курьерской книге, которую потом мог прочесть любой, кому очень надо.

— Без объявленной.

Клерк назвал цену. Она заплатила. Клерк поставил штамп, бросил пакет в мешок за спиной, и пакет ушёл, как уходит всё в такие мешки: без звука. Утром он будет в Короне.

Домой она поднималась пешком: подъёмник на Четвёртую в это время стоял в очереди, а ждать сейчас было выше её сил. На лестницах галерей зажигали фонари. На Третьей кто-то играл на губной гармошке, плохо. На площадке между Третьей и Четвёртой две женщины ругались из-за верёвки для белья, натянутой поперёк прохода; Сайра поднырнула под верёвку, и одна из женщин сказала ей вслед: «Вот видите, а ей не мешает».

Тавин сидел на кухне и ел хлеб с сыром прямо с доски. Альт лежал на стуле. Плащ всё так же висел у двери.

— Ты поздно, — сказал он.

— Работа.

— Тебя Хенрик сегодня видел у Аска во дворе. С какой-то тёткой на скамейке. Сказал, вы ругались.

— Мы не ругались. Мы считали.

Она села напротив него, высыпала из кошелька на стол всё, что было, и стала раскладывать по кучкам. Тавин перестал жевать.

Носильщики и бой — уже отдано. Техникам Вельмы — отдано. Нотариус — счёт в сумке. Курьер — отдано. Третья доля за полугодие для Хенрика — до пятницы. Дорога.

Дорога. Она подумала о синем клейме, трёх печках на волне, которые никто в Своде ей не покажет: склад ведомства закрыт, книги линии — у Кадора, а Эрвин скорее сломает свой перстень, чем пустит её в архив проверки. В Своде у неё больше не было ни поручительства, ни стола, который мож-

но назвать своим, и с полудня завтрашнего дня, когда придёт требование комиссии, не будет и спокойной ночи с ящиком у кровати. А в Стеклянном море стеклоплавильный союз — это не ведомство. Это торговцы, у них своя книга отгрузок, и свои весы, и своя гордость за свои весы. Им можно заплатить. Им можно задать вопрос, на который ведомство в Своде никогда бы ей не ответило: сколько ящиков с тремя печами на волне ушло весной на Вздох и сколько они весили, когда уходили.

Это не было доказательством ни того, ни другого. Это было направлением. По направлению можно идти.

— Ты уезжаешь, — сказал Тавин.

— С чего ты взял?

— Ты кладёшь в отдельную кучку и смотришь на неё, как будто это билет.

Кучка и правда была похожа на билет: на два дня по действующей линии до Стеклянного моря, ночлег, обратная дорога, если повезёт. Если не повезёт — без обратной.

— На неделю. Может, чуть больше.

— А Хенрику?

Она взяла из кучки «дорога» три монеты и переложила в кучку «Хенрик». Потом подумала и переложила ещё одну.

— В пятницу отнесёшь сам. Скажешь, что вся доля, без отсрочки.

Тавин проводил глазами «дорогу», которая стала заметно меньше, но промолчал: он был не дурак. Он взял алыт со сту-

ла, сел обратно и стал подкручивать колок.

— Сыграй мне что-нибудь, — сказала Сайра. — Не гамму.

— Грустное? Как Хенрику?

— Любое. Только чтоб «ре» не съезжало.

Он заиграл. «Ре» съехало на второй же фразе. Сайра сидела, подперев голову рукой, над кучками монет, пока он не доиграл, а потом пошла спать и в первый раз за двое суток заснула сразу.

Глава пятая. Осыпь и капитан

К полудню левый карман у Терена опустел. Тридцать камешков, три тысячи пар шагов. Он вывернул карман, посмотрел на крошки и пошёл дальше не считая.

Земля здесь была из плит. Широкие, серые, гладкие, они лежали одна за другой, как плиты огромного пола, с которого давно унесли мебель, а между ними тянулись полосы щебня — то в ладонь шириной, то на десяток шагов, — и через широкие приходилось перебираться, выбирая, куда поставить ногу. Плиты были тёплые — не от солнца, солнца здесь не было, а будто кто-то подтапливал их снизу. Сначала это было приятно, но к полудню подошвы горели, и Тиса шла, поджимая пальцы.

Пахло камнем и пылью. Иногда, когда ветер тянул со стороны зелёного окна, пахло чем-то сладким и прелым, как в погребу с яблоками.

Свет под белым окном не приближался. Огни, которые ночью горели под ним, днём пропали, белое сияние забивало их, и впереди была только равнина, вспухающая грядками. Терен держал направление по белому окну и по своей тени — по той из теней, что от него падала, — и думал, что это первая дорога в его жизни, на которой он не может сказать, сколько прошёл.

— Слышите? — сказала Тиса.

Они остановились.

Сначала он не слышал ничего, кроме своего дыхания и того, как Бранн за спиной переступает с ноги на ногу, а потом услышал — далёкое, ровное, со всех сторон сразу, как прибой, если стоять за километр от моря и за холмом. В прибое иногда проступало что-то отдельное: скрип, тонкий звон, будто где-то далеко уронили ведро, глухой удар и ещё удар.

Шло оно сверху, из белого окна.

— Подъёмник, — сказал Бранн. — Вон, слышишь, — бу-ум. Это противовес в шахту лёг. Большой грузовой. Или Седьмой.

Он стоял, подняв голову, с серым лицом. Рука на перевязи, вторая обмотана тряпкой, моток верёвки через плечо. Терен вдруг увидел, что он старый. Не седой, не толстый — старый, как бывают старыми люди, когда им очень хочется домой.

— Свод, — сказал Бранн.

— Похоже.

— Это мы, значит, под ним идём.

Никто не ответил. Прибой шёл и шёл, и время от времени в нём ухал противовес, и Бранн каждый раз чуть заметно кивал, как кивают знакомому через улицу.

Пошли дальше.

Воду пили по глотку, когда Терен говорил, а говорил он не по часам, а когда видел, что кто-то начинает спотыкаться на ровном. Первой спотыкалась Тиса: нога у неё под повяз-

кой распухла, и шла она теперь на прямой, не сгибая колена. Бранн не спотыкался совсем, и это беспокоило Терена больше.

К вечеру они вышли к светлому пятну.

Это было то самое пятно, которое вчера Тиса видела из ямы под зелёным окном, или другое такое же. Оно лежало на равнине, как лежит на полу свет из открытой двери, неровное, с размытым краем. Внутри пятна плиты покрывало что-то жёсткое и низкое — не трава, а вроде мха, только сухого, рыжего, — и стебли этого мха все были повернуты в одну сторону, к окну.

А по краю пятна шли зверьки.

Их были сотни — каждый с кошку, может, чуть крупнее, серо-бурые, на высоких тонких ногах, с короткими хвостами и с ушами. Уши были огромные, больше головы, тонкие, как бумага, и, когда зверёк поворачивался к окну, свет проходил насквозь, и уши загорались розовым, с тёмными жилками, как пальцы, если поднести их к лампе. Зверьки не спеша шли по краю света, щипали рыжий мох, переговаривались — тонкий свист, щелчок, снова свист — и все разом, по какому-то общему знаку, поворачивали головы к окну и замирали: сотня розовых ушей. Потом разом опускали головы и шли дальше.

Люди остановились. Зверьки на них даже не посмотрели. Стадо обтекло их с двух сторон, как ручей обтекает камень, близко, на расстоянии вытянутой руки. Тиса присела на здо-

ровую ногу и протянула руку. Ближний зверёк понюхал её пальцы, свистнул и пошёл дальше.

— Мясо, — сказал Бранн задумчиво.

— Ты его не поймаеть.

— Я и не собираюсь. Я говорю, что мясо. Значит, тут жить можно.

Тиса засмеялась и встала. Стадо уходило за светом, который медленно сползал по равнине вбок, и розовые уши вспыхивали и гасли далеко впереди, пока совсем не пропали.

* * *

Ночевали на плите, большой, как хороший двор, подальше от щебня. Воды осталось на доньшке. Терен разлил её на три глотка, сам выпил последним и меньше всех, и Бранн это заметил.

Ночью стало прохладно. Тиса спала, свернувшись в комок у его бока, как собака, а Бранн сидел.

— Дай ту флягу, — сказал он.

— Утром.

— Утром мне будет хуже, чем сейчас. Сейчас мне просто хочется пить. Утром мне будет хотеться пить и идти. Дай.

Терен подумал и дал. Бранн отвинтил крышку, понюхал, сморщился и выпил всё, в четыре глотка, не отрываясь.

— Как? — спросил Терен.

— Как фартук. — Бранн вытер губы. — Сапогом закусить бы.

Он лёг на спину и закрыл глаза. Терен сидел и смотрел

на окна.

Ночью окна были другие, и он уже начинал к ним привыкать. Белое тускло, тёплое рядом с ним — Низина — проступало, звёздное было таким, как всегда. Зелёное горело слабо, и под ним равнина серебрилась, будто на ней лежала изморозь.

В этом серебре что-то двигалось.

Сначала он принял это за светлое треугольное облако, низко над землёй, но потом рядом появилось второе, поменьше, и оба шли ровно и быстро, быстрее любой телеги, не качаясь, а из-под них тянулась тень. Через какое-то время, когда треугольники были уже далеко впереди, до него дошёл звук — долгий шорох, как если провести косой по сухой траве, только очень долго и очень далеко, и деревянный скрип.

Это был парус.

Терен встал. Треугольники прошли наискось через серебряное пятно, повернули — он увидел, как они сложились и разошлись, — и ушли за гряды, и шорох затих.

Он стоял, и сердце у него стучало так же, как в двенадцать лет, когда он в первый раз увидел с Седьмой террасы, как поднимается Большой грузовой.

— Ты видел? — шёпотом спросила Тиса. Она не спала.

— Видел.

— Это корабль.

— Не знаю.

— По земле. Корабль. По земле, Терен.

— Спи. Утром посмотрим.

Утром смотреть было не на что. Только равнина, гряда и тишина.

* * *

Утро Бранн встретил на коленях, за краем плиты. Его рвало долго и тяжело, водой, которой уже не было, и потом он сидел, держась за живот, серый, с испариной на лбу, и говорил, что фартук был хороший, что Эна его выбирала, и что в следующий раз он будет пить из сапога, сапог чище.

Пошли медленнее.

Земля менялась. Сначала Терен заметил, что плиты стали теплее, потом — что в щебёночных полосах между ними появились свежие трещины с острыми краями, а в одной из них, когда он наклонился, щебень тихо, сам, без всякой причины сыпался вниз. Он постоял и послушал: шорох, пауза, шорох — как песок в часах.

Потом гряда кончилась, и он увидел полосу.

Она лежала поперёк их пути, от горизонта до горизонта, широкая — шагов пятьсот, а может, и больше. Плит на ней не было, была только битая, как тарелка, земля, вся в трещинах и уступах, просевшая ниже равнины на рост человека, а местами и на два. Над ней дрожал воздух, и она двигалась. Где именно, видно не было: смотришь в одно место — стоит, а отведёшь глаза — и краем глаза видишь, как где-то сползает пласт, оседает уступ, поднимается и опадает пыль. Иногда снизу шёл глухой и долгий звук, будто под одеялом

вздыхал кто-то большой.

Бранн сел на край плиты.

— Туда не пойдём, — сказал он. — Да?

— Не знаю.

— А обойти?

Терен обернулся налево, направо. Полоса уходила и туда и туда, без конца, и нигде не сужалась. По ту сторону, уже недалеко, как ему казалось, белое окно опускалось к земле, и под ним, он теперь был уверен, лежал город. Он различал над горизонтом дымки — не один, много, прямые, как ниточки.

— Обойти — может быть, день. Может быть, три. Я не знаю, где она кончается.

— У меня нет дня, — сказал Бранн. Сказал не жалуясь, а как говорят, сколько в кармане денег.

Тиса молчала. Она смотрела на полосу так, как Терен когда-то смотрел на реку в ледоход: со страхом и с жадностью сразу.

Терен пошёл вдоль края, туда и обратно, ища плиту — одну, хоть какую-нибудь, которая шла бы через полосу островом. Такой не было, но было другое: шагах в двухстах от того места, где они вышли, из полосы торчали столбы.

Деревянные, тёмные, в рост человека над землёй, через каждые три-четыре шага. По столбам, на поперечинах, лежал настил: доски, жерди, кое-где плетёнка из толстой рыжей верёвки. Настил уходил через полосу, то поднимаясь, то опускаясь вместе с землёй, и пропадал вдаль, в дрожащем

воздухе.

Это сделали люди. Здесь были люди, и они ходили через полосу, и строили, и чинили: на двух ближних столбах обвязка была свежая, светлая, ещё не потемневшая.

У Терена что-то отпустило в груди, впервые за двое суток.

— Ну вот. Вот и дорога.

— Это не дорога, — сказал Бранн, глядя на настил. — Это забор, который упал.

— Ходят же.

— Кто ходит? Ты их видишь?

— Обвязка свежая.

Бранн смерил взглядом обвязку, но спорить не стал.

— Свяжемся, — сказал Терен. — Я первый. Тиса в середине. Ты последним.

Он связал их так, как связывал караваны на ледниках в молодости: на поясах, с запасом на три шага между людьми. Верёвки хватило еле-еле. Бранн, пока его обвязывали, смотрел в сторону и говорил, что он подъёмщик, а не козёл, и что если бы Эна его сейчас видела, она бы сказала...

Он не договорил, что сказала бы Эна, потому что Терен затянул узел.

* * *

Настил ходил под ногами.

Ходил не сильно — как мостки на воде, когда кто-то идёт следом. Доски были разные: одни старые, чёрные, гладкие от подошв, другие свежие, светлые, пахнущие смолой. Между

досками была видна земля внизу, на расстоянии роста, иногда двух, и земля жила. Терен старался не смотреть, но смотрел. Трещины открывались и закрывались, щебень сыпался в них, как в воронку. Один раз прямо под ним пласт тихо, без всякого звука, осел на ладонь, и столб, на котором лежал настил, наклонился следом и встал криво. Настил прогнулся, Терен замер, и настил выпрямился.

— Ты нарочно? — спросил сзади Бранн.

— Иди.

Тиса шла молча, на прямой ноге, держась за верёвку обеими руками. Обожжённую правую она обмотала остатками рубахи и держала её верёвку всё равно.

Было жарко. Снизу, из трещин, тянуло тёплым, сухим, со странным запахом — горелым камнем, как от кремня после огнива. Воздух над полосой дрожал, и сквозь дрожь белое окно впереди плыло и качалось.

На середине полосы земля вздохнула.

Вздох был длинный и глубокий и пришёл не снизу, а отовсюду сразу. Настил под Тереном весь разом опустился на локоть вместе с землёй, и Терен упал на колени. Сзади вскрикнула Тиса, потом что-то сухо треснуло, как ломается палка о колено, и верёвка у Терена на поясе рванулась назад и вниз с такой силой, что его протащило по доскам.

Он вцепился в поперечину и обернулся.

Тисы на настиле не было. Был пролом — две свежие, светлые доски, сломанные пополам, — и в проломе уходила вниз

верёвка, натянутая, как струна. Дальше, за проломом, у столба, стоял Бранн: обхватив столб здоровой рукой и плечом, пропустив верёвку вокруг спины и вокруг столба, он держал. Лицо у него было уже не серое, а белое, рот открыт, и из открытого рта не шло никакого звука.

Терен пополз назад.

Он полз по доскам, перехватывая верёвку, доски под ним ходили, столбы кренились, и он не думал ни о чём, кроме следующей поперечины. Доползя до пролома, он глянул вниз.

Тиса висела на поясе, лицом к земле, на высоте полутора ростов. Под ней открылась трещина, неширокая, в две ладони, и в трещину с тихим шорохом сыпался щебень. Её большая нога болталась над трещиной. Здоровой она пыталась упереться в край, и край обсыпался под ней.

— Не упирайся! — крикнул Терен. — Тиса! Не упирайся, виси!

Она перестала упираться, повисла и подняла голову, и он увидел её лицо и пожалел, что увидел.

— Бранн, — сказал он, не оборачиваясь. — Держишь?

— Держу, — сказал Бранн. Голос был такой, будто он говорил сквозь зубы, а он и говорил сквозь зубы. — Тяни быстрее. У меня рука горит.

Терен лёг на доски у пролома, нашарил верёвку внизу, под узлом у Тисы, и потянул. Тиса была лёгкая, но тянуть приходилось лёжа, одними руками, ободранными позавчера ве-

рёвкой. Он тянул, перехватывал, тянул. Бранн у столба выбирал слабинку, наматывая на столб, и при каждом обороте у него вырывался короткий звук, не крик, а будто у него внутри захлопывалась дверь.

Тиса поднялась до досок. Терен схватил её за ворот, за плечо, за что попало, и выволок на настил. Она легла на доски лицом вниз и лежала.

Настил под ними качнулся.

Терен поднял голову. Впереди, шагах в двадцати, там, куда они шли, столбы клонились один за другим, медленно, как колосья под ветром, и настил на них опускался в землю, а земля его принимала. Он оглянулся: позади, за Бранном, два столба тоже стояли криво, и между ними настил провис и лежал на щебне, а щебень под ним шевелился.

Они оказались на острове — десять досок, четыре столба, — и столбы тоже понемногу шли вниз.

Бранн всё ещё стоял, обхватив свой столб. Он медленно разжал руку: тряпка на ладони потемнела.

— Ну, — сказал он. — Вот.

Терен ничего не ответил. Тиса лежала на досках и тихо, без слёз, дышала.

Терен смотрел, как тонет настил впереди, и пытался сосчитать, сколько у них времени, но не мог: считать было не на чем. Он видел только, что столб под ними клонится — немного и ещё немного.

Тогда он услышал шорох.

Тот самый, ночной — как косой по сухой траве, только долго и громко, — и скрип дерева, а над всем этим человеческий голос, усиленный, металлический, как через жестяную трубу:

— Стоять! Не шевелиться! Стоять где стоите!

* * *

Корабль шёл по краю полосы, слева, по светлой ровной ленте земли, которую Терен вчера с гряды принял за дорогу, а потом забыл.

Он был длинный, как три телеги в ряд, тёмный, просмолённый, низкий. Под ним были полозья — Терен увидел их, когда корабль повернул, — три широких полоза, обитых блестящим металлом, передний короче и на повороте. Над ним стояла мачта с наполовину подобранным серо-бурым парусом в заплатах, а впереди был ещё один парус, маленький. На палубе стояли люди, много, он не мог сосчитать. Корабль шёл быстро, быстрее, чем, как думал Терен, может идти что-то такое большое, и шорох под ним был от полозьев.

Потом раздался другой звук, режущий, железный, долгий, и корабль начал тормозить. Терен видел, как из-под полозьев вылетают искры и пыль. Корабль прополз ещё шагов пятьдесят, развернулся немного боком и встал. Встал на краю ровной ленты, напротив них, в сотне шагов. Ближе не подошёл: дальше начиналась полоса.

— Стоять! — повторил металлический голос. — Сейчас к вам выйдут!

С борта прыгнули двое.

Один, высокий светловолосый парень без рубахи, в кожаном переднике, тянул за собой канат. Второй была коротко стриженная, широкая в плечах женщина с мотком верёвки через плечо и двумя широкими досками под мышкой. Женщина бросила доски на щебень у края, встала на одну, другую подтянула вперёд, переступила, подтянула первую — и пошла через полосу, как идут на лыжах по тонкому льду, быстро, глядя не под ноги, а только на то, что впереди. Парень шёл следом по её доскам, разматывая канат.

Канат тянулся от корабля, с барабана на палубе. Терен видел барабан: большой, деревянный, обитый железом, и у него человек, и ещё один человек у борта, свешивается и кричит что-то вниз.

Женщина дошла до столбов, где начинался провис, и задрала голову.

— Ну и где вы такое место нашли, — сказала она. — Это ж старый переход, его с весны не чинили. Кто вам сказал тут ходить?

— Никто.

— Вот и видно. — Она сбросила с плеча моток. — Сколько вас? Трое. Ладно. Пель, давай петли.

Парень развязал узлы. На канате, Терен теперь видел, через равные промежутки были завязаны петли — широкие, из той же рыжей верёвки, что и на настиле, но толще. В узле каждой петли был вплетён маленький тёмный камешек, с

ноготь, гладкий, как речная галька.

Женщина полезла по столбу. Лезла, как кошка, на одних руках, хотя столб под ней шатался. Влезла на настил, встала, расставив ноги, и настил под ней качнулся, но она даже не посмотрела вниз.

— Кто из вас ранен хуже?

— Она, — сказали Терен и Бранн одновременно.

Женщина взяла у парня первую петлю, перебросила Тисе через голову и плечи, подтянула под мышки. Затянула узел, проверила.

— Держись за петлю, — сказала она Тисе. — Не за меня. Не за доски. Когда под тобой поедет — не дёргайся. Петля возьмёт. Ясно?

Тиса кивнула.

— Скажи, что ясно.

— Ясно.

— Хорошо. — Женщина повернулась к кораблю, подняла руку, махнула. — Пошёл!

Канат натянулся, и Тиса поехала по настилу через пролом вниз, на щебень полосы, и её потащило к кораблю — не быстро, ровно, как тащат сани. Под ней сыпался щебень, один раз она провалилась ногами в трещину, и Терен увидел, как петля дёрнулась и натянулась, а Тиса не дёрнулась совсем, будто трещину под ней кто-то подержал рукой. Её вытянуло из трещины, как пробку, и она поехала дальше.

У Терена перехватило горло: он знал это. Позавчера он

сделал это сам, кулаком, на мосту над Вздохом, когда падающая плита пошла в противовес. Это была пара — ремонтная пара, только вплетённая в верёвку: то, что дёргало петлю, уходило не в человека, а туда, на корабль, в барабан, в тормоз, в тот тяжёлый противовес, которым был весь этот корабль.

Он никогда не видел, чтобы так делали с людьми.

— Следующий, — сказала женщина. — Ты.

— Его, — сказал Терен, кивнув на Бранна.

Женщина только пожала плечами.

— Кто первый, мне всё равно. Только быстро.

Бранна она обвязала петлёй поверх перевязи, ругнулась, перевязала ниже, по поясу. Бранн всё это время держал в здоровой руке ремонтную сумку.

— Сумку брось.

— Нет.

— Брось сумку, говорю. Она тяжёлая. Петля на человека.

— Это инструмент, — сказал Бранн. — Двадцать лет собирал. Не брошу.

Женщина посмотрела на него, как смотрят на упрямую лошадь посреди брода. Потом сплюнула вниз, отцепила от своего мотка короткий конец, привязала сумку к петле Бранна снизу, затянула.

— Перегрузишь — Корт тебя съест. Я предупредила. Пошёл!

Бранн поехал, и сумка волочилась за ним, подпрыгивая

на щебне, а корабль ровно тянул его к себе.

Терен остался с женщиной на настиле. Столбы под ними шли вниз уже заметно — глазом было видно.

— Ты, — сказала она, накидывая ему петлю. — Ты, что ли, проводник?

— С чего ты взяла?

— Связал их как проводник. Мы с борта видели. — Она затянула узел так, что у него перехватило дыхание: ту же, чем Тиса затянула ему повязку в яме. — Только ты их не туда завёл, проводник. Пошёл!

Его дёрнуло, и он поехал.

Ехать было страшно и странно. Он лежал на спине, его тащило по щебню, по краю трещин, а над собой он видел окна — белое, зелёное, жёлтое, — край паруса и всё ближе лица на борту. Один раз под ним открылось, он почувствовал, что спина уходит вниз, в пустоту, — и петля приняла, не рывком. Он ощутил, как удар, который должен был прийтись ему в рёбра, уходит в верёвку, вдоль верёвки, к кораблю, и где-то там, на корабле, кто-то охнул и выругался. Его вынесло из пустоты, как вынесло Тису.

Сзади, на полосе, раздался долгий низкий вздох, и треск, и он, задрав голову, увидел, как остров, на котором они стояли, — десять досок, четыре столба — кренится и уходит в землю. Женщина уже шла по своим доскам к кораблю, быстро, не оглядываясь, и тянула за собой последнюю, пустую петлю.

* * *

На палубе пахло смолой, горячим деревом, луком и чем-то кислым, вроде квашеной капусты. Палуба была тёплая. Терен лежал на ней и смотрел в небо, и кто-то снимал с него петлю, и кто-то говорил над ним, а он не мог понять ни одного слова, потому что слишком много людей говорили одновременно.

Потом понял.

— ...а я говорю, не возьмём. Мы и так на пределе. Груза восемь тонн, Ильмар, восемь, я сам взвешивал на Сухой стоянке. Трое — это двести пятьдесят, с барахлом триста. С этим вот, — кто-то пнул что-то тяжёлое, наверное, сумку Бранна, — триста двадцать. Мы корму осадим. Сев, скажи ему, что полоз осядет.

— Полоз осядет, — сказал спокойный голос, очень низкий.

— Вот. И воды на троих до вечера — это моя вода. Не твоя, Ильмар, моя. Я её на Сухой брал, по три гроша ведро.

— Корт, — сказал другой голос, молодой, быстрый, с чем-то весёлым на дне. — Они не прыгнут обратно. Их некуда девать. Посади их на кормовой полоз, мешки с сушёной рыбой перекинь на нос, вот и баланс. А воду запиши на меня.

— Ты и так мне должен за воду с прошлой Сухой.

— Значит, буду должен больше. Это и называется быть капитаном.

Кто-то засмеялся, кто-то сказал «ну да, ну да», слыша-

лись шаги, скрип, звук передвигаемых тяжестей.

Терен сел. Голова закружилась и встала на место.

Палуба была длинная, в три телеги, загромождённая бочками, тюками, ящиками, перевязанными сетями, свёрнутыми парусами, бухтами канатов. В середине стояла мачта, у мачты — барабан с канатом, и у барабана сидел на корточках светловолосый парень в переднике, Пель, и мрачно разглядывал канат, перебирая его руками. Там, где были петли, волокна каната растрепались и посветлели.

— Новый канат был, — сказал Пель никому. — С весны.

Возле Тисы на корточках сидела женщина лет сорока, худая, с туго затянутыми волосами и с сумкой, раскрытой на палубе. Женщина держала Тисину обожжённую руку ладонью вверх и смотрела на неё молча, без всякого выражения. Рядом стоял мальчишка — нет, парень, лет девятнадцати, тёмный, вихрастый, — с ковшом воды, и Тиса пила из ковша, жадно, проливая на подбородок.

— Медленно, — сказала женщина, не поднимая головы.

— Риан, отбери у неё ковш. Пусть глоток, потом подождёт.

Парень отобрал ковш. Тиса посмотрела на него так, будто он отобрал у неё жизнь. Он покраснел и отдал обратно, но только на глоток.

Бранн сидел, привалившись к бочке, с закрытыми глазами. Сумка лежала у него на коленях. Он держал её здоровой рукой, и рука была замотана свежей тряпкой, уже не той, и на ней проступало.

Терен поднялся и пошёл к ним. Ноги держали плохо, палуба под ним чуть покачивалась, хотя корабль стоял. Он сел рядом с Бранном.

— Живой?

— Живой, — сказал Бранн, не открывая глаз. — Рука вот. Опять. Пузыри полопались, наверное.

— Ты держал.

— Я держал. — Бранн открыл один глаз. — Ты видел, как они её тянули? Петлю?

— Видел.

— Это ж пара.

— Пара.

Бранн закрыл глаз.

— На верёвке. Людей. Я бы до такого не додумался. А ведь просто.

— Не просто. Ты видел, какой у них канат после?

— Видел. — Бранн, кажется, усмехнулся. — Я бы тоже ругался.

Женщина с сумкой закончила с Тисиной рукой — намазала её чем-то, что пахло дёгтем и мёдом, и обмотала чистой тканью, тонкой, как бумага, — и перешла к ноге. Разрезав повязку, она оглядела рану, а потом Терена.

— Ты мыл?

— Водой.

— Водой — это хорошо. — Она достала из сумки тонкие щипцы. — Но там внутри ещё сидит. Глубоко. Девочка, сей-

час будет больно, держись за Риана.

Риан, услышав своё имя, сел на палубу рядом с Тисой и подставил руку. Тиса за неё взялась. Потом стало больно, и она взялась крепче, и Риан стиснул зубы, но руку не убрал.

Яра — так её называли, Терен услышал — достала из раны четыре камешка и что-то тёмное, вроде щепки, и рядом положила их на тряпку. Потом промыла рану, на этот раз чем-то из склянки, от чего Тиса выгнулась дугой, и перевязала.

Потом она пришла к Бранну и ощупала ключицу. Бранн сказал слово, которое уже говорил позавчера, но Яра не обратила внимания.

— Сломана, — сказала она. — Не смещена. Повезло. Перевязь твоя — дрянь, переделаю. — Она развязала сетку Терена, свернула и бросила в сторону. — Носить будешь шесть недель. Рукой не работать. Совсем.

— Совсем — это как?

— Совсем — это совсем. — Она посмотрела на его левую руку. — А этой — тоже не работать. Неделю. Ты чем её так?

— Шашкой.

— Чем?

— Ремонтной вставкой. Горячей.

Яра посмотрела на Бранна, потом на Терена, потом опять на Бранна, долгим тяжёлым взглядом человека, который за свою жизнь вынул много камешков из ран людей, делавших глупости.

— Верхние, — сказала она, и в этом слове было всё.

Последним она занялась Тереном. Сняла с его головы Тисину повязку, осмотрела бровь, хмыкнула.

— Зашью. Сиди ровно.

Иголка у неё была кривая, нитка шёлковая, тонкая, и шила она быстро, глядя не ему в глаза, а только на бровь, — пять стежков. Терен сидел ровно и смотрел мимо неё, на палубу, на мачту, на людей, и, чтобы не думать о том, что она с ним делает, считал людей. Пель у барабана. Риан у Тисы. Женщина, которая шла по доскам, стояла у борта и сматывала петли. Худой, высокий человек лет сорока пяти в кожаном фартуке с карманами лежал на палубе у кормы, свесившись вниз головой за борт, — наверное, проверял полоз. Широкий, бритоголовый, с поварским ножом за поясом — видимо, Корт — передвигал мешки. А наверху, на перекладине мачты, сидел кто-то маленький, лёгкий и смотрел вперёд, на полосу.

И у руля, на корме, стоял человек, который ещё не подошёл к ним ни разу.

— Всё, — сказала Яра и отрезала нитку. — Не чесать. Через десять дней сниму. Если будете живы.

Она собрала сумку и ушла. Терен потрогал бровь: стежки были тугие и ровные.

Его куртку Яра сняла с него, чтобы осмотреть рёбра, и бросила на палубу. Когда он потянулся за ней, из-под неё выскользнул жетон — медный, на шнурке, который он носил на шее двадцать лет и о котором забыл, потому что не заме-

чал его, как не замечают собственных зубов. Шнурок, видно, перетёрся ещё на осыпи. Жетон упал на доски, прокатился и лёг у чьих-то ног.

Человек от руля нагнулся и поднял его.

Он был молод — тридцать, может быть, чуть больше, — смугл от постоянного света, в выгоревшей рубашке, с тёмными волосами, стянутыми на затылке, с быстрым, подвижным лицом и насмешкой в уголках губ. Он повертел жетон в пальцах, посмотрел на одну сторону, перевернул и посмотрел на другую.

На другой стороне было выбито: «Т. ВЕЙ. ПРОВОДНИК СВОДА. ДОПУСК ПЕРВОГО КЛАССА». И номер.

Терен увидел, как его лицо на миг, не больше, остановилось, будто человек считал и получил число больше, чем ждал. Насмешка ушла из уголков губ, лицо стало гладким и пустым, а потом насмешка вернулась.

— Вей, — сказал человек. — Проводник Свода. Первого класса.

— Было такое.

— Почему было?

— Потому что теперь я на дне, без допуска и без дороги.

Человек засмеялся легко и приятно.

— Это вы на дне, а для нас это верх, — сказал он. — Вы у нас тут гость. — Он протянул жетон. Терен взял. — Ильмар. Капитан. Это «Недоимка».

— Ильмар, а дальше?

— А дальше — «Недоимка». Здесь, на Меже, фамилия у корабля. У людей — как придётся.

— На Меже, — повторил Терен.

— Так называется место, на котором вы сидите. Вы не знаете?

— Я много чего не знаю.

— Это хорошо, — серьёзно сказал Ильмар. — В одной верхней книжке сказано: «Незнание — лучший проводник, оно хотя бы смотрит под ноги». Здесь это полезно. Те, кто знает, обычно лежат вон там.

Он кивнул на полосу. Терен обернулся: там, где они только что стояли, не было ни столбов, ни настила, а была битая, просевшая земля, и пыль над ней ещё не осела.

Ильмар сел на бочку напротив, свесив руки между колен.

— Ну, — сказал он. — Куда вы шли?

— К городу. Под белым окном.

— Это Подсвод. — Ильмар кивнул. — Туда и мы. К вечеру будем. Отвезу вас, раз уж подобрали, не бросать же обратно. Как вы сюда попали? Сверху? На чём держались — на тресе, на люльке?

— Сверху.

— Через что?

— Через мост над Вздохом. Он сломался. Мы на ремонтной площадке были.

Ильмар слушал внимательно, не перебивая, и, когда Терен рассказал, как площадка ехала вниз по опоре, в свет,

он медленно кивнул, будто это совпало с чем-то, что он уже знал.

— Вздых. Знаю. Там раньше такого не было.

— Раньше — это когда?

— До того, как вы упали, — сказал Ильмар и улыбнулся.

— Вы же с инспекцией шли, судя по жетону? По мосту? Скажите — новую секцию на Своде уже ставят? Вы видели?

Вопрос был неожиданный, и Терен не сразу понял, о чём он.

— Новую опору?

— Новую опору. Новую секцию на линии. Как у вас там говорят.

— Ставят. Через тридцать два дня пересадка. Если ничего не переменят.

— Тридцать два дня, — повторил Ильмар. — А режим? Пока ставят — что идёт по линии?

— Утром пониженная, с шести до девяти. Днём штатная. Я подписываю мосты, капитан, не линии. Что там на самом деле идёт, знают те, кто подписал режим.

— Конечно, — сказал Ильмар. — Конечно. — Он улыбнулся. — Пониженная — это хорошо. Значит, у вас утром тише.

Терен не понял, почему это хорошо и почему капитана ветрового корабля под землёй интересует, тише ли утром на служебной линии Свода. Но он был уставший, у него болела бровь, и в желудке со вчерашнего дня не было ничего, кро-

ме Тисиного варева и трёх глотков воды. Он подумал, что, наверное, им здесь тоже по этой линии жить. Наверное, всё, что делается наверху, здесь как-то отзывается. Он подумал это и забыл.

— Корт! — крикнул Ильмар через плечо. — Накорми людей! Запиши на меня.

— Уже записал, — сказал Корт из-за мешков. — Ты мне теперь до зимы должен.

Ильмар встал, хлопнул Терена по плечу — легко, по-приятельски — и ушёл к рулю.

— Чего он к тебе с линией пристал? — спросил Бранн тихо, не открывая глаз.

— Интересуется. Им тоже под ней жить.

— Угу.

* * *

Корт принёс миски. Похлёбка была из сушёной рыбы, с луком и какими-то белыми корешками, горькими, и Терен съел её всю и вылизал бы миску, если бы не смотрел Корт. Корт смотрел, скрестив руки на груди, с выражением человека, который ждёт отзыва и заранее не согласен.

— Горькое.

— Это горькая репа. Её так едят.

— Я бы её заквасил.

— Заквасил, — сказал Корт с презрением. — Её не квасят. Её варят.

— Я бы заквасил, — повторил Терен.

Корт хмыкнул, забрал миску и ушёл. Тиса фыркнула в свою миску.

Потом корабль пошёл.

Женщина, которая шла по доскам, — её звали Ула, Терен услышал — полезла на мачту. Тот маленький, лёгкий, что сидел наверху, спустился, и Терен увидел, что это девушка, совсем молодая, тонкая, загорелая, с волосами, стянутыми в хвост, и с лицом, на котором всё было резким — скулы, брови, подбородок. Она прошла мимо них на нос, не взглянув, встала там на самом краю, держась за снасть одной рукой, и подняла другую.

Ильмар у руля что-то крикнул. Ула наверху потянула что-то, и парус — тот, наполовину подобранный, — пошёл вниз, раскрылся, наполнился.

Терен почувствовал ветер.

Ветер шёл сбоку, тёплый, плотный, ровный, как из печной трубы, и пахло от него горячим железом и чем-то сладким. Парус взял его и выгнулся, корабль дёрнулся и скрипнул всем корпусом, и полозья под ним зашуршали, сначала медленно, потом всё быстрее, и вот уже шорох стал ровным и долгим, тем самым — косой по траве, — и равнина пошла назад.

Терен встал.

Он не мог не встать. Он стоял у борта, держась за снасть, и смотрел, как мимо идёт земля — плиты, щебень, гряды, светлые пятна под окнами, — быстро, как с телеги, когда по-

несли лошади, только ровно, без тряски, без единого толчка. Ветер бил в лицо, парус над ним гудел. Корабль шёл по светлой ленте земли, гладкой, будто её нарочно выглаживали, лента уходила вперёд, к белому окну, а по обе стороны от неё лежала равнина, и на равнине стадо ушастых зверьков, вспугнутое шорохом, бросилось врассыпную, и розовые уши мелькали в свете и пропадали.

Девушка на носу время от времени поднимала руку — то левую, то правую, то обе сразу, разводя пальцы, — и Ильмар у руля следовал её руке. Ни разу не крикнул ей, ни разу не спросил. Корабль поворачивал, когда она поворачивала ладонь, и замедлялся, когда она сжимала кулак, и однажды, когда она подняла обе руки, Ула наверху мгновенно подобрала парус на треть, и тут же поперёк ленты прошёл боковой порыв, сильный, со свистом, и корабль только чуть качнуло. Если бы парус стоял полный, их положило бы на бок.

Девушка знала о порыве раньше, чем он приходил. Как — Терен не понимал. Он смотрел на неё и не понимал, и это было самое приятное чувство, какое он испытал за последние трое суток. Рядом было и неприятное — что он, проводник первого класса, ничего здесь не знает, а двадцатилетняя девчонка у него на глазах делает то, чего он не умеет, — но приятное было больше.

Тиса стояла рядом с ним и держалась за борт обеими руками, и лицо у неё было как у ребёнка на ярмарке. Риан стоял рядом с ней — случайно, наверное, — и что-то ей объяс-

нял, показывая на парус, и она кивала, не слушая.

Бранн спал на мешках с сушёной рыбой, привязанный к ним, чтобы не скатился. Ему Яра дала что-то выпить из склянки, и он уснул сразу, с открытым ртом, и храпел, и храп его тонул в шорохе полозьев.

На корме, у руля, Ильмар правил одной рукой. Терен один раз обернулся и встретил его взгляд. Капитан смотрел не на ленту и не на девушку на носу. Он смотрел на Терена. Спокойно, с лёгкой улыбкой, так, как смотрит торговец на товар, который неожиданно оказался дороже накладной. Встретив взгляд Терена, улыбнулся шире и кивнул на парус: мол, нравится?

Терен кивнул в ответ: нравится.

* * *

К Подсводу подошли, когда свет под белым окном начал желтеть.

Сначала Терен увидел дымы — те самые ниточки, которые разглядел утром с края полосы, — их были десятки. Потом башни, высокие, решётчатые, окутанные паром, а между ними что-то низкое, тёмное, бесконечное, как пчелиные соты. Потом соты стали домами. Дома стояли на двух огромных плитах, одна выше другой, по краям плит к равнине спускались лестницы и уступы, и на уступах тоже были дома, поменьше, победнее, и тоже дымили. Один за другим зажигались огни, тёплые, жёлтые, неровные, как всегда зажигаются в городе, где люди сами решают, когда им зажечь лампу.

А над всем этим висело белое окно.

Теперь оно было не далёким пятном на небе, а потолком — огромным, светлым, низким, от края до края города и дальше. В нём что-то двигалось — тени, полосы, неясные пятна, — и шум, который весь вчерашний день шёл прибоем из-за горизонта, здесь был совсем рядом, над головой: скрип, гул, далёкие голоса, удар, удар. Где-то наверху, в Своде, ударили в колокол, и звук пришёл вниз мутный, глухой, будто колокол накрыли подушкой.

Терен стоял у борта и смотрел вверх.

Где-то там, за этим светом, была Пятая терраса и комната, из которой он ушёл три дня назад, оставив деньги на столе. Была контора. Был больничный двор, где Левен сейчас, наверное, уже знает. Был весовой двор, где весовщица пьёт чай из кружки. Всё это было над ним, в двухстах саженях, может быть, в трёхстах, — и дальше, чем Низина.

— Подсвод, — сказал Ильмар рядом с ним.

Терен не слышал, как он подошёл.

— Вы в городе кого-нибудь знаете? — спросил Ильмар.

— Никого.

— Тогда ночуете у нас на борту. В городе вас обдерут, пока вы будете соображать, где у них вода. — Ильмар смотрел на огни. — Завтра покажу, что тут как. А там решим.

— Что решим?

— Как вам наверх. Вы ведь наверх хотите?

Терен не ответил сразу. Он думал не о том, что наверху,

а о маленьком тёплом окне рядом с белым, которое сейчас, в вечернем свете, уже начинало проступать.

— Хочу.

— Ну вот. — Ильмар хлопнул ладонью по борту. — Значит, решим.

Девушка на носу сжала кулак. Ула наверху подобрала парус. Сзади, на корме, кто-то навалился на рычаг, и под полозями снова раздался долгий железный скрежет, и полетели искры, и корабль, замедляясь, пошёл к причальным столбам у подножия нижней плиты, где уже стояли другие корабли, тёмные, со свёрнутыми парусами, — три, четыре, пять. Корт вылез из трюма и закричал, кому что нести.

Глава шестая. Город под своим шумом

Терен проснулся оттого, что над ним торговались.

Голоса шли с причала, через борт, через доски палубы, на которых он спал, подложив под голову свёрнутый парус. Один голос был Кортов, второй — женский, высокий, певучий, как у торговок рыбой в Короне. Торговались о соли. Корт говорил, что соль сырая, женщина — что сухая соль бывает только у покойников, Корт — что тогда пусть она и продаёт её покойникам, а женщина смеялась.

Терен полежал, не открывая глаз, и слушал. Под этим разговором шёл другой шум, ровный, далёкий, сверху, — гул подъёмников, скрип, удары. Свод. Он слушал его вчера весь день, а сегодня, проснувшись, в первую секунду принял за шум в собственных ушах.

Потом он открыл глаза и увидел над собой белый свет от края до края, а в свету тени, полосы и длинную тёмную черту, наискось перечёркивавшую небо. Черта была прямая, а в природе так не бывает. Он смотрел на неё, пока не понял, что она не на небе, а под ним: высоко над городом, но ниже окна, через всё белое сияние тянулось что-то длинное и тяжёлое.

— Короб, — сказал Сев.

Механик сидел рядом на бочке и ел хлеб с луком, отламывая от луковицы прямо зубами. Он кивнул на черту.

— Дорога ваша. Корона — Свод. Над нами проходит. Вы по ней ездили?

— Ездил.

— И нас не видели.

— Нет.

— Никто не видит, — сказал Сев без всякой обиды и откусил от луковицы. — Там окна нет. Короб глухой. Внизу — мы, а у вас в коробе — лампы и расписание.

Терен сел и долго не отводил глаз от черты.

Двенадцать лет назад он сам прошёл по этой дороге с инспекцией — три дня в закрытом каменном коридоре, освещённом лампами, с вентиляцией через решётки и со станциями через каждые полдня пути. Он помнил, как там было скучно, как он считал решётки и как пахло известью и маслом. Ему тогда и в голову не приходило, что под полом коридора кто-то живёт.

* * *

Ильмар появился, когда Терен умывался у бочки с водой на корме. Капитан был свежий, причёсанный, в чистой рубашке, и пах мылом — где-то он уже успел побывать.

— Сегодня Нэра вас поводит, — сказал он. — Мне в город по делам, до вечера. Без неё не ходите, город у нас недлинный, а заблудиться в нём можно на годы. — Он повернулся к носу. — Нэра!

С носа прыгнула вчерашняя девушка-навигатор. Подошла, вытирая руки о штаны, и встала, глядя на Терена с тем

выражением, с каким смотрят на поручение, которое поручили не тебе, а ты всё равно выполнишь, потому что больше никому.

— Нэра, — сказал Ильмар. — Наш навигатор. Моя сестра. Покажи им воду, рынок, где менять. Сев потом заберёт мастера Бранна на накладки.

— А зачем мастера Бранна на накладки? — спросила Нэра.

— Затем, что Сев говорит, мастер Бранн вчера слушал полоз с таким лицом, будто ему за это платят.

Сев хмыкнул в свою луковицу.

— И ещё, — сказал Ильмар уже Терену, мягче, отведя его в сторону, к борту. — Одна просьба, проводник. Вы здесь всё будете видеть впервые. Будете смотреть, где ходят люди, где вода, где лестницы наверх, где корабли стоят. Это ваше дело, вы проводник, вы так устроены, я понимаю. Только то, что вы здесь увидите, — оно наше. Где проходы, где стоянки, где вода — вы это наверху никому не рассказываете. Ни ведомству вашему, ни вашим конторам. Никому.

— Я ещё наверх не попал.

— Попадёте. Наверх отсюда есть пути. Не только те, что вам сегодня предложат. Не сразу. Но есть. Я обещаю. А вы мне обещаете проходы.

— Обещаю, — сказал Терен.

Он сказал это легко, потому что сейчас это ничего ему не стоило. Ильмар хлопнул его по плечу и ушёл по сходням на

причал, где Корт всё ещё торговался о соли.

Нэра стояла и ждала. Тиса за спиной у Терена уже была одета и обута, с ногой в свежей повязке, и тоже ждала, переминаясь на здоровой. Бранн сидел на мешках и говорил, что никуда не пойдёт, что у него рука, что у него живот, что Яра велела лежать. Потом, когда Нэра уже повела их к сходням, встал и пошёл следом.

— Посмотрю, — объяснил он. — Только посмотрю.

* * *

Прежде всего надо было поменять деньги.

У причала менялы сидели под навесами за маленькими весами. Нэра остановилась у старика в толстых очках.

У Терена в кошельке было шесть марок с мелочью — то, что не отдал Вельме за ночлег и Доле за грушу. Он высыпал их на стол перед стариком.

Меняла взвесил монеты Терена, отложил одну новую сводскую марку и покачал головой.

— Эта лёгкая, — сказал он.

— Она с монетного двора Свода.

— Значит, на монетном дворе Свода экономят серебро. — Меняла посмотрел на Терена поверх очков. — Остальные беру. Эту — по весу, не по счёту.

Нэра стояла рядом.

— Он прав? — спросил Терен.

— Он всегда прав, — сказала Нэра. — Он весы сам делал. На них полгорода сверяется.

Терен взял лёгкую марку, повертел, бросил обратно. Ему было неприятно, и сначала он не понял почему. Потом понял: это была та самая марка, которую он в то утро на весовом дворе получил сдачей. Он бы на ней не подумал. Он бы её никогда не взвесил.

Меняла отсчитал ему местные деньги: тонкие медные кружки с дыркой посередине, нанизанные на шнурок, и несколько квадратных, побольше, с клеймом — три волны и окно.

— Сто колец — квадрат. Квадрат — дневная работа на обменнике. Лепёшка — два кольца. Воду покупают по жетону, — объяснила Нэра и взглянула на его кошелёк.

— А что в Верхнем ряду?

— Там едят смотрители. Там миска стоит, как у вас, на-верное, обед.

Она сказала «у вас» без всякого выражения, так, как говорят «у соседей».

* * *

Широкая лестница поднималась от причала к рынку. На площадках торговали лепёшками, ремнями, нитками; где-то жарили грибы. Тиса задержалась у каждого запаха, пока Бранн не велел ей выбирать между обедом и ужином.

Наверху лестницы начинался рынок.

Терен остановился, и Тиса налетела на него сзади.

Рынок был светлым — не так, как светло днём на площади, а так, как бывает светло внутри фонаря. Над прилавками,

на шестах, на верёвках между домами, на столбах и на стенах — везде висели листы металла, начищенные до зеркального блеска, большие и маленькие, круглые, квадратные, кривые, вырезанные из старых котлов, из жести, из медных противней. Все они ловили свет — белый сверху, слабый зелёный сбоку, жёлтый с другой стороны — и бросали его вниз, на прилавки, на людей, на мостовую. Свет шёл со всех сторон сразу, разноцветный, мягкий, и люди здесь не отбрасывали теней — ни одной: лица у всех были ровные, ясные, будто каждого подсвечивали лампой.

— Зачем? — спросил Терен.

— Чтобы видеть, что покупаешь, — сказала Нэра. — Зелень под белым серая, рыба под белым — синяя. А так всё как есть.

Она сказала это так, будто объясняла, зачем у человека две руки.

Рынок шумел. Это был тот же шум, что на любом рынке, — и не тот. Разница дошла до Терена не сразу: здесь никто не кричал. Все говорили, громко, быстро, перебивая, но не кричали — будто сверху, из белого окна, и так кричали за всех, и перекрикивать было неприлично. Торговцы зазывали жестом, поднятой рыбой, звоном связки колец.

Продавали связки плоской серебристой рыбы, горы белых корешков, грибы и зерно в глиняных мерках. Бранн задержался у прилавка с игрушками.

Игрушки были металлические — из обрезков, проволо-

ки, старых пружин. Маленькие кораблики на колёсиках-полозьях, с парусами из фольги: заведёшь — едут. Человечки, которые, если дёрнуть за нитку, лезли по лестнице вверх. Подъёмник в коробке, с противовесом из свинцовой дробинки: крутишь ручку — кабинка едет вверх, а дробинка вниз. Бранн взял подъёмник и покрутил. Кабинка доехала до верха и встала, и он покрутил назад.

— Противовес лёгкий, — сказал он мастеру за прилавком.
— Кабинку не держит, она у тебя на ручке висит. Смотри.

Мастер, старик с проволокой, намотанной на запястье вместо браслета, взял коробку, покрутил.

— Держит, — сказал он.

— Не держит. Отпусти ручку.

Мастер отпустил, и кабинка поползла вниз. Он проводил её долгим взглядом и перевёл глаза на Бранна.

— Ты кто такой?

— Подъёмщик.

— Сверху?

— Сверху.

Старик сунул руку под прилавок, вытащил коробку со свинцовой дробью и протянул Бранну.

— Подбери. Раз такой умный.

Бранн, морщась, подобрал одной рукой, левой, обмотанной, — две дробинки, — и кабинка встала на полпути и стояла. Старик крутанул ручку, и кабинка легко, сама, с тихим жужжанием поехала. Он молча отсчитал из кассы на прилав-

ке три кольца и положил перед Бранном.

— Не надо, — сказал Бранн.

— Бери. Это работа.

Бранн подумал и взял. А потом отдал три кольца обратно за кораблик на полозьях, с фольговым парусом, и сунул его в карман фартука, в тот, что без дыры.

— Соль, — объяснил он, ни на кого не глядя. — Ей понравится.

* * *

Нэра вела их по краю рынка. Терен запоминал не столько лавки, сколько обходы и тесные проходы между домами.

Улицы огибали высокие каменные шахты. Из каждой тянулись трубы; за стенами гудели обменники.

— Обменник, — сказала Нэра. — Пятый. Их одиннадцать.

— Что они меняют?

Нэра посмотрела на него, будто проверяла, правда ли он не знает.

— От верхней дороги идёт тепло. Обменники передают его воде, а вода ходит по трубам в город.

— А летом?

— Летом, — сказала Нэра, — смотрим на черту.

Она не объяснила, что значит «смотрим на черту». Вместо этого свернула в проход между домами, такой узкий, что Бранн прошёл боком, ругаясь, и вывела их на край плиты.

Плита здесь кончалась обрывом, не высоким — в два-три

роста, — и внизу, под обрывом, лежала вода.

Это было вытянутое озеро с ровными каменными берегами. Тёмная вода пахла настоящей прохладой. У ступеней сидел старик и смотрел на медную черту, врезанную в камень.

— Озеро охлаждает воду, которая прошла через обменники. Потом её снова отправляют в трубы, — сказала Нэра.

— И всё?

— Всё. — Нэра спустилась по каменным ступеням к воде, присела у рейки, рядом со стариком. Вдоль рейки, в пазу, шла медная полоса: нижний конец на дне, верхний ходил по насечкам. Нэра коснулась пальцем черты над ним. Черта была одна, глубокая. — Медь от тепла тянется. Чем теплее вода, тем выше конец. Дойдёт до черты — обменники отдадут меньше тепла, чем берут. Значит, тепло сверху остаётся в трубах. Трубы греются. Значит, что-то лопнет. Сначала в Тёплом дворе — там трубы старые. Дядя Ост, сегодня как?

— Две ладони до черты, — сказал старик. — Как вчера.

Нэра поднялась.

— А если до черты дойдёт? — спросила Тиса.

— Тогда закрывают. Мастерские сначала. Потом бани. Потом половину обменников. Тепло сверху всё равно идёт, только его тогда некуда девать. Тогда — плохо.

— А больше воды нельзя?

Нэра удивилась, а потом, кажется, зауважала её. Подняла руку и стала загибать пальцы — быстро, как будто пересчитывала узлы на верёвке.

— Двадцать шесть колодцев, девять питьевых. Остальное сюда. Ещё водосбор после мороси и стоки с Верхнего ряда.

Старик снова смотрел в воду, как рыбак без удочки.

— А он что делает?

— Смотрит. Это его работа. Он и его сын. Посменно. Если вода дойдёт до черты, он звонит. — Она кивнула на маленький колокол на столбе у ступеней, позеленевший от сырости. — За всю мою жизнь звонил дважды.

— А в последний когда?

— В тот год, когда я с Разлома пришла, — сказала Нэра и пошла вверх по ступеням.

Больше она ничего не объяснила. Терен посмотрел ей в спину и подумал, что про Разлом, наверное, можно будет спросить потом, если она захочет, но не сегодня.

* * *

Сев нашёл их у шестого обменника, в Тёплом дворе, как обещал, и Бранн, увидев его, оживился так, будто ему вылечили руку.

Тёплый двор лежал у обменников. Здесь жар стоял даже в проходах между домами, а трубы тянулись по стенам так низко, что Бранну приходилось пригибаться. У дверей сушили одежду и спорили о воде.

— Здесь живёт кто? — спросил Терен у Сева.

— Здесь живут те, кто держит обменники. Наверху смотрители. У них окна, а у нас трубы.

В мастерской накладок, в конце улицы, было ещё жарче.

Мастерская была длинная, низкая, с горном в глубине и с наковальнями, и по стенам висели накладки — металлические полосы, длинные, в рост человека, гнутые на концах, с дырками под болты. Новые, светлые. Старые, стёртые до блеска, до дыр. Их ставили на полозья кораблей, и они стирались о камень, и их меняли.

Мастер вышел им навстречу — молодой, лет тридцати, низкий, весь в саже, с очень белыми зубами. Сев с ним поздоровался за руку, и сразу, без всякого перехода, они начали ругаться.

Терен не понимал и половины слов. Понял, что Сев хочет кованые накладки. Мастер предлагает литые, потому что кованых нет, а литые дешевле на треть и «ничем не хуже». Сев говорит, что литые лопаются на стекле. Мастер говорит, что на стекле лопается всё, и кованое тоже. Сев говорит, что кованое не лопается, а гнётся, и согнутое можно отбить, а лопнувшее только выкинуть. Мастер говорит, что Сев отстал от жизни лет на двадцать. Сев говорит, что лет на двадцать он отстал от мастера в плату за накладки, а не в жизни.

Бранн всё это время стоял у стены и смотрел на литые накладки. Потом пошёл в угол мастерской, где лежал лом на переплавку — гнутое, ржавое, битое, — поворошил его сапогом и вытащил обломок. Половина литой накладки, лопнувшей поперёк, точно по болтовой дырке. Он поднёс излом к свету из двери и долго разглядывал, поворачивая так и эдак.

— Это твоя? — спросил он мастера.

Спор прекратился, и мастер уставился на обломок.

— Моя. С прошлой партии. На стекле лопнула, у Харлина.

— Ну вот. — Бранн положил обломок на наковальню изломом вверх. — Смотри. По краям — ровное, светлое. А тут, у дырки, — серое. Губкой. Это там, где металл последним застывал. Ты в форму откуда льёшь?

Мастер подошёл, наклонился над изломом и поднял глаза на Бранна.

— Это кто? — спросил он Сева.

— Подъёмщик, — сказал Сев. — Сверху. Мы его вчера с осыпи сняли.

— С торца лью, — сказал мастер Бранну.

— С торца. Значит, металл идёт вдоль и последним застывает посередине. А посередине у тебя дырка под болт. Ты её потом сверлишь — прямо в губку. Болт тянет — трещина пойдёт от самого отверстия. — Бранн ткнул в серое пятно левым пальцем, обмотанным тряпкой. — Лей с середины. Или дырку сдвинь. Или кованые бери.

Мастер молчал. Он снял со стены одну из новых литых накладок, перевернул, посмотрел на торец, где был срезан литник, потом на дырки, снял вторую, третью, прикладывал линейку от торца до дырки и шевелил губами. Молчали и Сев, и Бранн, и Тиса, хотя ей это стоило труда.

Из шести литых накладок мастер отложил в сторону две — те, у которых дырки пришлись ближе всего к середине.

— Партия из Стеклянного, — сказал он наконец, ни на кого не глядя. — Литейня у них новая. Я им говорил.

— Кованые — через неделю, — сказал он Севу. — Если мне вот он, — кивок на Бранна, — их посмотрит, прежде чем ставить. Цена — как за литые.

— Как за литые, — повторил Сев без выражения. Он коротко глянул на Бранна. Терен знал такие взгляды. Так один мастер смотрит на другого, когда ещё не решил, нравится тот ему или нет, но уже решил, что работать с ним можно.

— Пойдёт, — сказал Сев.

* * *

Кесса прислала за ними после полудня.

Посыльный нашёл их на рынке у прилавка с жареными грибами, где Тиса уже второй раз брала полную миску на четыре кольца, а Бранн говорил, что грибы — не еда, а заблуждение, и брал из её миски. Это был мальчишка лет двенадцати в синей курточке с медными пуговицами, слишком чистой для нижней плиты. Он сказал, что хранительница Подсвода приглашает господина проводника из Свода и его спутников на чай, в её дом, в Верхний ряд.

— Откуда она знает, что я из Свода? — спросил Терен у Нэры.

— Вас вчера вечером весь причал видел, — сказала Нэра. — Корт видел. Корт продавал соль Мирке. А у Мирки муж работает у Кессы на складе. — Она подумала. — Это ещё долго.

— Идти?

— Это не мне решать. — И, подумав, добавила: — Но если не пойдёте, она пришлёт ещё раз. Только уже не мальчика.

На Верхний ряд поднимались большим подъёмником: вторая плита лежала на полсотни шагов выше первой. Бранн вступил в кабину и первым делом проверил противовес.

Наверху было тише. У домов появились садики с зеленью в кадках, улицы выпрямились, окно казалось ближе.

Дом Кессы стоял на краю плиты, над рынком. Длинная крытая галерея из светлого камня, с балюстрадой, выходила прямо над зеркальными листами нижнего рынка. Отсюда весь рынок был виден сверху — сотни и сотни блестящих листов, как чешуя огромной рыбы, и под ними люди, мелкие, быстрые.

Хранительница ждала их на галерее.

Она была высокая, немолодая, в платье глубокого зелёного цвета — такой ткани Терен не видел даже у Сайры, — с высоко собранными полуседыми волосами. На шее у неё была цепь из мелких зеркальных пластинок, и пластинки ловили свет и бросали на её лицо ровное, без теней сияние, как на рынке. Лицо у неё было спокойное, с мягкими чертами, и голос оказался тоже мягким.

— Господин Вей, — сказала она. — Мастер. Девушка. Садитесь, пожалуйста. Вы, говорят, устали.

Она не спросила, кто это говорит. Терен не стал уточнять. На галерее было жарко. Солнца здесь не было, но свет из

окна лежал на камне ровно и сильно, камень за день прогрелся, и от него, как от печи, поднимался зной. Кесса сидела в тени навеса на мягком стуле и не потела совсем: лоб у неё был сухой.

За её спиной, в трёх шагах, стоял молодой человек. Лет двадцати пяти, худой, высокий, с тёмными мокрыми волосами, прилипшими ко лбу. Рубаха у него на спине была мокрая насквозь, по вороту шли тёмные полосы пота. Лицо — красное, с пятнами, как у человека, который долго сидел у горна. Он стоял не двигаясь, сцепив руки за спиной, и смотрел в никуда.

Терен увидел манжету только тогда, когда молодой человек переступил с ноги на ногу и рукав рубахи чуть задрался. На запястье, на левой руке, — плотный кожаный браслет с медными вставками, туго застёгнутый. От браслета шла тонкая рыжая нить, плетёная, и уходила по полу под стул Кессы. Взгляд Терена сам ушёл к её рукам. На левом запястье, под рукавом зелёного платья, — край такого же браслета, только из тонкой, мягкой, светлой кожи.

Он отвёл глаза и сел.

А Бранн не отвёл. Он стоял и смотрел на манжету, и Терен видел, как у него ходят желваки.

— Мастер, — сказала Кесса мягко. — Садитесь. Арен, принеси мастеру воды. И девушке.

Арен — значит, так его звали — повернулся и пошёл к столику у стены, где стоял кувшин. Шёл он медленно, и не

потому, что устал. За ним по полу тянулась нить. На третьем шаге нить натянулась, и Арен, не дойдя до столика полшага, остановился, постоял, наклонился, вытянул руку и достал кувшин кончиками пальцев.

Три шага, не больше.

Арен налил воды в два стакана, вернулся тем же медленным шагом и подал один стакан Бранну, другой Тисе. Бранн взял, но не пил: он смотрел на Арена.

— Жарко тебе? — спросил Бранн.

Арен глянул на Кессу, и Кесса улыбнулась.

— Мастеру жарко, — сказала она. — Арен, принеси мастеру веер.

Арен пошёл за веером, и нить снова натянулась, и он снова остановился на третьем шаге.

Бранн поставил стакан на стол, не отпив. Терен положил руку ему на здоровое плечо. Бранн руку не сбросил, но и не сел.

Терен понимал, что это было. Три дня назад он сам видел, как калёная нить гоняет жар от одной шашки к другой, только тут шашками были люди. Жары сегодня на галерее хватало на двоих: Кессе доставалось меньше, а остальное шло по нити.

Думал он и о другом — холодно, как о чужом мосте. Нить была тонкая. Браслеты стояли на одной и той же руке, у обоих на левой. Три шага, дальше нельзя. Кесса не потеет совсем, но в уголках губ у неё проступает сухость — значит,

парень забирает не всё и ей тоже достаётся, меньше, но достаётся. Значит, есть предел, который даже хранительница Подсвода не может переложить целиком. Сколько это, он не знал — пятую часть, четверть? — но был уверен, что не ноль.

Пользы от этого знания не было никакой.

— Господин Вей, — сказала Кесса. — Вы, я слышала, упали к нам с моста. Ужасная вещь. Я очень сожалею.

— Спасибо.

— И сразу попали на «Недоимку». Это повезло. Капитан Ильмар — хороший капитан. — Она произнесла имя ровно, без всякого выражения. — Позвольте мне сделать для вас что-нибудь, раз уж вы мой гость. Арен.

Арен, вернувшийся с веером, отдал его Бранну — тот взял, не глядя, — и снова отошёл к стене. Кесса достала из рукава маленький квадратный жетон, медный, с клеймом — три волны и окно, как на деньгах, только с прорезью посередине, — и положила перед Тереном на стол.

— Гостевой знак. С ним вас пустят в любую мастерскую, на любой склад и к любой водной конторе в Подсводе. Без него — не пустят. Это подарок. От меня.

Терен не взял жетон.

— Что я за него должен?

Кесса засмеялась. Смех у неё был тихий, приятный.

— Ничего, господин Вей. Подарок — это подарок. Но если вы спрашиваете, чего я хочу, — это другой разговор. Я его скажу. Вы ведь хотите наверх.

— Хочу.

— Отсюда наверх — три двери, — сказала Кесса. — Через две из них ходят по моему слову. Третья... — она чуть повела рукой, — третьей вы не найдёте. Её и нет почти. Так что, если говорить честно, — наверх из Подсвода ходят через меня. Я могу поднять вас. Я хочу это сделать. И я сделаю это — после того, как мы договоримся.

— О чём?

— О вас. — Она посмотрела на него прямо. — О том, что вы, проводник первого класса со Свода, расскажете наверху. Когда подниметесь. Кому. Какими словами. Не сегодня, господин Вей. Сегодня вы устали. Мы поговорим, когда вы отдохнёте.

— А мои спутники?

— Ваши спутники — мои гости тоже. — Кесса улыбнулась Тисе, потом Бранну. — Но буду честна. Поднять одного человека — это одно. Поднять троих, с инструментом, с ранеными — другое. Это дороже и дольше. Вас одного я могла бы поднять через три дня, если мы договоримся быстро. Мастера и девушку — потом, когда договоримся обо всём.

Тиса посмотрела на Терена.

А Терен смотрел вниз, на рынок, — на тысячи зеркальных листов, и под каждым человек, который продаёт рыбу, или корешки, или игрушку-подъёмник с лёгким противовесом. Сверху рынок казался одним огромным живым существом, чешуйчатым и блестящим. Через три дня он мог бы быть

наверху, через четыре — в конторе, в Своде, а через пять — в больничном дворе, в подсобке Левена, где тот, может быть, ещё носит траур.

— Нет, — сказал он.

Кесса подняла бровь.

— Нет — потому что не хотите договариваться?

— Нет — потому что один я не пойду. Пойдём втроём. С инструментом. Когда договоримся.

— Это дольше, господин Вей.

— Значит, дольше.

Кесса посмотрела на него внимательно, как смотрят на товар, который вблизи оказался не совсем таким, как издали. Потом кивнула.

— Хорошо, — сказала она мягко. — Тогда отдыхайте. Где вы остановились?

— На корабле.

— На корабле. — Кесса повторила это без выражения. — Ну, это ничего. «Недоимка» стоит у моего причала, так что вы и на корабле — мои гости. Если захотите кров на берегу — для мастера, может быть, для девушки, раз они ранены, — пришлите ко мне. Будет комната. Сухая. С лекарем.

Она протянула руку и сдвинула гостевой жетон по столу чуть ближе к нему.

— А это возьмите. Пожалуйста. Без него вы не сможете ни работать, ни есть по-человечески. Мне не хочется, чтобы мой гость ел в нижнем ряду жареные грибы, как будто у него

нет хозяйки.

Терен помедлил, потом взял жетон и положил его в карман, к режиму. Он подумал, что, наверное, делает ошибку, но без жетона они действительно не могли бы работать.

На обратном пути, на лестнице к подъёмнику, их обогнали двое. Купец — тучный, в шёлковом жилете, с тростью — и рядом с ним, на полшага позади, худой парень, тоже в мокрой рубаше. На запястье парня была манжета, на запястье купца — тоже. Купец остановился поговорить с кем-то у ворот сада, а парень, не заметив, продолжал идти, глядя под ноги. Ещё шаг, и нить бы натянулась. Сзади, из глубины галереи Кессы, раздался короткий резкий щелчок пальцами.

Парень замер и обернулся.

Терен тоже обернулся. На краю галереи, над лестницей, стоял Арен. Он не сказал ни слова, а только поднял руку и коротко, плоско повёл ладонью вниз: стой. Парень кивнул и отступил на шаг назад, к своему купцу, а купец ничего не заметил.

Арен опустил руку и постоял, потом обернулся на что-то, что сказала ему Кесса из глубины галереи, и пошёл к ней — медленно, ровно, останавливаясь на трёх шагах.

— Терен, — сказал Бранн на лестнице. Голос был низкий. — Я бы ей эту нитку...

— Знаю.

— Ты не знаешь. Я бы ей...

— Знаю, Бранн. Она бы позвала стражу, а парень бы

остался в манжете. Только с синяками.

Бранн молчал до самого подъёмника. В кабине, когда противовес пошёл вниз и кабина поехала, он сказал:

— Ровный.

И больше ничего.

* * *

Ильмар вернулся на закате, весёлый, с газетой под мышкой — сводским листком, позавчерашним, мятым. Он сел на палубе у бочки, развернул листок и стал читать, водя пальцем по строкам, как человек, который не хочет пропустить ни одной.

— Вас тут считают погибшим, — сказал он, не поднимая головы.

— Знаю.

— Откуда?

— Догадываюсь.

Ильмар повернул листок к нему. Строка была обведена ногтем: «Пропали без вести и считаются погибшими: проводник Т. Вей...»

Терен прочёл строку и вернул листок.

— Где вы его взяли?

— У Кессиных складов. Там верхние газеты сбрасывают через люк вместе с почтой. Позавчерашние, а то и постарше. — Ильмар сложил листок и сунул в карман. — Вы у Кессы были.

— Был.

— Что она хотела?

— Чтобы я рассказал наверху, когда поднимусь. Не знаю пока что. Сказала, договоримся.

— Она вам дала знак?

Терен достал из кармана жетон, и Ильмар глянул на него и кивнул.

— Правильно взяли. Без него в Подсводе вы даже воды не купите. Только помните: она его дала, она его и заберёт. А пока он у вас в кармане — она знает, где вы ходите. Каждая контора, каждый склад, куда вы его покажете, к вечеру ей скажет.

— Я так и думал.

— Тогда хорошо, что думали. Она вам предлагала подняться одному?

— Предлагала.

— А вы?

— Втроём.

Ильмар засмеялся — тихо, будто чему-то своему.

— Ну, тогда вы у Кессы надолго. Она не любит долгих гостей. Но любит, когда гость дорожает.

— Вы обещали путь. Местный.

— Обещал. Есть путь. Не через Кессу. Но не завтра и не даром. — Он встал, потянулся. — Сев говорит, ваш мастер ему сегодня в мастерской накладки отбраковал. Сев таких вещей не говорит. За все годы на моём корабле я слышал от него похвалу три раза, и все три — про полозья. — Он кив-

нул на Бранна, который сидел на мешках у мачты и разглядывал свой новый кораблик с фольговым парусом. — Нам через неделю ставить новые накладки, а Сев один не успеет. Корт говорит, вы ему за еду должны. Вот и отработаете. Все трое. Ваш мастер будет смотреть железо, девочка — подавать, вы — таскать. Что скажете?

Терен подумал.

Он мог сказать «нет». Мог завтра утром пойти к Кессе, взять её жетон, её комнату с лекарем для Бранна и Тисы и сесть ждать, когда она назначит цену. Мог подняться один через три дня, а потом, уже наверху, выкупить остальных — если ему дадут, если Кесса согласится, если цена не вырастет. Он думал об этом честно, не торопясь, как о маршруте с тремя развилками, и каждая развилка была такая, что дальше он ничего не видел.

А здесь он видел: корабль, работу, Сева, который ругается из-за накладок, Бранна, который разглядывает чужой излом и забыл про свою руку, Нэру, которая знает о ветре раньше ветра, и двадцать шагов палубы, на которых они трое вместе.

Это была не дорога, а стоянка, но с неё было видно дальше.

— Таскать, — сказал Терен. — Хорошо. А цена дороги наверх?

— Узнаем. Вы же проводник. Сами узнаете. Я не буду вам мешать.

Он ушёл на корму, а Терен остался у борта.

Свет под белым окном желтел. Наверху глухо, как через подушку, ударил колокол. Где-то на причале снова торговались, уже не о соли, а о канате. Тиса сидела на носу рядом с Рианом и Нэрой: Риан что-то рассказывал, размахивая руками, Тиса смеялась, а Нэра чистила рыбу и не смеялась, но и не уходила. Пель сидел у барабана и прядь за прядью сращивал растрёпанный канат, и, когда Тиса смеялась слишком громко, поднимал голову, хмурился и снова опускал её.

Корт мыл котёл на корме, и Терен пошёл к нему.

— У тебя банка есть? — спросил он. — Пустая. Большая.

Корт прищурился.

— Зачем?

— Репу заквасить. Горькую. Я на рынке взял.

Корт ничего не ответил, полез в трюм, долго гремел там чем-то и вылез с глиняной банкой — щербатой, с отбитым краем.

— Испортишь — сам будешь есть, — сказал он.

— Сам и буду.

Он сел на палубе, взял нож и стал чистить репу. Репа была жёсткая, горькая даже на запах, с белой волокнистой мякотью, и в ней было что-то упрямое, как во всём, что растёт здесь. Он резал её тонкими ломтями, и складывал в банку, и пересыпал солью, и Корт стоял над ним, скрестив руки на груди, и не уходил, и смотрел, и время от времени говорил, что так не делают.

Глава седьмая. Кран и проба

— Не так, — сказала Нэра. — Опять поздно.

Мешок с песком лежал у столба на камне, там, куда упал. Противовес на другом конце перекладины даже не шелохнулся. Терен стоял между ними с рыжей нитью в пальцах и чувствовал себя так, как не чувствовал лет двадцать пять: учеником, у которого на глазах мастера уронили работу.

Тренировочный столб стоял в дальнем конце доков, за складами, на пустом пятачке, где кроме него была только бочка с водой и куча битого кирпича. Столб был старый, отполированный руками до блеска, с перекладиной наверху. На одном конце перекладины висел блок с верёвкой, на верёвке — мешок с песком. На другом — противовес, чугунный, с ведро величиной. И там и там, на мешке и на противовесе, были вбиты медные ушки, проушины, тусклые, тёмные от старости. От одного ушка к другому было шагов шесть.

— Ещё раз. Риан, поднимай.

Риан потянул верёвку, и мешок поехал вверх, на рост человека, на полтора, и остановился.

— Ты ждёшь, когда он упадёт, — сказала Нэра Терену. — А надо раньше. Пока он ещё висит, ты уже держишь. Не руками. Ты держишь ушко. Вот тут. — Она дотронулась пальцем до его груди, почему-то, а не до руки. — Как будто тебе его дали поддержать, а ты не уронил. Сначала ушко. Потом

нить. Потом пусть падает.

— Я так не умею.

— Вы так на мосту сделали. Мне Ильмар рассказывал. Вы на мосту плиту в противовес свели.

— На мосту была вставка. Готовая. Пара, сработанная в мастерской. Я только щуп вогнал.

— Здесь тоже пара. — Нэра кивнула на ушки. — Только мастерская — вот. — Она обвела рукой доки, землю под ногами, склады, небо из чужих окон. — Здесь всё отзывается громче. Вам наверху надо было вставку год делать, чтобы она так отозвалась. Здесь — прикоснулся, и она уже слышит. Поэтому мы так и вяжем. Наверху так нельзя.

Терен вспомнил яму и обломок моста, который на весу говорил спокойным стариковским голосом, а на земле кричал, но ничего не сказал.

— Риан, — сказала Нэра. — Отпускай.

Риан отпустил.

На этот раз Терен держал ушко с той секунды, как Нэра сказала «отпускай». Что значит держать ушко, он не знал. Он просто смотрел на тусклую медь и думал о ней так, как думал на мосту о стальном анкере, когда вгонял щуп в шов, и о плите, которая падала, и о том, куда ей падать. Рыжая нить в пальцах стала тёплой.

Мешок упал.

И не упал: дёрнулся вниз, а на другом конце перекладки противовес дёрнулся вверх, совсем немного, на ладонь. Ме-

шок повис в локте над камнем — секунду, две, три, — и нить в пальцах у Терена тонко гудела, как струна, которую задел ветер. Потом гудеть перестала, мешок шлёпнулся на камень, а противовес опустился обратно, качнулся и замер.

— Вот, — сказала Нэра. — Поздно, но взял.

На подушечках пальцев, там, где лежала нить, у Терена остались красные полосы, как от тонкой верёвки.

— Сколько я держал?

— Три. Может, четыре. — Нэра забрала у него нить, намотала на палец. — На этом столбе больше шести никто не держит. Новый противовес лёгкий. Он для учёбы. На настоящем — до десяти, если ушки хорошие и вы стоите не дальше восьми шагов от обоих. Дальше — не возьмёт. Ни у кого. Даже у Ильмара.

— А если ушка нет?

— Тогда нет. Нечего держать.

Она сказала это с удовольствием, как человек, который наконец объяснил что-то по-настоящему важное.

Тисе Нэра дала нить отдельно, короче, и поставила её на соседнюю проушину, ниже, — там был противовес совсем маленький, с кулак, и мешочек, с кулак же. Тиса работала левой рукой: правая, перевязанная Ярой, ещё не гнулась. Первые три раза мешочек падал, как падал бы и без неё. На четвёртый он завис — и тут же, рывком, противовес подлетел вверх, ударился о перекладину и отскочил, а нить у Тисы в пальцах лопнула с сухим щелчком.

Тиса стояла с обрывком в руке. Рот у неё был открыт.

— Перетянула, — сказала Нэра. Без упрёка, как говорят, сколько времени. — Ты её натянула, будто сейчас будешь пилить. Она должна лежать. Тёплая, но лежать. Ты перетянешь — она возьмёт раньше, чем надо, и всё сразу. Противовес бьёт, нить рвётся.

— Я не тянула.

— Тянула. — Нэра взяла её левую руку, повернула ладонью вверх. На подушечках — глубокие белые вмятины от нити. — Видишь? Ты её держала, как держат поводья у лошади, которая понесла.

Тиса покраснела.

— Новую дай, — сказала она.

Нэра дала новую. Тиса привязала её и подождала, не скажет ли Нэра что-нибудь, но Нэра молчала. Тогда Тиса взяла нить ещё раз, легче, будто боялась её разбудить.

— Проверь, — сказала она.

Нэра подошла, дотронулась до нити и пожала плечами.

— Теперь лежит.

Мешочек упал и завис, а противовес поднялся на палец. Секунда, две — нить не лопнула, и мешочек опустился сам, мягко, как кот с забора.

Тиса обернулась к Бранну.

Бранн сидел на бочке, у стены склада, с рукой на перевязи, и смотрел на всё это с выражением человека, который в двадцать лет видел, как делают первый в Своде подъёмник с

противовесом, и с тех пор не видел ничего нового, — и вот увидел.

— Ну? — сказала Тиса.

— Ну, — сказал Бранн. — Перетянула ведь.

— Я знаю, что перетянула.

— Вот и хорошо, что знаешь.

Больше он ничего не сказал, но Тиса, кажется, этого и ждала. Она повернулась к столбу, и Риан снова потянул верёвку.

* * *

Работать начали после полудня.

Работа была простая. «Недоимка» стояла у второго причала, Корт за два дня наторговал, и теперь надо было снимать с неё на берег то, что он продал, и ставить на борт то, что купил, — ящики, тюки, бочки. Самые тяжёлые, ящики с сушёной рыбой, которые Корт выменял у стоянки на Сухой, брали краном.

Кран стоял на краю причала. Деревянный, высокий, на каменном основании, с длинной стрелой, которая поворачивалась на тяжёлом железном шкворне. На коротком конце стрелы, за основанием, висел противовес — чугунная болванка в человеческий рост, на цепи, а под ней лежали дубовые подкладки, стёртые и выщербленные. Кран крутили двое: один стоял у ворота, другой у тормоза, длинного рычага с колодкой. Внизу, у причала, где опускался груз, работали трое грузчиков. Они цепляли и отцепляли, направляли

и ставили.

Одного из грузчиков звали Вард.

Это был большой рыжий человек лет тридцати пяти, с бородой, заплетённой в косичку, как у моряков на верхних реках, и с огромными руками, в которых ящик с рыбой выглядел корзинкой с яйцами. Работал он легко и весело и всё время разговаривал — с ящиками. Каждому ящику, который опускался с крана, он говорил что-нибудь: «Ну, иди, иди сюда, рыбонька», или «Ты чего такой тяжёлый, ты что, с камнем?», или «Ох ты, красавец, ну давай, давай, на место». И ящики, кажется, слушались.

Терен таскал с причала на склад: ящик на спину, двадцать шагов, ящик на стопку, назад — и снова ящик на спину. Так он давно не работал. Спина и ноги помнили, а ободренные верёвкой руки — нет, и он завязал ладони тряпками и таскал. Через час он перестал думать о чём бы то ни было, кроме ящика на спине, и это было хорошо.

Бранн таскать не мог и сидел.

Через час он подозвал двоих мальчишек, которые болтались у склада, — лет по пятнадцать, тощих, в одинаковых рваных рубашках, видимо, братьев, — и что-то им сказал. Мальчишки переглянулись, кивнули и пошли таскать вместе с Тереном — по одному ящику вдвоём, медленно, но таскали.

К вечеру, когда Корт пришёл посчитать, сколько снято, Бранн отдал мальчишкам из кармана по горсти колец. Корт

это увидел.

— Ты что делаешь? — спросил Корт. — Это ваш долг. Вы мне отработываете. Не они.

— Мой долг — моя доля, — сказал Бранн. — Я свою долю таскать не могу. Они таскают за меня. Значит, моя доля — им. Сколько я тебе должен за день, столько они и заработали.

— А ты?

— А я сижу и смотрю, чтоб они спины не сорвали. Это тоже работа.

Корт хмыкнул и ушёл, но в тот вечер, Терен заметил, мальчишкам из его котла досталось по полной миске.

Это было потом. А пока, около третьего часа, кран поднял очередной ящик.

* * *

Терен стоял у склада, с пустыми руками, переводя дыхание. Он видел всё.

Ящик был большой — из самых тяжёлых, рыбный, перехваченный двумя ремнями крест-накрест, — и висел на крюке. Стрела повернулась, медленно, со скрипом, и пошла вниз, к причалу. Вард стоял прямо под ней, подняв руки, чтобы поймать ящик и направить на стопку. Он говорил ящику: «Ну, иди ко мне, толстый, иди...»

Ремень лопнул.

Звук был негромкий — короткий хлопок, как щелчок кнута. Ящик качнулся на одном ремне и перекосялся, а второй ремень, на который вдруг пришёлся весь вес, сполз с уг-

ла на ребро и закусился на нём; от рывка у Хала вырвало из-под руки тормозную колодку, барабан раскрутился, и ящик вместе с канатом пошёл вниз. Под ним был Вард, и Вард даже не понял, что происходит: он стоял с поднятыми руками и смотрел вверх с выражением лёгкого удивления, как человек, которому сказали шутку, а он её не расслышал.

Терен не думал. Это выяснилось потом, вечером, когда его спрашивали, о чём он думал, и он не мог ответить. Он видел. Видел кран, стрелу, крюк, на котором ещё болтался один ремень, а на крюке, на блоке, — тусклое, тёмное медное ушко, такое же, как утром на тренировочном столбе. Видел противовес на другом конце стрелы, чугунную болванку на цепи, и на болванке второе ушко. Видел, что ушки соединены: от блока по стреле, мимо шкворня, к противовесу шла тонкая рыжая нить, старая, выгоревшая, закреплённая скобками. И видел, что сам стоит в шести шагах от основания крана — в шести до противовеса, а до ушка на блоке, может быть, в семи или восьми.

Пара была, готовая. Её просто никто не взял.

Он шагнул к основанию крана, выхватил из кармана обрывок нити, которую Нэра дала ему утром «поносить, привыкнуть», положил ладонь с нитью на ту, старую, рыжую, там, где она проходила у шкворня, и держал ушко — как будто ему дали его подержать.

Нить под ладонью вспыхнула жаром.

Ящик был в двух ростах над Вардом, потом в полутора

— и перестал падать. Не остановился, а вдруг замедлился, будто воздух под ним стал густым, как мёд. На другом конце стрелы рванулся противовес: цепь взвыла, болванка подлетела вверх на ладонь, на локоть и ударилась о стрелу снизу, так что вся стрела вздрогнула. Терен почувствовал этот удар ладонью, плечом, зубами.

— Тормоз! — крикнул кто-то. — Тормоз, Хал!

Раз.

Ящик висел над Вардом в полутора ростах и медленно, медленно, медленно опускался.

Два.

Вард наконец понял. Лицо у него поменялось. Он посмотрел вверх, потом вниз, на свои ноги, будто не знал, где они.

Три.

— Вард! — крикнул Терен. Он не знал, что кричит, пока не услышал. — Вард, в сторону! Беги!

Четыре.

Вард кубарем бросился вбок, на причал, через ящики.

Пять.

Нить под ладонью у Терена жгла, но он не отпускал. Противовес на том конце дёргался на цепи и бился о стрелу, и с каждым ударом в её креплении что-то трещало.

Шесть.

У тормоза рабочий, Хал, всем телом навалился на рычаг, и колодка с визгом, со скрежетом, с дымом легла на барабан. Барабан встал.

Семь.

Ящик повис — по-настоящему, на тормозе, на одном ремне, перекошенный и раскачиваясь, — и перестал падать.

Терен отнял ладонь.

Наверху, на коротком конце стрелы, что-то громко хрустнуло, как ломается сухое бревно. Противовес, бившийся на цепи, с силой опустился на свои дубовые подкладки — грохот, щепы — и встал, накренившись, а цепь провисла. Скоба, которая держала её на стреле, висела на одном болте: второй вырвало вместе с куском дерева.

Ящик качался на ремне над пустым причалом.

Вард сидел на причале среди рассыпанных ящиков, в трёх шагах, и смотрел на него. Потом поднялся и медленно, будто не верил, что тот не упадёт, подошёл к ящику, висевшему теперь в локте над досками, и положил на него руку.

— Ну ты, — сказал он ящику. Голос у него был тонкий, чужой. — Ну ты что. Ну ты что такое, а?

* * *

Потом было много всего сразу, и Терен потом не мог вспомнить, в каком порядке.

Хал у тормоза ругался так, что слышно было на всех трёх причалах. Ругал ремни, ящик, Корту, рыбу, Сухую стоянку, стрелу, крепление, а потом — уже без перехода — подошёл к Терену и обнял его, мокрый, вонючий, со всей силы, и Терену показалось, что у него снова треснет что-то в рёбрах. Двое других грузчиков отцепляли ящик с крюка и ставили

на доски, осторожно, вчетвером, будто он был стеклянный. Мальчишки-братья стояли у склада, открыв рты. С «Недоимки» сбежали по сходням Пель, Ула и Корт, и Корт первым делом пошёл смотреть рыбу.

Нэра пришла с тренировочного пяточка позже всех. Она остановилась у основания крана, оглядела противовес, вырванную скобу, нить вдоль стрелы и только потом — Терена.

— Где вы взяли нить?

— Вы мне утром дали.

— Я вам дала, чтобы носить. — Нэра подошла к стреле, провела пальцем по старой рыжей нити. Палец остановился у шкворня, там, где Терен держал ладонь. Нить там была тёмная, почти чёрная, как обугленная. — Эта пара на кране — страховочная. Её берёт вязальщик, когда груз над людьми. Наш вязальщик ушёл на обед. Он уходит на обед всегда в третьем часу.

— Я не знал.

— Знаю, что не знали. — Нэра помолчала. — Поздно взяли.

— Знаю.

— Шесть или семь секунд. Тут противовес тяжёлый, на нём больше можно. — В лице у неё что-то изменилось, чуть, едва-едва. — Но взяли.

Она повернулась и ушла к «Недоимке», и Терен смотрел ей вслед, и у него было такое чувство, какого он не испытывал, может быть, с первой своей самостоятельной инспек-

ции, двадцать с лишним лет назад, когда старик-мастер в Нижнереченской конторе взял его отчёт, прочитал, поднял на него глаза и сказал: «Ну, сойдёт». Тогда он полдня ходил по Своду, не чувствуя ног.

Сейчас он стоял на причале с ладонью, на которой выжгло полосу от нити, и, кажется, улыбался. Он не помнил, когда в последний раз улыбался так, по-глупому, сам себе.

Бранн подошёл и встал рядом, задрав голову к стреле.

— Скобу вырвало, — сказал он.

— Вижу.

— Болт на двенадцать, кованный. Вместе с деревом. — Бранн покачал головой. — Ты, Терен, знаешь, сколько стоит такая стрела?

— Не знаю.

— Вот и я не знаю. Узнаем. — Бранн помолчал. Потом сказал другим голосом, тише: — Ты его взял.

— Взял.

— Шесть секунд.

— Семь.

— Шесть. Я считал. Ты на седьмой уже отпускал. — Он хлопнул его по плечу здоровой рукой, не сильно. — Хорошо. Это было всё, и этого было довольно.

* * *

Вечером на причале жгли костёр.

Придумал это не Терен, а Хал. Или Вардова жена — маленькая, круглая, в платке, с тремя детьми, которые цепля-

лись за её юбку. Когда ей сказали, она пришла на причал, увидела Варда целым, сначала заплакала, потом ударила его по спине, потом ещё раз, потом снова заплакала и ушла домой, а через час вернулась с корзиной лепёшек и котлом чего-то горячего. Потом пришли и другие — грузчики с соседних причалов, крановщики, жёны, дети. Кто-то принёс в кувшине брагу, мутную, кислую, пахнущую тем же сладким зерном, что и лепёшки, кто-то принёс дудку. Корт, ворча, вытащил из трюма мешок сушёной рыбы и сказал, что это не подарок, а он запишет.

Терен сидел у костра, и ему наливали.

Он пил ужасную брагу, ел хорошие лепёшки и слушал, как Вард в пятый раз рассказывает, что было. С каждым разом рассказ становился длиннее: в пятый раз ящик весил уже две тонны, ремень лопнул с грохотом, как выстрел, а Вард, оказывается, сразу увидел, что ящик падает, и сам прыгнул, а Терен только чуть-чуть помог. Слушатели кивали. Вардова жена сидела рядом и смотрела на мужа с таким выражением, что было ясно: дома она ему всё это напомним.

Хал, крановщик, сидел с другой стороны от Терена и всё время подливал ему.

— Наш вязальщик, — говорил Хал, — Тоби, хороший парень, только обедает всегда в третьем часу. Я ему сто раз говорил: Тоби, не уходи, пока кран работает. А он: Хал, мне живот подводит. Ну вот. Подвело. — Хал выпил. — А ты не наш. Ты верхний. Ты три дня как тут. Как ты её взял?

— Не знаю. Мне утром показали.

— Утром! — Хал повернулся к соседу, грузчику с соседнего причала. — Ты слышал? Утром показали! Тоби три года учился, а этому утром показали.

— Тоби бы взял раньше, — сказал Терен. — И держал бы дольше. И стрелу бы не порвал.

— Тоби бы обедал, — сказал Хал, и все засмеялись.

Тиса сидела по другую сторону костра, между Рианом и Нэрой, и ела уже третью лепёшку. Риан что-то ей рассказывал, размахивая руками, — наверное, про то, как сам первый раз взял вязку, — а Тиса смотрела не на него, а через костёр, на Терена, и улыбалась. Пель сидел чуть поодаль, на бочке, мрачный, с кружкой. Когда кто-то протянул ему дудку, он вдруг взял и заиграл — неожиданно хорошо, какую-то быструю, крутящуюся мелодию, — и двое Вардовых детей вскочили и закружились у костра, держась за руки, и упали, и вскочили снова.

Бранн сидел рядом с мальчишками-братьями и что-то объяснял им, чертя палкой по пыли у костра. Терен прислушался: про противовесы, как их подбирать и как слушать. Мальчишки слушали, раскрыв рты.

Это было хорошо. Терен сидел,пил брагу, слушал дудку и думал, что это хорошо, и ни о чём другом не думал — ни о Своде, ни о Кессе, ни о том, что вечером ему кто-то скажет, сколько стоит крановая стрела. Он думал только, что Вард жив и что он, Терен Вей, проводник первого класса, сорока

четырёх лет, сегодня впервые в жизни взял вязку — поздно, коряво, на шесть секунд, с вырванной скобой, — но взял.

Он был немного пьян, и это тоже было хорошо.

* * *

Старшина пришёл, когда дудка устала и дети уснули на руках у матерей.

Он был старый, сухой, сутулый, в длинной кожаной куртке, с лицом, изрезанным морщинами, как старая доска. Терен заметил его давно: он сидел в тени склада, на ящике, и глядел на костёр. Теперь он подошёл, и люди у огня подвинулись, давая ему место, и замолчали. Не сразу и не все, но замолчали.

— Дорн, — сказал Хал Терену. — Старшина артели. Наших, грузовых.

Дорн сел и долго разглядывал Терена.

— Тебе Кесса знак дала.

Он не спрашивал. Терен достал из кармана жетон и показал, а Дорн кивнул, не взглянув.

— Убери. Здесь он не нужен.

Терен убрал.

— Вард мне племянник, — сказал Дорн. — Сестрин сын. У него трое детей. У сестры, кроме него, никого. — Он помолчал. — Это я тебе не для благодарности говорю. Благодарность — вон, Хал тебе налил. Это я говорю, чтоб ты знал, с кем говоришь.

— Знаю теперь.

— Хорошо. — Дорн сложил руки на коленях. — Ты наверх хочешь. Все знают. Кесса тебе предлагает. Тоже все знают. Ильмар тебе обещает. Знают. — Он посмотрел в огонь. — Я тебе ничего не обещаю. Я тебе скажу, что есть, а ты сам думай.

Терен ждал.

— Наверх из Подсвода ходят через двери. Кесса тебе сказала, что их три. Сказала, что через две ходят по её слову. Так?

— Так.

— Это правда. Наполовину. — Дорн потёр колени. — Две двери — торговые. Одну держит Кесса со своими людьми, другую держит Одан, верхний купец, но через Кессу, по договору. Там всё через неё, это правда. А третья — рабочая. Старый ремонтный ход. Им ещё до Кессы пользовались, ещё до её отца. По нему ремонтники ходят, когда надо что-то под дорогой чинить. Небольшой ход. Людей пропускает, если немного, и груз, если немного.

— И кто его держит?

— Его не держит никто. У него два конца. Нижний — у нас. У артели. Верхний — у мастера наверху. Не у ведомства, не у Кессы, не у Одана. У мастера Союза, у одного человека. И ни мы без него, ни он без нас дверь не откроем. Так заведено. Давно.

Терен молчал. Хмель быстро уходил из головы.

— Кесса тебе про него не сказала.

— Сказала, что третьей я не найду.

— Ну вот, нашёл. — Дорн чуть усмехнулся, первый раз.

— Где он — не скажу. Не сегодня. Когда пойти, как, с чем — не скажу тоже. Ты нам сегодня Варда вытащил. Это много. Это — что ты знаешь, что ход есть, и что я с тобой разговариваю, и что, если тебе на доках что-то будет надо, тебе дадут. Но ход — это не одного Варда цена. Ход — это артель. И верхний мастер. И что будет с артелью, если Кесса узнает, что мы через свой ход верхнего проводника вывели, которого она себе держит. Это всё не я один решаю.

— Я понимаю.

— Не понимаешь пока. Поймёшь. — Дорн встал, тяжело, опираясь на колени. — Завтра к полудню приходи к третьему складу. Познакомлю тебя с людьми. С кем разговаривать, если что. Остальное — потом.

Он постоял над Тереном ещё немного. Потом сказал:

— Стрелу Халу починим сами. Артель. Не волнуйся про стрелу.

И ушёл, не попрощавшись, в темноту за складами.

* * *

Мальчишка в синей курточке с медными пуговицами появился у костра, когда Терен уже собирался уходить на корабль.

Он подошёл не к огню, а встал в стороне, у края света, и ждал, пока Терен его заметит. Терен заметил, встал и подошёл.

— Хранительница Подсвода, — сказал мальчишка, — слышала о том, что было сегодня на причале. Она поздравляет господина проводника. И передаёт вот это.

Он протянул Терену жетон. Медный, квадратный, с клеймом — три волны и окно. Только не с прорезью посередине, как у первого, а с тремя прорезями.

— Это что?

— Мастерский знак. С ним господина проводника пустят не только в мастерские и на склады, но и к обменникам, и в водную контору, и в совет смотрителей, если надо. Хранительница говорит, что такой мастер, как господин проводник, должен ходить по Подсводу как мастер.

Терен взял жетон и подержал его. Этот был тяжелее первого.

— А ещё, — сказал мальчишка, не меняя голоса, будто читал по бумажке, — хранительница просит передать, что разговор, о котором она говорила вчера, она хотела бы провести завтра. В её доме. И что она будет рада, если господин проводник на время этого разговора и до его окончания примет её гостеприимство и переберётся с корабля в её дом. Комната готова. Для мастера и девушки тоже. И лекарь.

— А если не переберусь?

Мальчишка посмотрел на него впервые прямо. Глаза у него были серьёзные, совсем не детские.

— Хранительница сказала, — проговорил он медленно, — что вчера она могла поднять господина проводника одно-

го через три дня. После сегодняшнего — это дольше. Потому что сегодня все в доках узнали, сколько господин проводник стоит. И наверху тоже узнают. Хранительница сказала, что ей очень жаль, но цена теперь другая.

Он поклонился и ушёл.

Терен постоял у края света с двумя жетонами в руке — с одной прорезью и с тремя.

Он думал о том, что Вард жив. Что Дорн рассказал ему про ход. Что Хал его обнял, а Нэра сказала «взяли». Это всё было правдой, и это было хорошо, и это не стало хуже оттого, что мальчишка в синей курточке пришёл и сказал то, что сказал. Но и мальчишка тоже был правдой. Он спас человека — и стал дороже. Дорожка к рабочему ходу, к Дорну, к артели, стала ближе. А к Кессе, к её двум дверям, — дальше.

Он сунул оба жетона в карман, к режиму, и пошёл обратно к костру. Не на корабль.

У костра Тиса подняла на него голову.

— Кто это был?

— Кессин мальчик.

— Чего хотел?

— Сказать, что я подорожал.

Тиса подумала.

— Это хорошо или плохо?

— Не знаю. Наливай.

Тиса засмеялась и налила ему из Халова кувшина. Брага была кислая, мутная и уже тёплая. Пель снова взял дудку, и

мелодия пошла медленная, тягучая, и Вардова жена, укачивая младшего на коленях, стала тихо подпевать — без слов, просто голосом. Бранн, дочертив противовес в пыли, сидел, обхватив колени здоровой рукой, и смотрел в огонь.

Глава восьмая. Чужая цена

По расписанию, висевшему в конторе на Большом грузовом, дорога от Свода до Стеклянного моря занимала два дня и одну ночь. По расписанию, которое Сайра двенадцать лет закладывала в каждый полис на этом плече, — тоже два дня и одну ночь. На Четвёртой заставе, к полудню второго дня, она узнала, сколько дорога занимает на самом деле.

— Четыре, — сказал возчик Мартен. — Если повезёт. Если нет — пять.

Он сидел на облучке своей телеги, свесив ноги, и грыз сухарь. Телега стояла в очереди. Перед ней — ещё сорок одна телега, Сайра посчитала, пока шла вдоль колонны. Позади — ещё двадцать с чем-то. Колонна тянулась по коридору в обе стороны, сколько хватало лампового света, и не двигалась.

Коридор был таким, каким его описывали все, кто по нему ездил, и каким Сайра запомнила с прошлого раза: каменная труба, высокая, в три человеческих роста, сводчатая, с лампами на кронштейнах через каждые двадцать шагов и с решётками вентиляции под потолком. Пахло известью, маслом, конским навозом и людьми, которые долго сидят на одном месте. Где-то впереди, у заставы, ругались. Где-то сзади плакал ребёнок.

— В расписании сказано: стоянка на заставе — час, — сказала Сайра.

— Сказано, — согласился Мартен. — Час — это если вы ведомственный. Или если вы заплатили.

— Кому?

Мартен посмотрел на неё, потом на её одежду — дорожное платье, крепкое, но не новое, и вместо плаща шерстяной платок, — и что-то в его лице переменялось. Он не сказал «а вы будто не знаете». Сказал другое:

— Смотрителю заставы. Две марки сверху — и вы в голове колонны. Это называется «ускорение». Официально. У них и квитанцию дают.

— И сколько платят?

— Все, кто может. — Мартен сунул в рот остаток сухаря. — Кто не может — стоят. Вот, стоим.

Сайра встала рядом с колесом. Ноги гудели: она ехала с ним уже второй день, с самого Свода, на ящиках со стеклом, обвязанных соломой. Пассажирская карета до моря стояла восемь марок, а место на телеге у возчика — одну, если с ним разговаривать. С Мартемом она разговаривала.

Восемь марок она сейчас позволить себе не могла.

Двенадцать лет Сайра считала тарифы этого плеча по расписаниям и ведомственным отчётам, а теперь стояла возле колеса и видела, что её цифры значат для возчиков.

— А если груз скоропортящийся? — спросила она.

— Тогда платите. Или везите рыбу, которая по дороге станет удобрением, и получайте за неё в Своде как за удобрение.

— А страховка?

— А что страховка? Страховка платит, если телега перевернулась. Если ты постоял лишние два дня и у тебя протухло — страховка говорит: в полисе сказано полдня, а ты стоял два, это ты виноват, надо было платить смотрителю.

Сайра промолчала. Она знала этот пункт: она сама его составляла три года назад.

С Мартеном она познакомилась в Своде, на выезде с Большого грузового, в первое же утро. Она искала, кто довезёт её до моря задёшево, и он был единственный, кто не спросил, зачем приличной женщине ехать на ящиках со стеклом. Он оглядел её и ящик в её руках, завёрнутый в испорченный плащ, — другой обёртки она для него так и не нашла, — и сказал: «Садитесь, только не на верхний ряд, там бокалы». До первой заставы ехали молча, а на первой заставе выяснилось, что Мартен застрахован в доме Аска, что его полис три года назад подписывала она, что он её помнит, а она его нет — и что он знал Еrsa.

— Знал, — сказал Мартен тогда, на первой заставе, после долгой паузы. — Пили вместе. В Перевальном. Он мне раз колесо отдал, своё, запасное, когда у меня лопнуло, — и денег не взял. Сказал: Галка не обидится. — Он помолчал. — Дом его вдове заплатит?

Сайра могла бы соврать — сказать, что разбирательство идёт. Это было бы правдой и ничего бы не значило.

— Дом предложил двадцать марок. По милости. Без признания случая.

Мартен сплюнул под колесо.

— А вы?

— Я против.

— А толку, что против?

— Никакого. Я сейчас не от дома еду. Дом от меня отказался. Я сама по себе.

Мартен подумал над этим и, видимо, решил, что этого достаточно, потому что с того момента разговаривал с ней иначе — без «госпожа», без вежливости, как с человеком, который едет на ящиках, потому что на карету нет денег.

Это было вчера. Сейчас, на Четвёртой заставе, с сорока одной телегой впереди, Мартен смотрел на неё сверху, с облучка, и ждал, что она будет делать.

— Две марки сверху, — сказала Сайра. — Это для всей телеги или с человека?

— С телеги.

— Я заплачу.

Мартен поднял брови.

— Вам же нечем.

— Есть чем. На две марки есть. А на два лишних дня в этой трубе у меня нет ни времени, ни терпения. И — вы мне скажете, кому платить и как это выглядит. Я хочу посмотреть.

Мартен слез с облучка.

Смотритель заставы сидел за окошком в каменной будке у шлагбаума и выдавал квитанции — настоящие, с печатью

ведомства дорог: «Сбор за ускоренный пропуск, две марки». У будки стояла очередь человек в пятнадцать — возчики, приказчики и один толстый купец в меховой шапке, несмотря на жару, — и двигалась она быстро. Сайра заплатила, получила квитанцию и ещё немного постояла у окошка, глядя, кто платит.

Платили купцы с дорогим грузом и приказчики с ведомственными пломбами. Остальные стояли в очереди.

Сайра вернулась к телеге. Мартен уже выводил её из колонны.

— Ну что, посмотрели?

— Посмотрела.

— И что?

— Мне надо пересчитать тариф на всё плечо. И мне некому его теперь показать.

Мартен засмеялся — первый раз за два дня.

* * *

Ящики с тремя печами на волне Сайра увидела на той же заставе, по другую сторону шлагбаума, в колонне, которая шла навстречу, с моря в Свод.

Двенадцать подвод, одна за другой. На каждой — ящики, длинные, плоские, светлого дерева, туго перетянутые железной лентой. На каждом ящике сбоку — синее клеймо: три печи над волной. И на каждой подводе, на передке, — свинцовая пломба на шнуре, с оттиском, который Сайра узнала бы и в темноте: ведомство дорог.

У последней подводы сидел на ящике конвойный, молодой, скучающий, и чистил ногти ножом.

Сайра подошла. Конвойный поднял на неё скучный взгляд.

— Это для Свода? — спросила она.

— Для ведомства в Своде.

— Что везёте?

— Плиты. Керамику. Я не смотрю. Пломба есть, накладная есть, мне платят, чтоб пломба доехала.

— А взвешивают где?

Конвойный посмотрел на неё внимательнее.

— А вам что?

— Я страховщица, — сказала Сайра и тут же, мысленно, поправила себя: была. — Мне надо знать, где у груза настоящий вес. Здесь? В Своде?

— На море. У союза своя весовая, в Печном городе, у ворот. Там всё взвешивают и пишут в книгу, и пломбу при них ставят. А в Своде ведомство уже по накладной принимает. Пломба цела — значит, вес тот. — Он вернулся к своим ногтям. — Это все знают.

— Все, — согласилась Сайра.

Она отошла. Мартен ждал её у шлагбаума, держа лошадей под уздцы.

— Знакомые? — спросил он, кивнув на подводы.

— Нет. Но, может быть, познакомимся.

Она залезла на ящики. Мартен тронул лошадей, и телега

пошла мимо стоявшей колонны к голове, к шлагбауму. Двое возчиков с зерном проводили её взглядами, и она не отвела глаз. Ей было неприятно, что они смотрят, и неприятно, что она заплатила, а неприятнее всего — что заплатила бы снова.

На стене за шлагбаумом, у будки, висела доска объявлений. Сайра увидела её, когда телега уже проходила мимо, и успела прочитать только верхний лист — свежий, с печатью ведомства, с датой третьего дня:

«Мост над Вздохом на Сводской линии закрыт для всех видов движения. Причины обрушения устанавливаются комиссией. Объезд — через...»

Дальше она не дочитала.

«Устанавливаются» — не «перегруз» и не «нарушение интервала». Вчера утром, когда она уезжала из Свода, в листке стояло «перегруз», а в сообщении ведомства, которое пришло на заставу из Свода за день, — «устанавливаются».

Она сидела на ящиках, а телега выходила из-под арки заставы в длинный, полутёмный, бесконечный следующий участок коридора. Сайра думала.

Это значило, что лента работает.

Поймав себя на том, что улыбается в полутьме, она перестала и подумала ещё раз. Кадор — это участок, а сообщение о закрытии линии подписывает не участок, а ведомство. И ведомство не правит формулировок оттого, что какой-то клерк в Палате Ордена шепнул что-то начальнику участка: оно правит их, когда ему это зачем-то нужно.

Зачем — она не знала.

Может быть, слово убрали только затем, чтобы вписать его позже, когда шум уляжется. Сайра знала такие способы: когда-то сама ими пользовалась.

Какое из двух объяснений правильное, она не знала. Ей хотелось, чтобы первое, и именно поэтому она решила думать, что второе.

* * *

Ночевали на Пятой заставе, в постоялом доме для возчиков — длинной каменной комнате с нарами в два яруса, с общим столом и котлом каши, который хозяйка ставила на стол, не спрашивая, кто сколько съест. Сайра ела кашу вместе со всеми, с одного котла, деревянной ложкой, которую ей дал Мартен, и слушала.

Говорили о дороге. О ценах на сено на заставах — сено на Третьей дорожке, чем на Пятой, вдвое, потому что Третья на подъёме. О новом смотрителе на Второй, который берёт за ускорение три марки, а не две, и квитанцию даёт на две. О том, что в Своде упал мост. Тут Сайра перестала есть и стала слушать внимательнее.

Про мост говорили по-разному. Один возчик говорил, что перегруз, — он сам читал в листке. Другой говорил, что проводник был пьяный, ему так сказал кузен, который работает в Своде. Третий, пожилой, с седыми усами, похожий на Еrsa, сказал, что не верит ни тому ни другому.

— Я там ходил, через Вздох, — сказал он. — Тридцать

лет. Мост — как дом. Он бы перегруз и не заметил. Если упал — значит, что-то не так. Не с телегой. С мостом что-то.

— С мостом, — сказал первый. — С чем, с мостом?

— Не знаю. Я не проводник. Только вот на Вздохе по утрам всегда тихо было, а последний месяц — гудело. Под ногами. Как у них в зале, на станции, где плиты. Только под настилом.

Сайра сидела очень тихо. Ей хотелось спросить, давно ли гудело, и что значит «гудело», и замечал ли это кто-нибудь ещё, и не записано ли это где-нибудь. Она открыла рот и закрыла. Седоусый устал, опьянел от тепла и каши и говорил, как говорят на ночлеге, — для себя, а не для протокола, и, начини она сейчас спрашивать, он бы замолчал. Это она знала.

Она дождалась, пока разговор уйдёт к сену, и подсела к седоусому, когда тот курил у двери.

— Вы сказали, гудело.

— Сказал.

— Вы бы это повторили? Если бы спросили?

Седоусый посмотрел на неё сквозь дым.

— Кто?

— Комиссия. Или нотариус.

— Нет, — сказал седоусый просто.

— Почему?

— Потому что я возчик. Мне по этой дороге ещё двадцать лет ездить. А вам?

Сайра не ответила. Седоусый докурил, кивнул ей, без злости, и ушёл на свои нары.

Ночью Сайра лежала на нарах, прижав кассету к животу. В темноте возчики храпели и разговаривали во сне с лошадьми. Без этой поездки она не услышала бы ни их разговоров, ни того, как звучит собственный полис для человека, потерявшего груз.

* * *

Стеклянное море начиналось сразу за последней заставой, и начиналось светом.

Коридор кончился аркой, а за аркой — Сайра зажмурилась — было белое. Не белый день, а белое всё: земля, небо, воздух. Она открыла глаза и увидела, что земля под ногами — стекло. Серо-белое, мутное, в трещинах, гладкое, как лёд на пруду, когда его натёрли коньками, и уходило оно до самого горизонта. Над ним стояло небо, бледное, чуть желтоватое. Солнце ещё не встало. Небо уже светилось, и стекло отражало небо, и казалось, что едешь не по земле, а по воздуху.

Было жарко. Даже сейчас, на рассвете, — жарко, как в Своде в полдень.

Дорога шла по стеклу, отмеченная столбами через каждые полверсты. У каждого столба — навес, деревянный, низкий, с тенью под ним и с бочкой воды. Под навесами сидели люди. Не путники — местные, в белых рубахах до колен и в широких шляпах, и все они пили, медленно, из глиняных кружек,

и смотрели на дорогу. Мартен сказал, что это теньевые стойки и что вода тут продаётся по кружке, и что первую кружку на каждой стойке дают бесплатно, если ты пешком, — обычай такой, с давних пор, — а если на телеге, то нет.

У первой стойки Сайра слезла с телеги и пошла рядом пешком. Она взяла кружку тёплой воды с привкусом глины и выпила всю. Хозяин стойки, морщинистый, как печёное яблоко, старик, разглядывал её из-под шляпы.

— Сверху? — спросил он.

— Из Свода.

— А, — сказал старик, будто это всё объясняло, и налил ей вторую. За вторую взял грош.

Через час показался Печной город. Сначала трубы — сотни тонких, высоких труб, и все дымили, и дым без ветра шёл вверх прямо и ровно. Потом стены, белые, из того же стекла, что под ногами, только тёсанного блоками, потом ворота, а перед воротами — весовая.

Сайра узнала её сразу, хотя никогда не видела. Каменная платформа у ворот, длинная, на три подводы. Над ней — весы, огромные, рычажные, с коромыслом в два человеческих роста. Рядом — будка, а над будкой — вывеска. Синие три печи над синей волной.

У весовой стояли подводы с ящиками из светлого дерева, перехваченными железной лентой. Двое весовщиков в кожаных фартуках закатывали подводу на платформу, а третий стоял у будки с книгой.

Мартен остановил лошадей.

— Вам сюда?

— Сюда.

Она слезла с телеги, взяла ящик с кассетой, завёрнутый в испорченный серый плащ, и отсчитала Мартену ещё одну марку сверх той, о которой договорились.

— Это за что? — спросил он.

— За ложку. И за то, что не спросили.

Мартен повертел марку и сунул её в карман.

— Вдове Ерса, — сказал он, — я сам на сороковой день завезу. Немного. Сколько есть. Вы мне только скажите потом, кто прав был. Когда узнаете.

— Скажу.

Он тронул лошадей. Сайра стояла у весовой с ящиком в руках и смотрела, как он уезжает в белое. Потом пересчитала то, что у неё осталось в кошельке. Ровно на четыре дня, если есть кашу и не платить за ускорение.

Над Печным городом вставало солнце.

* * *

Кесса принимала Терена не на галерее, а в комнате.

Комната была внутри дома, без окон, светлая от ламп и прохладная — первое прохладное место, в котором Терен оказался за пять дней: стены, обитые зелёной тканью, ковёр, низкий стол, на столе чай и сушёные фрукты в фарфоровой вазе. Кесса сидела в кресле, а в трёх шагах за ней стоял сухой Арен: здесь, в прохладе, ему ничего не доставалось.

Был и ещё один человек. Он сидел на краешке другого кресла, напротив Кессы, и пил чай маленькими глотками, держа чашку обеими руками, — пожилой, худой, очень аккуратный, в сером сюртуке верхнего покроя, какие Терен видел в Своде на приказчиках больших торговых домов, с гладким, внимательным, вежливым лицом и усталыми глазами.

— Господин Вей, — сказала Кесса. — Садитесь. Это господин Ремих. Он из дома Одана, из Свода. Он здесь по делам дома и любезно согласился выслушать нас обоих.

Ремих вежливо кивнул Терену — без всякого интереса или так, будто интерес, если и был, его хорошо научили прятать.

Терен сел.

— Господин Ремих пришёл сегодня через люк дома Одана, — сказала Кесса. — Вечером вернётся наверх. Я прошу его дом поддержать признание Подсвода в совете Союза. Письменно, с печатью.

Ремих поставил чашку, но Кесса не дала ему заговорить:

— Перед вами проводник первого класса из Свода. Вчера он взял вязку на моём причале при двадцати свидетелях. Наверху его считают погибшим, а он видел Межу и наш город. Там есть люди, которым очень интересно, почему упал мост. И есть люди, которым очень неинтересно, чтобы об этом узнали.

— Мёртвый ничего не стоит, пока не воскреснет, — сказал Ремих. — А признание города — дело совета и Короны,

не моего дома. Я передам предложение сегодня. Ответ будет не раньше чем через неделю.

Неделя Кессе не нравилась, но спорить она не стала.

Терен держал чашку в руках и слушал, как о нём договариваются. Вчера Корт так же говорил о мешках с рыбой. Ремих хотя бы не делал вид, будто речь идёт о чём-то другом.

Ремих поклонился и вышел. Арен проводил его до двери — три шага, нить натянулась, и Арен остановился, — а дверь закрыла служанка.

Кесса повернулась к Терену.

— Вы всё слышали, — сказала она.

— Слышал.

— Хорошо. Мне не нравится разговаривать с людьми, которые думают, что они чего-то не знают. — Она налила ему чаю, сама, из чайника. — Вы позавчера сказали мне, что пойдёте наверх только втроём. С инструментом.

— Сказал.

— Я об этом думала. — Кесса поставила чайник. — Это возможно. Это дороже, но возможно. Ремих уйдёт сегодня. Через неделю, когда он вернётся с ответом, — если ответ будет хороший, — он заберёт вас троих. С инструментом. Через люк дома Одана, наверх, на склад, оттуда — куда вам надо.

— А цена?

— Цена — вот.

Кесса протянула руку, не глядя, и Арен подал ей сложен-

ный лист. Хорошая плотная бумага, верхняя, с тиснением. Кесса развернула лист и положила перед Тереном.

— Это письмо, — сказала она. — В совет Союза. Закрытое. Вы его подписываете, мы его запечатываем вашей печатью — у вас ведь есть печать проводника? — и Ремих несёт его наверх. Его никто не прочтёт, кроме тех, кому оно адресовано. Никто в Своде не узнает, что вы его писали. Ни ваше ведомство, ни ваша контора. Это закрытое свидетельство.

Терен взял лист.

Писал явно кто-то, кто умел писать такие бумаги: ровно, гладко, без лишних слов. «Я, Терен Вей, проводник Свода, допуск первого класса, находясь в нижней земле, именуемой Межой, лично осмотрел...» Дальше шли пункты. Подсвод — город с устроенным управлением, хранильницей, советом, водной службой, обменниками. Подсвод контролирует все проходы между Сводом и нижней землёй в пределах... — и дальше шли расстояния в верстах, неизвестно откуда взятые. Подсвод — единственная община в этих пределах, способная к договорам. Прочие поселения нижней земли, известные как Сыпь, а также бродячие ветровые суда, не являются устроенными общинами, не имеют постоянного места, управления и прав на проходы и должны рассматриваться как...

Он дочитал до конца и положил лист на стол.

— Я не был в Сыпи, — сказал он.

— Вы туда и не поедете, — сказала Кесса. — Это далеко

и опасно. Зачем вам туда?

— Я не видел этих людей.

— Их видела я, — сказала Кесса мягко. — Тридцать лет вижу. Можете мне поверить.

— Тогда пусть подписывает тот, кто видел.

— Мою подпись наверху не прочтут, господин Вей. Меня там не знают. Вашу — прочтут. Вы проводник первого класса. Вы подписываете то, что видели своими глазами. Все знают, что вы подписываете только то, что видели своими глазами. Именно поэтому мне нужна ваша подпись.

— Именно поэтому я и не подпишу.

Кесса не изменилась в лице. Она смотрела на него внимательно, как позавчера на галерее, — как на товар, который вблизи оказался не совсем тем, чем издали.

— Подумайте, — сказала она. — Это не ложь, господин Вей. Здесь нет ни слова, которое было бы неправдой о Подсводе. Вы сами видели город. Обменники. Воду. Совет. Это всё правда.

— Про Подсвод — может быть.

— А про остальное — это не ваше дело. Вы же не знаете. Вы сами сказали.

— Вот именно.

Терен встал. Цену таким свидетельствам он знал не из чужих историй и объяснять Кессе, откуда знает, не собирался.

— Спасибо за чай, хранительница, — сказал он. — Мы останемся на корабле.

— Вы мой гость, господин Вей, — сказала Кесса, не вставая. — Где бы вы ни остались. Подумайте до вечера. Ремих уходит вечером. Если вы передумаете — он может взять письмо с собой. Если нет... — Она чуть повела плечом. — Тогда, может быть, через неделю. Может быть, через месяц. У меня нет причин торопиться. А у вас?

Терен не ответил и вышел. В дверях, проходя мимо Арена, он на мгновение встретил его взгляд. Арен смотрел на него без всякого выражения, но Терену показалось, что тот чуть-чуть, едва заметно, кивнул.

* * *

К третьему складу он пришёл после полудня, с опозданием.

Дорн ждал его не у склада, а за складом, в узком проходе между стеной и причальными сваями, где пахло тинной и дёгтем и куда никто не заглядывал. С Дорном были двое: женщина лет пятидесяти, коренастая, с руками, изрезанными канатами, и молодой парень в рабочей куртке, на рукаве которой был нашит кусок синей тесьмы.

— Брита, — сказал Дорн, кивнув на женщину. — Старшая на рабочем ходу. Нижний конец её. — Кивок на парня. — Фесс. Он ходит наверх, к мастеру. Когда надо.

Терен поздоровался. Брита смотрела на него недоверчиво, Фесс — с любопытством.

— Ты у Кессы был, — сказал Дорн.

— Был.

— Что она хотела?

Терен рассказал — про Ремиха, про дом Одана, про неделю и про письмо. Рассказывал он коротко, как рассказывал бы в конторе о мосте: что видел и что слышал, без того, что думал. Брита слушала, сжав губы, а когда он дошёл до Сыпи, до «не являются устроенными общинами», тихо выругалась.

— Подписал? — спросила она.

— Нет.

Брита покосилась на Дорна, но Дорн промолчал.

— Она теперь будет смотреть за ходом, — сказала Брита.

— За нашим. С сегодняшнего вечера.

— Откуда она знает про ход?

— Она про него всегда знала. Она не знает, где он. И не может его открыть, потому что верхний конец не её. Но она знает, что он есть. И если её проводник вдруг пропадёт из Подсвода, а через люк Одана не уходил, — она поймёт, куда он делся. И тогда она к нам придёт. С людьми.

— Значит, мне через ход нельзя.

— Сегодня — нельзя. Через неделю — может быть. Через месяц — может быть. Сегодня — нельзя. Мы не можем, чтоб она к нам пришла. Ты понимаешь.

Терен понимал.

— Фесс наверх ходит раз в четыре дня, — сказал Дорн.

— Может мастеру сказать о тебе. Может не сказать. Мастер решит. Мастер, может, тебя и знает. Ты ведь проводник первого класса, а он наверху тоже не последний.

— Как его зовут?

Фесс глянул на Дорна, и Дорн чуть покачал головой.

— Потом, — сказал Дорн. — Если мастер скажет «да» — узнаешь. — И, помолчав, добавил: — Мы тебя не бросаем. Ты Варда вытащил. Ты при Кессе не подписал про Сыпь. Это тоже знают. — Он кивнул на Бриту. — У Бриты сестра в Сыпи живёт. С детьми. Двадцать лет. Но ход — это не одного тебя цена. Ты понимаешь.

— Понимаю.

Он и правда понимал.

* * *

Ильмар ждал его на палубе.

Не то чтобы ждал — просто сидел на бочке у мачты и что-то строгал ножом из короткой деревяшки, а когда Терен поднялся по сходням, не поднял головы.

— У Кессы был? — спросил он.

— Был.

— Подписал?

Терен остановился.

— Откуда ты знаешь, что было что подписывать?

— Ремих через люк Одана ходит раз в две недели, — сказал Ильмар, не отрываясь от деревяшки. — Когда приходит, Кесса всегда что-нибудь продаёт. На этот раз продавала тебя. — Он сдул стружку. — Я знаю Кессу двенадцать лет. Она никогда не продаёт без бумаги. Так подписал?

— Нет.

Ильмар наконец поднял голову и долго, внимательно посмотрел на Терена — с тем же выражением, которое Терен уже видел в первый день, когда капитан держал в руке его жетон: будто считал.

— Что там было? В бумаге?

Терен рассказал — короче, чем Дорну, но рассказал.

Ильмар слушал не перебивая, а когда Терен дошёл до Сыпи — «не являются устроенными общинами», — перестал строгать, и нож замер над деревяшкой.

— «Бродячие ветровые суда», — повторил он.

— Да.

— Это мы.

— Да.

Ильмар положил деревяшку и нож на бочку рядом с собой и сидел молча, а потом засмеялся — коротко, без веселья.

— Знаешь, сколько в Сыпи людей? — спросил он. — Восемнадцать тысяч. По всей полосе. Шесть тысяч там, где земля едет под ногами, а они на ней живут, потому что больше нигде. Книги. Советы. Мастерские. Похороны. Свадьбы. Кесса это знает. Она с ними торгует двадцать лет. Она у них нить покупает, за которую ты вчера держался.

Терен ничего не сказал.

— Ты не подписал. Хорошо. Значит, у Кессы ты теперь подорожаешь ещё. И сидеть тебе тут — неделю, месяц, сколько она захочет. А на ход тебя артель сегодня не пустит, потому что Кесса теперь будет смотреть за ходом. Так?

— Так.

— Ну вот.

Ильмар встал, прошёлся по палубе до борта и обратно. Тиса сидела на носу, с Рианом. Бранн — у мачты, на мешках, с Севом, и они оба смотрели на полоз, свесившись за борт. Корт где-то в трюме гремел котлами.

— Есть другой путь, — сказал Ильмар.

— Ты говорил.

— Я говорил «не сразу и не даром». Сейчас скажу какой.

— Он остановился напротив Терена. — Низина.

Терен ничего не ответил — не мог.

— Ты её видишь по ночам, — сказал Ильмар спокойно.

— Тёплое окно, рядом с белым. Ты в него смотришь. Я видел. Ты на корме сидишь и смотришь, пока все спят. — Он помолчал. — Низина жива, проводник. Что бы у вас там наверху ни писали. Рынок, лодки, люди. Я туда хожу. Не каждый месяц, но хожу. Груз, лекарства, нить. Там есть Разлом — это у нас так называется, — и через него можно подняться. Не так, как через люк Кессы. Труднее. Но можно.

— А оттуда?

— А оттуда — Низина. Наверху. В её мире. Оттуда — своими путями. Там у них свои дороги наверх, и, может, лучше Кессиных. Это уже не моё дело, я там гость. Но ты — бывал. Разве нет?

Капитан смотрел на него спокойно, без улыбки.

— Бывал.

— Ну вот.

— Сколько туда?

— Далеко. — Ильмар сел обратно на бочку. — Отсюда нельзя напрямую — там полосы, гряды. Надо в обход. Через Стеклянное поле. Через Сыпь. Неделя. Может, больше, если штиль. Сев! — Он не повысил голос, просто сказал имя, и Сев у мачты поднял голову. — Иди сюда. И Корта позови.

Сев подошёл, вытирая руки о фартук. Корт вылез из трюма, недовольный.

— Мы уходим, — сказал Ильмар. — На Низину. Через Сыпь. С ними. — Кивок на Терена. — Что нужно?

Сев не стал удивляться, а подумал.

— Полоз, — сказал он.

— Что полоз?

— Задний. Кормовой. Я тебе ещё на осыпи говорил: осядет. Осел. — Сев покосился на Бранна, и Бранн кивнул, не вставая. — Мы его с мастером сегодня смотрели. Там трещина. Небольшая. Вдоль. На ровном дойдёт, на стекле — не знаю. На стекле может лопнуть. Новые накладки — через пять дней. Полоз новый — через две недели, если найдём дерево.

— Ждать две недели мы не можем, — сказал Ильмар.

— Тогда на старом, — сказал Сев. — Но медленно. И запасной полоз — на палубу, на крепления. Тот, что у Корта под рыбой. Он старый, кривой, но если этот лопнет, мы его поставим. За полдня. Если стоянка будет.

— Будет, — сказал Ильмар. — Корт?

— Вода, — сказал Корт.

Он сказал это так, как другой бы сказал «смерть».

— Сколько?

— Нас восемь. Их трое. Одиннадцать. Неделя до Сыпи, если без штиля. Со штилем — две. По три кружки на человека в день, да котёл. На две недели одиннадцать человек — это... — Корт стал загибать пальцы. — Тридцать пять бочек. Бочка у нас корабельная, на ведро, — сказал он Терену, будто тот спорил. — Тридцать пять вёдер. Сорок — чтоб не плакать. Сейчас на борту двенадцать, это вся наша квота за неделю, я её позавчера выбрал. Значит, двадцать восемь купить. Больше квоты — только по особому разрешению водной конторы. А разрешение — через Кессу.

— А весом? — спросил Ильмар.

— Весом пройдёт. Рыбу мы сдали, две с лишним тонны с борта ушло. Сорок вёдер с бочками — полтонны. Встанем легче, чем пришли.

— Через Кессу, — повторил Ильмар.

Все переглянулись.

Терен сунул руку в карман, достал два медных жетона, с одной прорезью и с тремя, и положил их на бочку перед Кортом.

Корт поднял глаза от жетонов на Терена.

— Это что?

— Мастерский знак, — сказал Терен. — С ним — к об-

менникам, в водную контору, в совет смотрителей. Мне его вчера Кесса прислала. Чтобы я ходил по Подсводу как мастер.

Корт взял жетон с тремя прорезями и повертел в пальцах.

— С этим дадут, — сказал он медленно. — Двадцать восемь бочек — дадут. Мастер покупает воду для своей работы. Это бывает.

— И вечером Кесса будет знать, — сказал Ильмар, — что её мастер купил двадцать восемь бочек воды.

— Будет.

— И поймёт зачем.

— Поймёт.

Ильмар посмотрел на него, потом на жетон в руке Корта, потом снова на Терена — и вдруг засмеялся по-настоящему, весело, запрокинув голову.

— Её водой, — сказал он. — Её знаком. Она тебе сама дала. Ох, проводник. — Он вытер глаза. — Ну, тогда нам надо уходить сегодня. Сразу, как воду погрузим. До темноты. Пока она не поняла.

— Сегодня, — сказал Сев без выражения. — На треснутом полозе.

— Сегодня, Сев. Ты же сказал — дойдёт на ровном.

— Сказал.

— Ну вот.

Сев пожал плечами и пошёл к трюму, за запасным поломом.

Терен обернулся. Бранн сидел на мешках и ждал его, и Терен подошёл и сел рядом.

— Низина, — сказал Бранн.

— Да.

— Это дальше от Эны, чем Свод.

— Дальше.

— Намного дальше.

— Намного.

Бранн смотрел на причал, на кран, у которого всё ещё лежала криво сорванная скоба, на Варда, который там внизу ставил ящики и говорил с ними.

— Здесь сидеть, — сказал Бранн наконец, — Кесса нас продаст. Неделю будет сидеть, месяц будет сидеть. А потом продаст. Не наверх, так ещё кому-нибудь. Я это вижу. А там — дорога. Плохая, длинная. Но дорога. Ты по ней поведёшь?

— Ильмар поведёт. Я не знаю здесь дорог.

— Тогда ты будешь смотреть, как он ведёт. Это ты умеешь.

Тиса подошла с носа, встала перед ними. Риан остался там, у борта, смотрел.

— Мы уходим? — спросила она.

— Уходим.

— Куда?

— В Низину. Через Сыпь.

Лицо у неё было такое, будто ей одновременно подарили что-то и что-то отняли.

— А мои? — спросила она. — Мама. Они же думают, что я...

Она не договорила.

— Из Низины напишешь, — сказал Терен. — Оттуда, может быть, письмо быстрее дойдёт, чем отсюда.

Он не знал, правда ли это. Он думал, что, может быть, правда. Тиса, кажется, поняла, что он не знает, но кивнула.

— Мне ещё Риан обещал показать, как навигатор считает поправку на ветер, — сказала она. — Я пойду?

— Иди.

Она пошла, и Бранн смотрел ей вслед.

— Хоть кто-то рад, — сказал он.

* * *

Водная контора стояла на нижней плите, у пятого обменника, в длинном низком здании, где пахло сыростью и мокрым камнем. За конторкой сидел пожилой клерк в нарукавниках, с книгой. Над ним на стене висел щит с медными крючками, и на крючках — жетоны, водные, круглые, с номерами.

Терен положил перед клерком жетон с тремя прорезями.

Клерк посмотрел на жетон, потом на Терена, потом снова на жетон, взял его, повертел и поднёс к свету лампы.

— Мастерский, — сказал он.

— Мастерский.

— Сколько?

— Двадцать восемь бочек. На «Недоимку». Второй при-

чал.

Клерк поднял глаза. Он молчал, и Терен видел, как он считает — двадцать восемь бочек, мастер, «Недоимка», второй причал, — и как складывает одно с другим.

Потом клерк, ничего не сказав, открыл книгу, обмакнул перо, написал строку и повернул её к Терену.

— Распишитесь, господин мастер.

Терен взял перо и перечёл строку: дата, жетон, двадцать восемь бочек, «Недоимка», второй причал. Всё было правдой: всё, что здесь было написано, он видел своими глазами.

Он расписался.

Клерк забрал книгу, посыпал подпись песком и сдул его. Потом встал, снял со щита двадцать восемь круглых водных жетонов, нанизал их на шнурок и положил перед Тереном, а мастерский знак вернул.

— Бочки к вам привезут через час, — сказал клерк. — Возчики уже знают.

— Спасибо.

Клерк кивнул. Потом, когда Терен уже был в дверях, сказал ему в спину, ровным голосом, без всякого выражения, тем тоном, каким клерки говорят о погоде:

— Хранительнице книгу носят в шестом часу. Каждый день.

Терен обернулся. Клерк уже снова сидел над книгой, склонив голову, и что-то писал.

Был третий час.

Глава девятая. Уйти от города

Бочки привезли не через час, а через сорок минут.

Привезли на двух низких телегах с широкими колёсами, обитыми войлоком, чтобы не гремели по плитам причала. Возчики были молчаливые, в одинаковых серых фартуках водной конторы, и сгружали бочки так, будто делали это каждый день: по одной на плечо, по сходням, в трюм. Корт стоял у люка и считал вслух. Каждую бочку он перехватывал за верёвочную петлю, качал на руке, кивал и только тогда пропускать вниз.

— Восемь, — говорил он. — Девять. Эта неполная. Эй! Эта неполная!

— Полная, — говорил возчик.

— Я сказал — неполная. Подержи — лёгкая.

Возчик держать не стал. Он пожимал плечами и нёс бочку дальше. Корт записывал что-то углём на доске у люка, ругался и брал следующую.

Терен носил вместе с возчиками, хотя никто его об этом не просил. Он просто стоял на сходнях, когда у второго возчика бочка поехала с плеча, поймал её и понёс сам, а дальше носил уже по привычке. Бочки были корабельные, небольшие, на ведро каждая, но мокрые снаружи, скользкие и холодные — вода в них была колодезная, из питьевых колодцев нижней плиты, — и от них на рубаше оставались тёмные

круги.

Бранн сидел у кормового полоза вместе с Севом. Запасной полоз — длинный, тёмный, кривоватый брус, окованный старым железом, — уже лежал на палубе вдоль борта, и Сев с Пелем крепили его толстыми канатами к скобам, а Бранн смотрел, как они крепят, и время от времени говорил: «Нет. Ещё раз». Сев переделывал молча, а Пель переделывал и ругался.

Тиса сидела на носу и чистила с Рианом какую-то длинную снасть, вытягивая её из бухты на палубу локоть за локтем. Делала она это левой рукой. Правую держала на колене, ладонью вверх, в Яриной повязке.

Ильмара на палубе не было.

— Где капитан? — спросил Терен у Корта, когда принёс десятую.

— В конторе, — сказал Корт, не отрываясь от бочек. — Портовой. Платит.

— Что платит?

— Портовый сбор. — Корт качнул бочку на руке, кивнул. — Мы его Кессе два раза не платили. С прошлого месяца и с позапрошлого. Сухая рыба, говорили, взвешена неправильно, на их весах. Они говорили — на наших весах неправильно. Год уже спорим.

— А сейчас?

— А сейчас он пошёл и заплатит. Половину. Чтобы был разговор про вторую половину. Пусть разговаривают.

Терен посмотрел на него, и Корт выдержал взгляд.
— Ильмар знает, что делает. Неси.

Терен понёс.

* * *

Дорн пришёл, когда возчики уехали.

Пришёл он не по причалу, а снизу, из-под свай, по узким мосткам, которые шли вдоль воды под самым настилом, — Терен и не знал, что там есть мостки. С Дорном пришли Брита, Хал и Вард. У Варда во всю левую скулу темнел синяк, вчера, у костра, ещё красный, а сегодня уже лиловый, и, увидев Терена, Вард улыбнулся этим синяком.

— Тут не говорим, — сказал Дорн. Он не поднялся на палубу, остался на мостках, внизу, под бортом, и Терен свесился к нему через фальшборт. — Через третий створ не выйдете. Там Кессины. Через второй — тоже. Перед вторым сегодня с обеда лодка стоит. Пустая. Будто бы на ремонте.

— А больше створов нет.

— Есть. Сухой. За шестым складом. Мы через него балласт возим и полозья на ремонт тащим. Он узкий. Ваш пройдёт, если без парусов и если тянуть. Бон там наш, артельный. Мы его сами чиним, сами открываем.

— А ход?

Дорн посмотрел на него снизу, долго.

— Ход — это ход. Створ — это створ. Створ — это корабль из гавани вывести, это мы всегда можем, это наша работа. Ход — нет. Ты понимаешь.

— Понимаю.

— Хорошо. — Дорн кивнул назад, на Хала и Варда. — Тянуть будут наши. Двенадцать человек. Твоя команда — на борту. Бон откроем, когда скажу. Не раньше. Если раньше — Кессины увидят с третьего створа и прибегут.

— Когда?

— Когда они к вам придут. Тогда все смотрят на вас. Тогда и откроем.

Терен понял не сразу, но потом понял.

— Значит, надо, чтоб пришли.

— Придут, — сказал Дорн. — Они уже идут. Мирка сказала мужу, муж сказал старшему на складе, старший — в дом. Это пока ты с Кортон бочки носил. Шестого часа ждать не будут.

Брита стояла рядом с ним на мостках, сложив на груди изрезанные руки, и смотрела не на Терена, а мимо него, на палубу. Терен проследил её взгляд: она смотрела на Тису.

— Это ученица? — спросила Брита.

— Да.

— Сколько ей?

— Семнадцать.

Брита кивнула и сказала не сразу:

— У моей сестры в Сыпи дочь такая. Тоже ниткой балуется. — Она отвернулась. — Пошли, Дорн.

Они ушли тем же путём, под сваи, и мостки заскрипели и стихли. Только Вард остался на секунду, поднял к Терену

свою лиловую скулу.

— Ты не думай, — сказал он. — Мы тянуть умеем. Я тянуть умею лучше, чем ящики ловить.

И ушёл следом.

* * *

Ильмар вернулся через полчаса, и не один.

За ним по причалу шёл человек в синем кафтане с медными пуговицами — того же покроя, что у мальчишки-посыльного, только на взрослом и с серебряным шнуром на плече, — немолодой, полный, с одышкой. Он прижимал к животу папку, как прижимают кошку, которая хочет вырваться. За ним шли двое обычных стражников, в кожаных куртках, с короткими копьями, за ними ещё двое, а за ними ещё.

Терен перестал считать на восьмом.

Последним шёл человек, которого он выделил сразу, потому что тот был выше всех на голову и шире всех в плечах, — в кожаном нагруднике с медными бляхами и в шлеме, хотя от жары у причала дрожал воздух. А за ним вплотную, в трёх шагах, шли ещё двое, худые, загорелые, в насквозь мокрых рубашках. У каждого на запястье была манжета, у одного на левом, у другого на правом, и от каждой манжеты тянулась рыжая нить к рукам большого человека в шлеме — к левой и к правой.

Большой человек в шлеме шёл по жаре, в коже и меди, и не потел.

— Это Гульд, — сказал рядом Корт, вылезая из люка.

Сказал вполголоса. — Портовый. А это — Тяж. Это у Кессы старший стражи на причалах. Те двое — его.

— Его?

— Должники. Из Сыпи. — Корт плюнул за борт. — Весь год так за ним ходят. Ему жарко, им — жарче.

Ильмар взбежал по сходням первым, лёгкий, весёлый, как будто привёл гостей на праздник.

— Корт! — сказал он громко. — Достань-ка мне весовые листы с Сухой. За позапрошлый месяц. И за прошлый. Господин Гульд пришёл посмотреть.

Корт молча полез в трюм.

Гульд, задыхаясь, остановился у сходней, и стражники полукругом встали за ним, а Тяж отдельно, у края причала, и его двое — за ним.

— Капитан, — сказал Гульд, отдышавшись. — Я пришёл не смотреть. Я пришёл с распоряжением.

— Конечно, — сказал Ильмар. — Читай.

Гульд открыл папку, достал лист и поднёс его к глазам.

— Первое. «Недоимка», капитан Ильмар, задерживается у второго причала до полной уплаты портового сбора за две последние стоянки. Половину вы внесли сегодня. Остаётся половина. Сорок квадратов.

— Сорок, — повторил Ильмар. — Это по вашим весам?

— По портовым.

— А по нашим — двадцать два. Корт! Где листы?

— Ищу, — сказал Корт из трюма.

— Второе, — сказал Гульд, не обращая внимания. — Хранительница Подсвода просит своего гостя, господина проводника Вея, и его спутников, мастера и ученицу, перейти с корабля в её дом. Немедленно. Ради их же безопасности. Корабль, как известно, задержан. Хранительница не может допустить, чтобы её гостей задерживали вместе с кораблём, — Гульд перевернул лист, — на неопределённое время.

Он поднял глаза на Терена, стоявшего у борта, — видимо, узнал его по описанию.

— Господин проводник. Прошу вас.

Терен не двинулся.

— Корт! — крикнул Ильмар. — Ну?

Корт вылез из трюма с пачкой мятых, засаленных листов, перевязанных бечёвкой. Подал Ильмару. Ильмар развязал бечёвку, вытащил первый лист, сошёл по сходням на две ступени и сунул лист Гульду под нос.

— Вот. Сухая стоянка. Взвешено при свидетелях. Рыба сушёная, сорок два мешка. Вес — вот. Подпись старшины стоянки — вот. А у вас в книге — сколько?

— Капитан...

— Нет, ты посмотри, — сказал Ильмар. — Посмотри. Ты же портовый. Ты же весовщик. Ты должен видеть. Вот тут — две тонны сто. А у вас в книге записали — две восемьсот. Это откуда семьсот? Это что, рыба по дороге выросла?

Гульд скосил глаза на лист. Лицо у него было усталое и злое.

— Капитан, мы этот спор ведём год.

— Год, — согласился Ильмар. — И ни разу ты мне не сказал, откуда семьсот. Ты мне сейчас скажи, и я заплачу. Все сорок. Сразу. Вот, при людях.

Стражники за спиной Гульда переглядывались, и кто-то из них ухмыльнулся: видимо, этот спор они слышали не в первый раз. Гульд перебирал листы, шевелил губами и что-то сверял, а Ильмар стоял над ним на сходнях, весёлый, и говорил, говорил — про рыбу, про мешки, про весы на Сухой, которые в прошлом году проверял сам Орден меры, про то, что у портовых весов коромысло гнутое, это все знают, это ещё отец Гульда говорил...

Терен понял, что он делает, и перестал смотреть на Ильмара. Он стал смотреть по сторонам.

Корабль стоял у второго причала бортом к настилу. По другую сторону, за кормой, была вода — узкая полоса тёмной гаванской воды между этим причалом и следующим, третьим. Нет, не вода: присмотревшись, Терен увидел, что это гладкая, мокрая, тёмная плита, залитая на палец, по которой корабли на канатах подтягивали к причалам и оттягивали от них. И по этой плите сейчас, за кормой, Пель и Ула молча, без суеты отпускали кормовые швартовы, тихо, по локтю. Корабль не двигался: его держали носовые, у сходней, на виду.

А далеко, в конце этой полосы, у шестого склада, Терен разглядел людей, стоявших у чего-то тёмного и длинного,

что перегораживало полосу поперёк, — огромного бревна на цепях. Это был бон.

Людей было двенадцать, и он видел, как они стоят и ждут.

— Господин проводник, — сказал Гульд, подняв голову от листов. — Я жду вас.

— Он занят, — сказал Ильмар. — Он со мной считает. Правда, проводник? Сорок два мешка. Две тонны сто. Скажи ему, ты же весы проверяешь.

— Проверяю.

— Ну и скажи, откуда семьсот.

— Если коромысло гнущее, — сказал Терен Гульду, — то лишние будут на одну сторону всегда. На каждой стоянке. На каждом корабле. Не только у вас.

Гульд не нашёлся, что ответить.

— Вот! — сказал Ильмар. — Проводник первого класса со Свода говорит!

Кто-то из стражников за спиной Гульда засмеялся вслух. Гульд обернулся на смех. Потом повернулся обратно, и лицо у него было уже не усталое, а только злое.

— Хватит, — сказал он. — Капитан, корабль задержан. Господин проводник, вы идёте со мной. Тяж!

Большой человек в шлеме шагнул к сходням.

И в ту же секунду с дальнего конца полосы, от шестого склада, донёсся тяжёлый, гулкий, долгий железный звук, как если бы кто-то уронил в колодец якорную цепь: пошла цепь бона.

Все обернулись.

* * *

Дальше всё было быстро.

Ильмар крикнул одно слово, которого Терен не разобрал, но Ула и Пель разом сбросили кормовые швартовы, а Сев на носу, не глядя, одним ударом топора перерубил носовой. Корабль качнулся, и больше ничего не произошло: он стоял, как стоял. Тогда из-под соседнего причала на плиту за кормой выскочили люди — Хал, Вард, ещё трое, ещё пятеро, — схватили кормовые концы, которые Ула и Пель бросили им вниз, и упёрлись.

Корабль пошёл.

Пошёл медленно, со скрипом, полозья зашуршали по мокрой плите, и Терен почувствовал, как палуба под ногами поехала назад, от причала, кормой вперёд к далёкому бону. Сходни, на которых стоял Ильмар, сорвались с борта и с грохотом упали на причал. Ильмар прыгнул, повис на руках на фальшборте, и Корт за шиворот втащил его на палубу.

— Тяж! — орал Гульд на причале. — Тяж, стой их!

Тяж бежал вдоль причала тяжело, но быстро, и в трёх шагах за ним бежали его двое — не могли не бежать, потому что тянула нить. Рядом бежали двое стражников с копьями, а ещё трое — дальше, наперерез, к шестому складу, к бону.

Корабль полз. Двенадцать человек тянули его по плите, упираясь и скользя, — Терен видел, как Вард упал на колени, поднялся и снова упёрся. До бона оставалось шагов сто,

восемьдесят.

— Они бон закроют! — крикнула Тиса.

Три стражника добежали до шестого склада, где у ворота бона стояли Дорн, Брита и ещё двое артельных. Стражники что-то кричали, но Дорн не двигался, а Брита держала руку на рычаге ворота.

Тяж добежал до края причала напротив корабля. Корабль был в трёх шагах от причала — плита между ними, мокрая, и Тяж прыгнул на неё, прямо к борту, и его двое прыгнули за ним, потому что не могли не прыгнуть. Тяж ухватился за кормовой швартов, который тянули артельные, и рванул. Двое, что держали этот швартов, упали. Корабль дёрнулся, повело корму.

Терен бросился к борту. Не думая — он видел только одно: швартов, человек на нём, корабль встаёт.

Его схватили за плечо и развернули.

Это был Ильмар — мокрый, с ободранными о фальшборт руками и с лицом, на котором не осталось ничего весёлого.

— Вей! — крикнул он ему прямо в лицо. — На борт! Ты мне живой нужен, а не в Кессинном подвале!

И сам прыгнул за борт, на плиту.

Терен остался у фальшборта. «Вей», «живой нужен» — слова проскочили через него, как вода сквозь решётку: спросит потом, сейчас было некогда.

Внизу, на плите, Ильмар добежал до Тяжа.

Драться с ним он не стал, потому что Тяж был вдвое ши-

ре и в меди. Ильмар нырнул под руку, которой тот держал швартов, и коротко ударил его рукоятью ножа сзади под колено, туда, где у нагрудника кончалась кожа. Тяж охнул и сел на плиту, как мешок, швартов выскользнул, артельные подхватили его, упёрлись, и корабль снова пошёл.

Тяж поднимался. Ильмар был уже над ним, со спины, — и Терен увидел, как нож лёг Тяжу к горлу, туда, где под подбородком ремень шлема.

— Сиди, — сказал Ильмар. Негромко. Терен на борту не должен был бы расслышать, но расслышал. — Сиди, Тяж. Не дёргайся. Мне твоё горло не нужно. Мне твои руки нужны.

Двое худых в мокрых рубашках стояли рядом. Нить тянулась от их запястий к запястьям Тяжа. Они стояли и смотрели — на нож, на Ильмара, на корабль. Лица у них были красные, мокрые, пустые.

— Корт! — крикнул Ильмар, не поворачивая головы. — Воды! Ведро!

Корт уже бежал по палубе с ведром из бочки. Перегнулся через фальшборт и выплеснул. Вода окатила Тяжа с головой — шлем, нагрудник, руки. Тяж зашипел, как головня, а двое за ним одновременно, разом, вздохнули — так глубоко, так шумно, что Терен услышал это сквозь весь шум гавани. Будто им вдруг дали глотнуть воздуха после долгого нырка.

— Ещё, — сказал Ильмар.

Второе ведро. Тяж сидел мокрый, в луже. Ильмар не убрал, а отвёл нож от его горла на ладонь, левой рукой наша-

рил на запястье Тяжа пряжку манжеты и медленно растянул — сначала одну пряжку, потом вторую. Манжета упала на плиту, и нить провисла.

— Твоя, — сказал Ильмар худому, тому, что слева.

Худой не понял. Смотрел на манжету на плите, потом на свою, на запястье.

— Расстёгивай. Она теперь пустая. Ничего не будет. Расстёгивай сам.

Худой поднял руку. Пальцы у него тряслись, и он долго не мог найти пряжку, а когда нашёл и растянул, манжета соскользнула, и под ней открылось тонкое запястье с бурой полосой, гладкой и блестящей, как старый ожог. Худой смотрел на эту полосу так, будто видел её впервые.

Ильмар уже расстёгивал вторую манжету Тяжа. Тяж сидел и не дёргался: он смотрел на нож и, кажется, считал.

— Капитан, — сказал Тяж. Голос у него был тихий, хриплый. — Это Кессин долг. Не мой. Кессин. Ты знаешь.

— Знаю. Пусть Кесса и приходит за ним. Сама. На своих ногах.

Вторая манжета упала. Второй худой снял свою сам, быстрее, чем первый.

— На борт, — сказал им Ильмар. — Или домой. Сами решайте. Только быстро.

Они переглянулись и обернулись к кораблю, который медленно, но уходил, полз по плите к бону. Тот, что слева, побегал первым, второй за ним. Они догнали корму, и Ула свер-

ху протянула руку сначала одному, потом другому и втащи-
ла обоих через фальшборт.

Ильмар убрал нож.

— Прости, — сказал он. — Колено пройдёт.

И побежал за кораблём. Пель бросил ему конец, он схва-
тился, и его подтянули к борту.

* * *

У бона стражников было трое, а артельных — четверо, и Дорн по-прежнему не двигался с места, а Брита по-преж-
нему держала руку на рычаге ворота. Цепь бона была уже
наполовину выбрана. Огромное бревно, окованное железом,
медленно отходило в сторону, как ворота, открывая узкую
прорезь в каменной стенке гавани — шагов шесть шириной,
не больше. За прорезью было открытое, тёмное, вечернее.
Равнина.

Один из стражников схватил Бриту за руку, но Брита не
отпустила рычаг. Стражник рванул сильнее, и тогда Дорн по-
вернулся к нему — медленно, как поворачивается тяжёлая
дверь, — и сказал что-то, чего Терен не расслышал. Страж-
ник отпустил Бритину руку.

Терен потом спросил Варда, что сказал Дорн. Вард пожал
плечами и сказал, что Дорн называл стражнику, как зовут его
мать и где она живёт, — и что Дорн её знает. Больше Вард
ничего не объяснил, и Терен не стал спрашивать.

Корабль кормой подполз к бону. Сев на корме командо-
вал артельным: левее, ещё левее, теперь прямо. Кормовой,

треснутый полоз проехал по каменному порогу прорези со скрежетом, от которого у Терена заныли зубы. Сев лёг на палубу, свесился вниз, посмотрел и ничего не сказал — значит, полоз выдержал.

Потом прорезь кончилась.

На равнину вышла корма, потом середина, потом нос, и артельные отпустили концы. Последним отпустил Вард и остался стоять в прорези, в проёме бона, огромный, рыжий, с лиловой скулой, и махал.

Терен поднял руку.

Позади, в гавани, что-то кричал Гульд, Тяж сидел на плите в луже, держась за колено, а стражники бежали по причалу назад, к третьему створу, где стояли Кессины буера.

— Парус! — крикнул Ильмар.

* * *

Ветра не было.

Вернее, был тот слабый вечерний сквозняк, который всегда тянул вдоль плит Подсвода, когда спадала жара, но не рабочий, не тот плотный, горячий, ровный ветер, который несколько дней назад нёс их по ленте к городу. Парус пошёл вниз, раскрылся и повис, дёрнулся и снова повис.

Корабль стоял за боном, на открытой равнине, носом к темноте, и не двигался.

— Нэра, — сказал Ильмар.

Нэра стояла на носу. Стояла она давно — Терен видел её, когда тянули: держась за снасть, она смотрела не на гавань,

не на бон и не на стражников, а в темноту впереди. Теперь она обернулась.

— Через восемь минут, — сказала она. — Может, через десять. Сверху к вечеру Большой грузовой ставят на нижнюю. Тогда пойдёт.

— Восемь минут, — повторил Ильмар.

Терен смотрел в гавань, где у третьего створа шевелились огни. Буера он видел вчера — лёгкие, узкие, на трёх тонких полозьях, с треугольным парусом, вдвое меньше «Недоимки», — и им нужен был ветер поменьше.

— Тянуть, — сказал Ильмар. — Пель! Лебёдку!

Пель уже снимал с барабана канат с якорем. Якорь был не якорь, а тяжёлый трёхлапый крюк. Пель с Улой вдвоём перебросили его через нос, далеко вперёд, на равнину, в темноту, и Пель стал выбирать. Крюк поехал по плитам, царапая, нашёл трещину, зацепился. Пель налёг на барабан. Корабль дёрнулся и пополз — на крюке, на канате, шаг за шагом, к собственному якорю.

Это было медленно, смешно медленно. Терен стоял у борта и считал шаги, и на сороковом понял, что так их догонят и пешком.

— Ещё раз, — сказал Пель. Он вытащил крюк и снова бросил.

Терен, не спрашивая, встал рядом с ним у барабана и взялся за рукоять с другой стороны. Пель хмуро покосился на него, но промолчал. Они крутили вдвоём, потом подошёл

Риан, а потом один из двух худых в мокрых рубашах — тот, что первым снял манжету. Он молча встал к барабану и тоже взялся, и его руки с бурыми полосами на запястьях держали рукоять ровно и крепко.

Бранн сидел на запасном полозе и смотрел, как они крутят, и Терен видел, что он едва удерживается, чтобы не встать и не взяться здоровой рукой.

— Сиди, — сказал Терен, не оборачиваясь.

— Сижу.

В гавани за спиной стало светлее. Терен оглянулся: из прорези бона, которую артельные уже снова медленно-медленно закрывали, выходил первый буер. Нет, не выходил: бон стоял поперёк, наполовину закрытый, и пройти буер не мог. Он развернулся и пошёл обратно, к третьему створу.

— Дорн закрывает, — сказал Риан. — Он им не даст через свой.

— Через свой не даст, — сказал Ильмар. — А через третий они и сами выйдут. Им полчаса. Нам — восемь минут. Крутите.

Крутили.

На восьмой минуте — или на десятой, Терен потерял счёт — Нэра на носу подняла руку.

Терен почувствовал ветер раньше, чем понял, что чувствует. Он пришёл сверху, из белого окна, будто кто-то огромный выдохнул. Тёплый, плотный, ровный, пахнущий горячим железом. Не порыв — поток, который начался и не

кончился. Парус над головой хлопнул, выгнулся, налился. Канат на барабане ослаб. Корабль пошёл сам, обгоняя свой якорь.

— Крюк! — крикнул Пель.

Они выбрали крюк бегом, на ходу, Пель и Риан, перевалили его через борт, и он грохнул о палубу. А корабль уже шуршал по плитам — сначала тихо, потом громче, потом тем самым долгим ровным шорохом, косой по траве. И огни Подсвода стали отходить назад, медленно, потом быстрее.

Ильмар стоял у руля и смеялся — громко, запрокинув голову, всем телом, так же, как днём, когда Корт взял жетон в руку.

— Вот, — сказал он. — Вот это — Большой грузовой. Кто-то наверху сейчас семь тонн на нижнюю ставит, а нам — дорога. Спасибо ему.

* * *

К полуночи огни Подсвода превратились в одно жёлтое пятно под белым окном. Потом пятно стало не видно, потому что они ушли за гряды.

Кессины буера, как и сказал Ильмар, вышли из третьего створа через полчаса после них. Терен видел сзади их огни — три, потом четыре — до самой гряды. Буера шли быстрее «Недоимки», и некоторое время казалось, что догонят. Но Ильмар повернул не туда, куда шла лента, а влево, прочь от неё, через полосу битого щебня, где буера на своих тонких полозьях пройти не могли. «Недоимка» прошла — медлен-

но, хрустя, со скрежетом, от которого Сев каждый раз бледнел, но прошла.

Потом была ещё одна полоса щебня, потом плита, потом гряда.

За грядой огней сзади больше не было.

— Не потеряли, — сказал Ильмар, глядя назад. — Ждут. Они знают, куда мы. Прямо — на Стеклянное поле, через Песочные ворота, там их стоянка. Там они нас и будут ждать завтра. Значит, прямо не пойдём.

— А как пойдём? — спросил Терен.

Ночью, при свете окон, лицо у Ильмара было усталое и спокойное.

— Кругом. Через Штилевой карман. В одной старой лодии про него сказано: «Где нет ветра, там нет и погони». Ветра там почти не бывает, буера туда не ходят, им там стоять. А мы постоим. До завтрашнего вечера, может, меньше. Потом выйдем к полю с другой стороны.

— Это дольше.

— Это дольше, — согласился Ильмар. — На день. Может, на два. Корт будет ругаться за воду.

— Буду, — сказал Корт откуда-то из темноты.

Ильмар ушёл на нос, к Нэре. Терен остался у кормы.

Двое худых сидели у мачты, на палубе, прислонившись к ней спинами. Яра сидела перед ними на корточках с фонарём и разглядывала их запястья. Терен подошёл, сел рядом, не спрашивая.

Полосы на запястьях были гладкие, блестящие, бурые, с розовым краем, старые — не сегодняшние и не вчерашние. Яра тихо щупала их пальцами, а худые сидели и смотрели, как она щупает, так, будто это происходило с кем-то другим.

— Сколько носили? — спросила Яра.

— Год, — сказал тот, что слева. — Он — год и два месяца.

— Год, — повторила Яра. Она достала из сумки баночку, ту, с дёгтем и мёдом, намазала обоим запястья. — Это не сойдёт. Это останется. Кожа тут теперь такая будет. Сохнуть будет, трескаться. Мазать будете.

— Ладно.

— Как зовут? — спросил Терен.

— Лем, — сказал худой. Кивнул на второго. — Это Харт. Брат двоюродный.

— Откуда?

— Из Сыпи. С Кривого настила. — Лем помолчал. — Мы за отца долг носили. Он у Кессы зерно брал, три года назад, когда у нас поле съехало. Отец старый, его Кессе не надо. Долг — на нас.

— Сколько осталось? — спросил Терен и сразу пожалел. Это был вопрос проводника, который считает. Лем, кажется, этого не заметил.

— Не знаю. Нам не говорили. Говорили — носите.

Харт молчал. Он смотрел на свои запястья, намазанные чёрным, и вдруг сказал, очень тихо, ни к кому:

— Холодно.

Яра сняла с себя куртку, свою, и накинула ему на плечи.

— Это ты год жару носил, — сказала она. — Теперь холодно будет. Неделю. Пройдёт.

* * *

Тиса нашла Терена у кормы, когда он уже сидел там один.

Она села рядом и помолчала. Белое окно позади тускнело, а ниже, рядом с ним, проступало маленькое тёплое.

— Ильмар его ножом, — сказала Тиса.

— Видел.

— Он бы его зарезал?

Терен подумал.

— Не знаю, — сказал он честно. — Нет, наверное. Он сказал, ему горло не нужно.

— А если бы Тяж дёрнулся?

— Не знаю, Тиса.

Тиса сидела, обхватив колени здоровой рукой.

— А тех двоих он отпустил, — сказала она. — Совсем. Манжеты сняли. Ты видел, как он с ними? Он им сказал — сами снимайте. Сами. — Она помолчала. — Бранн на галерее у Кессы хотел нитку порвать. Ты ему не дал. А Ильмар — порвал.

— Я не дал, потому что у Бранна руки нет, а у Кессы — стража. А у Ильмара — нож и корабль, который уходит.

— Я знаю. — Тиса подумала. — Я не про то. Я про то, что я его теперь не понимаю. Утром он тебя к Кессе отпустил, чтобы ты сам узнал, что почём. Днём — воду её знаком ку-

пить дал. Вечером — нож к горлу. А потом — «прости, колено пройдёт».

Терен не ответил: он тоже его не понимал. И он помнил — это пришло уже потом, когда всё кончилось и корабль шёл ровно, — что крикнул ему Ильмар у борта: «Ты мне живой нужен». Тогда он решил, что понял, о чём это. Сейчас, в темноте, он повторил это про себя ещё раз и опять решил, что понял: он нужен Кессе, нужен Ремиху и капитану тоже нужен — проводник первого класса, только что подорожавший. Капитан — торговец, как и все здесь. Ничего другого Терен в этих словах не услышал.

— Бранн спит? — спросил он.

— Спит. На запасном полозе. Сев ему сказал, что если полоз под ним треснет, то пусть он и чинит.

Терен засмеялся, и Тиса тоже.

Корабль ровно шёл в темноте по плитам, и шорох полозьев был единственным звуком на всей огромной равнине. Впереди, далеко, под каким-то тёмным окном без всякого света, лежал Штилевой карман, о котором Терен не знал ничего, кроме названия, а позади остались Подсвод, Кесса, Дорн и Вард с лиловой скулой в проёме бона. И где-то над всем этим был Свод, который с этой стороны был просто шумом в белом окне.

Тиса уснула, привалившись к его плечу. Он не стал её будить.

* * *

Ула пришла к корме позже, когда Тиса уже спала, а Терен сидел и смотрел назад, на то место, где за грядой остался Подсвод.

Ула села на бочку рядом, тяжело, как садятся люди, которые весь день таскали груз. Сняла с рук рабочие рукавицы, кожаные, изрезанные канатом, положила рядом.

— У меня доля в артели Подсвода, — сказала она. Ни к кому, будто сама с собой. — Не в корабельной. В причальной. Я туда три года откладывала. Каждую стоянку — немного. Хотела выкупить у Корта четверть его доли в «Недоимке». Он продаёт. Давно продаёт. Я почти собрала.

Терен молчал.

— Гульд меня видел, — сказала Ула. — Когда я швартов отдала. Он меня знает. Он кричал, что запомнил. Причальная доля — Кессина. Через Кессину контору. Если Гульд скажет, что я помогала уводить её гостя, — долю заморозят. Может, отнимут. Как у них захотят.

— Ты знала, когда отдавала швартов?

— Знала. Я ж не дура.

— Зачем тогда?

Ула долго разглядывала его.

— Ты на осыпи девчонку свою связал как надо, — сказала она. — А потом всё равно завёл не туда. Я тебя тогда отругала. А сегодня Гульд стоял у сходней и говорил: «ради их же безопасности». Я этот голос знаю. Так они мне говорили, когда отца в манжету брали. Тоже ради безопасности.

Она взяла рукавицы, встала.

— Это не про тебя, — сказала она. — Не думай. Это про Гульда.

И ушла на нос, к мачте, спать.

Терен посидел ещё, потом пошёл к бочке, напился, лёг на палубу у кормы, под край свёрнутого паруса, и долго не мог заснуть, хотя очень хотел. Над ним ровно гудел ветер из белого окна — ветер чужого Большого грузового, который где-то наверху ставили на нижнюю площадку и который нёс их сейчас прочь от него.

Часть вторая. Ветер под мирами

Глава десятая. Ветер по ведомству

В Штилевом кармане было так тихо, что Терен слышал, как у Корта в трюме капает из бочки.

Капало редко, раз в двадцать ударов сердца, а может, и реже. Корт с вечера заколотил течь клином, обмотанным тряпкой, но клин подтекал, и каждая капля падала в подставленную под бочку жестяную миску с отчётливым, маленьким, обидным звуком. Корт не спал: Терен слышал, как он ворочается внизу на мешках и вздыхает каждый раз, когда капает.

Рассвело — то есть посветлело белое окно, далеко сзади, за грядой, а вслед за ним по очереди и все остальные. Карман лежал в чаше, обнесённой грядами со всех сторон: длинная, вытянутая, гладкая котловина с плоским дном из светлых плит, на которых не росло ничего, ни мха, ни травы. Гряды вокруг стояли высокие, круглые, как спины спящих животных, и свет на дно кармана приходил только сверху, отражённый, ровный, без теней.

И ни малейшего ветра.

Терен сел и отряхнул с себя ночной холод. За ночь карман остыл, а теперь снова начинал нагреваться, и плиты под кораблём уже тихо потрескивали, как остывающая печь, толь-

ко наоборот. Воздух над дном дрожал, и западная гряда — та, через проход в которой они вошли сюда ночью, — плыла и колебалась в мареве, как отражение в воде.

У прохода стояли паруса.

Четыре лёгких, светлых треугольника на фоне тёмной гряды — буера. Они стояли рядком, не двигаясь, перекрыв проход, как перекрывают ворота телегами, и до «Недоимки» от них было, по прикидке Терена, вёрст пять, а может, и меньше: в мареве не поймёшь.

— Ночью пришли, — сказал Ильмар.

Он стоял у руля, с короткой трубой в руке, и смотрел на буера. Утром он был без насмешки. Лицо у него было спокойное и очень внимательное.

— Сколько их там? — спросил Терен.

— Четыре буера. На каждом по двое-трое. Значит, человек десять. Может, двенадцать. — Ильмар опустил трубу. — Арбалеты у них есть. Это стражники с причалов, не охотники. Они будут стоять там, сколько надо. Им за это платят.

— А другой выход?

Ильмар кивнул на север, и Терен обернулся туда. На северном краю кармана, где гряды сходились ближе всего, между двумя круглыми горбами шла узкая светлая полоса. Длинная, прямая, гладкая, как дорожка, выметенная метлой, она поднималась вверх по склону и кончалась на гребне, в небе.

— Горло, — сказал Ильмар. — Плита. Готовая. Её наши

ещё до Кессы выглаживали, полозьями. Дорога на Стекло-
ное поле, напрямую. Через Горло — к вечеру были бы у поля.

— И почему не там стоят буера?

— Потому что через Горло без ветра не пройти. Подъём.
Полторы версты вверх. Корабль на нём — что телега на гор-
ке: отпусти — покатится обратно. Нужен ветер, сильный и
ровный, на всё время подъёма. А ветра в кармане нет. Его
тут никогда нет. Поэтому и карман — Штилевой.

— А вечером?

— Вечером бывает, — сказала Нэра.

Она подошла незаметно, как всегда, встала рядом с бра-
том, сложив руки на груди, и тоже уставилась на Горло.

— Иногда. Если наверху вечером что-то большое делают.
Как вчера в гавани. Но сюда доходит слабо. Через гряды ве-
тер теряется. Раз в неделю бывает такой, чтобы на Горло хва-
тило. Может, раз в две.

— А сегодня?

— Не знаю.

Ильмар повернулся к носу, где у мачты сидел Пель и, ссу-
тулившись, точил что-то на бруске. Нож.

— Пель, — сказал Ильмар. — Арбалеты из трюма. Все. И
болты. Ула, посчитай, сколько у нас щитов.

* * *

Корт посчитал воду, пока все смотрели на буера. Терен
узнал об этом, потому что Корт посчитал её вслух, на всю
палубу, стоя у люка с углём в руке и с доской.

— Сорок бочек, — сказал Корт. — Было. Одну я вчера на Тяжа вылил, вернее, две, спасибо капитану. Одна течёт. Значит, тридцать семь с половиной. Тринадцать ртов. Было одиннадцать, стало тринадцать, спасибо капитану ещё раз. — Он даже не посмотрел на Лема и Харта, которые сидели у мачты. — Бочка — двадцать четыре кружки. Тринадцать ртов по четыре, как привыкли, да котёл — под три бочки в день, а на жаре и на лебёдке и того больше. Неделя — хватит. Две — нет. Значит, с сегодняшнего дня по три кружки. Котёл — один в день. Мыться — забудьте. Тогда на две недели впритык. Если штиль, как в позапрошлом году, — не хватит и так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.